

Слово, созвучное времени

Сборник статей памяти С. А. Копорского

**Тверь
2010**

УДК 811.161.1

ББК 81.2Р

С 48

Слово, созвучное времени: Сб. статей памяти С. А. Копорского / Под ред. Л. Н. Новиковой. — Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2010. — 320 с.

Сборник посвящается памяти выдающегося ученого-русиста, профессора С. А. Копорского (1899—1967). Он содержит материалы, отражающие основные вехи жизненного пути Сергея Алексеевича, и статьи по актуальным проблемам русского языка, написанные в соответствии с кругом научных интересов С. А. Копорского: по русской диалектологии, лингвистическому анализу художественного текста, ономастике.

Сборник адресуется специалистам в разных областях лингвистического знания, аспирантам, студентам.

*Редакционная коллегия: д. ф. н. Ю. Л. Воротников,
д. ф. н. И. С. Улуханов, д. ф. н. Е. С. Копорская,
к. ф. н. И. В. Гладилина,
к. ф. н. Л. Н. Новикова (отв. редактор)*

Подписано в печать 25.12.10. Формат 60х84 1/16.

Бумага типографская. Объем 20 п. л.

Тираж 150 экз.

Издательство М. Батасовой

(4822) 450—459, 8 920 684 6879

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

170000, г. Тверь, ул. Советская, 15

8 910 532 1504

ISBN 978–5–903728–36–7

© Л. Н. Новикова, редактор, 2010

© Авторский коллектив, 2010

© Издательство Марины Батасовой, 2010

**С. А. КОПОРСКИЙ -
УЧИТЕЛЬ,
НАСТАВНИК,
ЧЕЛОВЕК**

Ю. А. Бельчиков
(Москва, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН)

Сергей Алексеевич Копорский
(к 100-летию со дня рождения)¹

Сергей Алексеевич Копорский (1899-1967) — из того славного поколения русских филологов, на долю которого выпала трудная миссия не только сохранить и приумножить в один из самых своеобразных периодов российской истории плодотворные традиции отечественной науки о языке и словесности, но и, опираясь на эти традиции, обеспечить дальнейшее поступательное движение русской филологической мысли, обогатив национальную культуру новыми научными открытиями, углубленным осмыслением русского языка и художественного опыта русской литературы.

С. А. Копорский жил, возрастал духовно, подготавливался к своей научной и педагогической работе, развивался как самостоятельный исследователь в эпоху, удивительно богатую по насыщенности научного творческого потенциала и его реализации. И не только в филологии. Эта эпоха характеризуется — при всей своей противоречивости — особым культурно-историческим контекстом, в котором совершалось становление, мужание и деятельность творчески одаренной личности в науке ли, литературе или искусстве.

Для современной русистики имидж профессора Копорского, его высокий рейтинг в науке (если позволительно обратиться к модным оценкам) определяется прежде всего тем, что он входил в число учителей нынешнего старшего поколения русистов, с их подлинной интеллигентностью, настоящим трудолюбием, исследовательским талантом и научной одержимостью. Он успешно пестовал своих учеников, видя в них науч-

---

¹ Впервые: Русский язык в школе. — 1999. — № 3. — С. 92—96.

ную смену, которая примет культурную эстафету Знания, преданности науке, любви к родному языку и литературе.

Профессор, доктор филологических наук С. А. Копорский — крупный русский языковед, заявивший о себе с самого начала своей научной деятельности как редкий знаток и внимательный, «цепкий» исследователь народных говоров, а впоследствии также и глубокий и тонкий аналитик языка русской художественной литературы, особенно ее лексико-фразеологического состава, авторитетный лексиколог, вдумчивый историк русского литературного языка, стремящийся осмыслить в историко-культурном аспекте процессы и явления, совершающиеся в русской речевой коммуникации, в разных ее социокультурных проявлениях — от говоров и аргó до шедевров русской классики.

С. А. Копорский родился 19 июня 1899 г. в селе Ефремове Ярославской губернии в семье священника. Пристрастие к чтению с детских лет, богатая домашняя библиотека, включавшая в себя, разумеется, русскую поэзию и прозу, пробудили живой, искренний интерес мальчика к родному языку, к русской словесности, во многом предрешив круг занятий в его взрослой жизни.

В 1911—1918 гг. Копорский учился в Ярославском духовном училище и Ярославской духовной семинарии. В 1918 г. он добровольцем вступил в Красную Армию. Он служил в Ярославской военно-инженерной дистанции и одновременно (1919—1922) занимался в Ярославском педагогическом институте, на словесно-художественном отделении. После демобилизации и окончания педагогического института (с 1922 по 1930 г.) Сергей Алексеевич — учитель русского языка в Ярославле в учебных заведениях разных типов: средняя школа, машиностроительный техникум, учебно-показательные мастерские, рабочий университет, рабфак.

С 1924 г. С. А. Копорский начинает также работать в Ярославском педагогическом институте, сначала лаборантом, затем ассистентом и старшим преподавателем кафедры русского языка. С 1930 по 1952 г. он преподавал в Калининском педаго-

гическом институте (ныне — Тверском государственном университете). За эти 22 года С. А. Копорский исполнял обязанности доцента, и. о. профессора, заведующего кафедрой языкознания, кафедрой русского языка, декана факультета языка и литературы, помощника директора института по заочному отделению. В 1938 г. ему присуждается ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В начале Великой Отечественной войны в октябре 1941 г., непосредственно в момент вступления неприятеля в Калинин, С. А. Копорский выводит из осажденного города группы студентов.

Наиболее плодотворны в педагогической деятельности С. А. Копорского 50-е годы. Продолжая работать в Калинин, он по совместительству читает лекции в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской (ныне — Московский педагогический университет). Академик В. В. Виноградов приглашает С. А. Копорского на кафедру русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где он работает сначала по совместительству, а затем — в 1953 г. — избирается профессором этой кафедры. В 60-е годы С. А. Копорский читает лекции и в Литературном институте им. А. М. Горького.

В МГУ им. М. В. Ломоносова профессор Копорский ведет курс лекций по истории русского литературного языка, спецкурсы, много времени отдает научному руководству аспирантами, соискателями, стажерами (советскими и зарубежными).

С 1966 г. С. А. Копорский берет на себя многотрудные заботы по руководству университетской кафедрой, став заместителем В. В. Виноградова.

С. А. Копорский зарекомендовал себя как энергичный и четкий организатор учебной и научно-исследовательской работы. Об этом со всей очевидностью свидетельствует уже его послужной список. Выпускники 30-х годов «до сих пор тепло и сердечно вспоминают» своего декана [1, с. 72].

В те же 30-е годы при активном участии С. А. Копорского разворачивается работа по систематическому описанию говоров Калининской области для «Диалектологического атласа рус-

ского языка», подготавливаемого Институтом русского языка АН СССР. С. А. Копорский организует научные диалектологические экспедиции Калининского педагогического института 1936 — 1953 гг. и принимает в них личное участие. Диалектные материалы, собранные в 1946—1953 гг., когда под руководством С. А. Копорского были обследованы свыше 300 населенных пунктов по единой программе, вошли в «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» и в «Атлас русских говоров к северу от Москвы».

С 20-х годов под редакцией С. А. Копорского выходят диалектологические и краеведческие сборники, вузовские «Учебные записки» (Калининского педагогического, Московского областного педагогического институтов), тезисы научных конференций. Он один из самых работающих членов редколлегии «Русской речи» в наиболее сложный период становления этого журнала.

Между тем авторитетное имя в русистике С. А. Копорскому составила, конечно, его научная деятельность.

«Научная работа, — сообщает С. А. Копорский в автобиографии 1961 г., — началась в 1924 году». В этом году он приступает к своим диалектологическим занятиям; тогда же опубликованы две рецензии на методические работы по преподаванию русской литературы в школе; в 1926 г. под редакцией С. А. Копорского и проф. И. Г. Голанова издаются «Дополнения к “Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии”».

Интересы С. А. Копорского в начале его научного пути сосредоточиваются вокруг проблем русской диалектологии. И это неслучайно. Именно в 20-е годы наблюдается интенсивный рост диалектологических исследований. Для С. А. Копорского, выросшего и работавшего в диалектном окружении, благодатный и перспективный в научном отношении материал — народные говоры — был, можно сказать, под руками. Несомненно, значительную роль в определении научных интересов молодого преподавателя-русиста сыграли его старшие коллеги: И. Г. Голанов, служивший ученым секретарем Постоянной ко-

миссии по диалектологии русских говоров, и крупнейший славист А. М. Селищев, который работал тогда в Ярославском педагогическом институте. Диалектологии С. А. Копорский останется верен всю жизнь.

Как ученик и последователь А. М. Селищева, С. А. Копорский в своих диалектологических разысканиях стремится реализовать его методологические подходы к изучению народных говоров.

С. А. Копорский неоднократно публично обозначал свою причастность к школе А. М. Селищева. Так, в статье 1928 г. «Воровской жаргон в среде ярославских школьников» он расценивает только что вышедшую книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)» как одно из самых ярких событий в русском языкознании, а в предисловии к книге «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии» выражает глубокую признательность своим учителям и руководителям в работе — проф. А. М. Селищеву и проф. И. Г. Голанову.

Многие диалектологические работы С. А. Копорского 20-х годов до сих пор не утратили научной ценности, например «Заметки о говоре с. Шельшедом Тутаевского района Ярославского округа», «Отчет о диалектологических наблюдениях в Угличском уезде б. Ярославской губ.» (это родные места автора) и др. Важнейшей из диалектологических работ С. А. Копорского в 20-е годы является монография «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения)», опубликованная в 1929 г. в «Трудах» Ярославского пединститута.

Эта книга, ставшая одним из немногих крупных исследований по русской диалектологии в довоенное время, основана на тщательном непосредственном изучении говоров, а также на архивных и опубликованных материалах, здесь дана детальная фонетическая и морфологическая характеристика описываемых говоров, приложен большой словарь, сам по себе представляющий безусловную научную ценность. Как отмечается в сохранившемся в семейном архиве Копорских «Отзыве о работах

С. А. Копорского» 1944 г., подписанном такими авторитетными учеными, как Е. С. Истрина, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Р. И. Аванесов, «выводы о группировке говоров изученной территории в связи с их историей свидетельствуют о том, что автор уже в то время (1920 г.) был зрелым диалектологом и исследователем истории русского языка». Принципиально важен первый раздел рассматриваемой книги «Из истории и этнографии края» как серьезный опыт культурно-исторического осмысления языковых черт изучаемого диалекта. С. А. Копорский прямо указывает: «Здесь автор приводит ряд фактов и наблюдений только для того, чтобы они послужили иллюстрацией и дополнением к помещаемой ниже характеристике говора». Так, выясняется, что территория исследуемого говора исторически принадлежала Вологде. «150 лет значительно стерли черты, роднящие население нашего края с Вологодским, — все же следы этой общности, как увидит читатель, сохранились» [2, с. 7, 13 и др.]. Как особо отметил П. С. Кузнецов, С. А. Копорский «никогда не замыкался в кругу лингвистических фактов, но всегда стремился найти объяснения в исторических судьбах населения, пользовавшегося соответствующими говорами» [3, с. 95].

В 30-е годы С. А. Копорский работает над монографией «Архаические говоры Осташковского района Калининской области». Эта работа, как и статья «Цоканье в Калининской области» (1949), — обобщение материалов диалектологических экспедиций. По существу, упомянутая монография — первое в русской диалектологии описание тверских диалектов. Осташковские говоры, отражая интенсивные языковые процессы, сохраняют, считает автор, достаточно много архаических черт. Это объясняется отдаленностью Осташкова и прилегающих к нему деревень от крупных культурных центров. В работе прослеживаются (что очень важно) исторические связи изученных говоров с новгородскими, псковскими, владимирскими, поволжскими диалектами. Наблюдения и выводы С. А. Копорского по истории изученных говоров и лингвистической географии Осташковского района сохраняют свою научную значимость.

Драматично сложилась судьба монографии. Набранная в типографии перед самой Великой Отечественной войной, она погибла в Калинин во время его оккупации. Автор восстановил рукопись по черновикам и подготовительным материалам и опубликовал в 1945 г. в «Ученых записках» Калининского пединститута (т. 10, вып. 3).

Активный по своей натуре, целиком поглощенный научными изысканиями, С. А. Копорский заражал окружающих его молодых исследователей своим энтузиазмом и любовью к родному языку. Благодаря его научно-организационным усилиям была создана исследовательская база для монографического описания говоров и диалектных объединений Тверской области. В 40—50-е годы монографически описаны говоры семи районов Калининской области [4, с. 73]. Под руководством С. А. Копорского защищается серия кандидатских диссертаций. Так сложилась тверская диалектологическая школа профессора С. А. Копорского, и поныне продолжающая традиции своего учителя и основателя. Нужно сказать, что немало учеников профессора Копорского выросли в серьезных, авторитетных ученых, возглавляют университетские кафедры, стали видными деятелями современной русистики. Среди них можно назвать профессоров докторов филологических наук Г. П. Уханова, М. А. Шелякина, П. А. Леканта, Ю. И. Чайкину, Ю. С. Азарх, Т. В. Кириллову. В 40—50-е годы С. А. Копорский, продолжая диалектологические занятия (руководство научными экспедициями, написание научных статей, участие в подготовке атласов русских диалектов, составляемых Институтом русского языка АН СССР), обращается к истории русского литературного языка, прежде всего к изучению взаимодействия народно-разговорной речи и литературного языка середины — второй половины XIX в. (на материале сочинений писателей демократического толка) — одной из центральных проблем исторического развития русского литературного языка в послепушкинский период. Выбор проблематики и материала исследования С. А. Копорским, судя по всему, был не случаен. Во многом это определялось тем, что да-

вало возможность автору опереться на опыт его изучения диалектов.

Одна из первых работ историко-лингвистического цикла «Диалектизмы в поэтическом языке Н. А. Некрасова» (1947) и посвящена диалектным явлениям в художественных текстах. Автор увязывает анализ диалектизмов в поэзии Некрасова с некоторыми процессами, общими для русского литературного языка середины XIX в.

В 1951 г. С. А. Копорский защищает в Институте языкознания АН СССР докторскую диссертацию «Из истории развития русской художественной литературы 60 — 70-х годов XIX века». Это фундаментальное исследование лексики, в основном диалектного и просторечного характера, построено на обширном фактическом материале сочинений писателей-демократов Ф. Решетникова, В. Слепцова, Н. Успенского, в контексте исторического развития русского литературного языка середины — второй половины XIX в.

И в работах по истории русского литературного языка С. А. Копорский верен своему основному методологическому принципу. Его докторская диссертация, наряду с другими достоинствами, представляет громадный научный (и чисто познавательный!) интерес как глубокое и разностороннее социолингвистическое и лингвокультурологическое исследование широкого спектра ономастической лексики (особенно русских фамилий). В то же время автор убедительно показывает, как имена собственные приобретают яркую социально-стилистическую окраску в контексте художественного произведения.

Ценность историко-лингвистических разысканий С. А. Копорского в том, что они наполняют конкретным содержанием процессы взаимодействия народно-разговорной речи и литературного языка, способствуют выяснению важнейших этапов движения диалектной (и отчасти просторечной) лексики в русский литературный язык в XIX в.

Если Тургенев «Записками охотника» проложил путь к использованию диалектизмов в художественной литературе, «по которому пошли все русские писатели» [5, с. 227], а в произве-

дениях Лескова представлен яркий, многоцветный орнамент русской обиходно-бытовой речи, то Ф. Решетников, В. Слепцов, Н. Успенский ввели в художественно-беллетристические стили пласт лексики из сферы сельскохозяйственного производства и крестьянского быта. Это рельефно и доказательно раскрыто С. А. Копорским. До писателей-демократов, делает вывод автор, такая лексика была освоена лишь частично и не получила полной стилистической обработки [6, с. 3-42].

Работы С. А. Копорского созвучны нашему времени не только углубленным культурно-историческим осмыслением исследуемых им лингвистических явлений и процессов. Такие статьи, как «Воровской жаргон в среде школьников (по материалам обследования ярославских школ)» (1927), «Воровской жаргон в среде ярославских школьников» (1928) живо перекликаются с наблюдениями современных лингвистов над речью наших дней, которую буквально наводнили жаргонизмы, и несомненно, актуальны для учителей русского языка, поскольку в этих работах обсуждаются вопросы организации работы по культуре речи со школьниками [7].

В 60-е годы С. А. Копорский продолжает разрабатывать вопросы ономастики. Он пишет «Очерки по топонимии: Имена-ориентиры» в двух частях, изданные в Варшаве (1965; 1966); «О лексико-семантических особенностях наименований: Названия кинотеатров». Последняя работа опубликована в 1969 г. Незадолго до своей кончины Сергей Алексеевич обнародовал ее в виде доклада.

В эти же годы появляются статьи С. А. Копорского, посвященные анализу стилистического своеобразия сочинений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Чехова.

На протяжении своей научно-педагогической деятельности С. А. Копорский всегда с большим вниманием относился к проблемам преподавания русского языка и литературы в средней школе. Начав юношей учительскую работу в ярославских школах, он, будучи профессором, вел занятия в одной из московских школ филологического профиля.

Часть статей С. А. Копорского обращена непосредственно к учителям-словесникам. К ним относятся, наряду со статьями о речи школьников, работы по вопросам орфографии («В ладах ли вы с орфографией?», «К дискуссии об усовершенствовании русской орфографии»). Статьи о языке русских писателей в большей своей части печатались в «Русском языке в школе». Одной из побудительных причин этого было стремление привлечь внимание учителей к важной стороне обучения родному языку.

20 июля 1967 г. С. А. Копорский скончался. Он был светлый человек, очень скромный и большого личного обаяния, неутомимо изучавший горячо любимый им русский язык в его многочисленных проявлениях. Сергей Алексеевич передавал свою преданность родному языку и русистике в своих школьных уроках, в университетских лекциях, в беседах со студентами, аспирантами, коллегами, в своих научных изысканиях.

Список литературы

1. См.: Кириллова Т. В., Туркина Р. В. С. А. Копорский — основатель тверской школы диалектологов // Тверь лингвистическая: Историко-краеведческий сборник. — Тверь, 1993.
2. Копорский С. А. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения). — Ярославль, 1929.
3. Кузнецов П. С. Памяти профессора С. А. Копорского // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. — 1968. — № 1.
4. См.: Кириллова Т. В., Туркина Р. В. Указ. соч.
5. Чернышев В. И. Избранные труды. — Т. 2. — М., 1970.
6. См.: Копорский С. А. О некоторых особенностях лексики сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Решетникова, Слепцова // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. — Т. 48. — М., 1957.
7. См. также: Копорский С. А. О культуре языка и речи молодежи (20-е годы) // Русская речь. — 1990. — № 1.

Памяти профессора С. А. Копорского¹

20 июля 1967 г. на 68-м году жизни скоропостижно скончался заместитель заведующего кафедрой русского языка филологического факультета Московского университета профессор, доктор филологических наук Сергей Алексеевич Копорский — выдающийся ученый, педагог, организатор.

Научные интересы Сергея Алексеевича были связаны главным образом с русской диалектологией и историей русского литературного языка. Родившийся и выросший в Углическом уезде Ярославской губернии, получивший среднее образование в Ярославской духовной семинарии, учившийся, а затем работавший в Ярославском педагогическом институте (лишь в 1930 г. он перешел на работу в Калининский педагогический институт), Сергей Алексеевич с молодых лет любил и хорошо знал язык и быт своего родного края.

Ярославский педагогический институт был открыт лишь после Октябрьской революции. Близость к Москве позволила привлечь к сотрудничеству в нем выдающихся московских ученых, периодически приезжавших в Ярославль для чтения лекций и проведения практических занятий со студентами. Именно в это время и учился в институте С. А. Копорский. Как лингвист он формировался главным образом под руководством ныне здравствующего профессора И. Г. Голанова и покойного профессора А. М. Селищева, которые рано обратили внимание на способного, любознательного и добросовестного студента. И. Г. Голанов был в то время ученым секретарем Московской диалектологической комиссии, состоявшей при Академии наук СССР. Она являлась одним из наиболее живых в то время научных лингвистических центров и уделяла большое внимание научному воспитанию молодежи. А. М. Селищев, славист по

---

¹ Впервые: Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 93—98.

своей основной специальностью, притом славист широкого профиля, много работал и в области русской диалектологии. А. М. Селищев и И. Г. Голанов поддерживали и направляли молодого исследователя в избранной им области и высоко оценили первые его успехи. При содействии этих ученых Сергей Алексеевич довольно скоро был приобщен непосредственно к работе Московской диалектологической комиссии. Плодом диалектологических занятий С. А. Копорского, изучения им народных говоров в полевых условиях явилась «Заметка об одном из говоров Тутаевского района Ярославской области». Под ред. М. Г. Кадека, С. С. Дмитриева, С. А. Копорского («Ярославский край», сб. 2. «Тр. секции краеведения Ярославск. естеств.-истор. и краеведч. о-ва», т. 3, вып. 2. Ярославль, 1928—1929). Особенно обстоятельными были описание и исследование одного из ярославских говоров, даже собственно группы говоров, составившие отдельный выпуск трудов Ярославского пединститута («О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии». «Тр. Ярославск. пед. ин-та», т. 2, вып. 3. Ярославль, 1929).

То, что начинающий ученый-языковед обратился в первую очередь именно к диалектологии, вполне закономерно. Именно в 20-е годы текущего столетия интенсивно разрабатывается русская диалектология. Диалектный материал постоянно находится под руками, и надо было проявить лишь достаточную наблюдательность, извлечь из него и систематизировать наиболее интересные факты. Русские говоры были изучены недостаточно. Между тем глубокое знание их необходимо для лучшего понимания прошлых этапов развития нашего языка. Изучение говоров необходимо и потому, что интенсивное влияние литературного языка все больше вытесняет характерные местные черты.

Молодой ученый справился со своей задачей и дал образцовое всестороннее описание говора, избранного им в качестве объекта наблюдений. Описаны факты фонетики, морфологии, синтаксиса, определены отношения говора к другим ярославским наречиям, а также различия, наблюдающиеся внутри из-

бранной для исследования территории, основное же место в работе занимают материалы для словаря, используемого в говоре Пошехоно-Володарского уезда. Особенно интересно то, что автор уделил внимание интонационным особенностям речи местных жителей и очень тщательно описал их. К сожалению, интонационным особенностям говоров у нас пока уделяется недостаточное внимание.

Сергей Алексеевич не только сам интенсивно занимается изучением народных говоров (конечно, его диалектологическая работа не прекращается после выхода в свет указанных статей), но и организует диалектологический кабинет при Ярославском педагогическом институте, руководит работой студентов, передавая им знания и опыт своих учителей, а также делится результатами своих достижений. Самостоятельную исследовательскую работу, совмещая ее с организацией и руководством занятий с начинающими учеными и студентами, С. А. Копорский продолжает и в дальнейшем, возглавив кафедру русского языка Калининского пединститута. К этому времени увидела свет его работа «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» («Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. 10, вып. 3. Калинин, 1945).

Сергей Алексеевич никогда не замыкался в кругу лингвистических фактов, но всегда стремился найти им объяснения в исторических судьбах населения, пользующегося соответствующим говором или говорами. Ведь исторические судьбы отражаются не только в частях языковой системы, содержащих значимые элементы речи, но и в звуковой стороне. В этом отношении интересна обширная и обстоятельная работа, посвященная цоканью в Калининской области («Цоканье в Калининской области». В сб.: «Мат-лы и исслед. по русской диалектологии», т. III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1949). Строгая в лингвистическом отношении, эта работа детально рассматривает различные типы неразличения аффрикат, их качества, условия замещения одной аффрикаты другой или даже утраты аффрикат, географическое распространение указанных черт. Вместе с тем она ставит вопрос о причинах, вызывающих соответст-

вующее явление или способствующих его устранению, связывая бытование диалектных особенностей и их судьбы с судьбами населения, говорящего на соответствующем диалекте.

Не ограничиваясь изучением звуковой системы и грамматических форм, С. А. Копорский с юных лет уделял большое внимание словарю и его использованию, а это было невозможно без глубоких знаний народного быта, этнографических особенностей, поскольку данный участок науки о языке в наибольшей степени требует знакомства с тем реальным содержанием, которое лежит за пределами языка и находит свое выражение прежде всего в словах. Сергей Алексеевич обнаруживает глубокое знание этого реального содержания и живой интерес к нему. Еще юношей он вместе со своим учителем И. Г. Голановым руководит собиранием диалектных словарных материалов, редактирует «Дополнения к материалам для словаря народного языка в Ярославской губ.», составленным в свое время Е. Якушкиным и изданным Ярославским губернским статистическим комитетом (эти «Дополнения» были опубликованы в «Трудах Ярославского педагогического института», т. I, вып. 2. 1926, стр. 97—135).

Занятия словарем требовали изучения не только территориальных лексических особенностей, с которыми Сергей Алексеевич был прекрасно знаком, но и специальных языков, различающихся прежде всего именно в области словаря. Уже среди ранних работ С. А. Копорского есть специально посвященные распространению воровского жаргона среди ярославских школьников (см. его статьи «Воровской жаргон в среде школьников». «Вестник просвещения», 1927, № 1 и «Воровской жаргон в среде ярославских школьников». «Ярославский край», сб. 1. «Тр. секции краеведения Ярославск. естеств.-истор. и краеведч. о-ва», т. 3, вып. I, 1928). Позднее он много занимался профессиональной лексикой и связью ее с лексикой территориальных диалектов. Далеко не все в этой области нашло отражение в опубликованных работах С. А. Копорского — многое содержалось лишь в его устных выступлениях на заседаниях, в частных разговорах или в таких материалах, которые не пред-

назначались для печати, например в отзывах о диссертациях, когда он выступал в качестве официального оппонента. Эти отзывы не являлись только заключениями о достоинствах диссертации и указаниями на замеченные недочеты, но всегда содержали и собственные соображения оппонента, подкрепленные известными ему конкретными материалами.

После Великой Отечественной войны С. А. Копорский, не оставляя занятий диалектологией (он принимает деятельное участие в подготовке атласов русских народных говоров, принятой Институтом русского языка АН СССР, а в последние годы публикует статью «Об областной лексике», посвященную анализу материалов для областных словарей в «Ученых записках» университетов и пединститутов. См. «Вестн. Моск. ун-та», серия филологии, журналистики, 1961, № 5), сосредоточивает основное внимание на истории русского литературного языка и в первую очередь на наиболее подвижном его участке — словарном составе. Здесь он прежде всего обращается к писателям — революционным демократам, у которых сильна просторечная и диалектная струя, что дает ему возможность использовать и свой опыт диалектической работы. Сергей Алексеевич обращается к поэзии Н. А. Некрасова, детство и юность которого протекали в родном для него Ярославском крае, вследствие чего в стихах поэта можно обнаружить отражение местных диалектных черт.

При внимательном рассмотрении вопрос этот оказывается более сложным. В статье, посвященной использованию Н. А. Некрасовым диалектизмов («Диалектизмы в поэтическом языке Н. А. Некрасова». «Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. 15, вып. I, 1947), Сергей Алексеевич показывает, что при преобладании северных и специально ярославских диалектных особенностей поэт в определенных стилистических целях использует и диалектные особенности, идущие из южных говоров, и что многое в лексике Некрасова объясняется не только мотивами стилистического характера, но и переходным состоянием русского литературного языка середины XIX в., ибо вследствие прихода в литературу боль-

шого количества писателей и поэтов, выросших на южнорусской диалектной почве, многие особенности соответствующих диалектов отражаются и в литературной поэтической речи.

Однако исследуя языковые особенности поэтических произведений Некрасова, С. А. Копорский не ограничивается поисками у него местных черт. Интересна в этом отношении статья, посвященная стилистическому использованию Некрасовым некоторых синонимов («Стилистические функции некоторых синонимов в поэтическом языке Н. А. Некрасова». «Научн. докл. высшей школы», «Филологические науки», 1958, № 2). С привлечением большого материала в ней исследовано преимущественно употребление таких лексических синонимов, как конь и лошадь. Эти слова, как известно, характеризуются и различным диалектным распространением. Но Сергея Алексеевича в данном случае интересует прежде всего то, в каком окружении, в каком контексте употребляются они Некрасовым, какова их эмоциональная окраска.

Богатейший материал по лексике русского литературного языка содержится в докторской диссертации С. А. Копорского («Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х годов XIX века»), защищенной им в Институте языкознания АН СССР в 1951 г. В ней подвергнуты тщательному исследованию произведения писателей-демократов — Н. Успенского, Слепцова и Решетникова, показаны особенности словарного отбора и словоупотребления. Как и в других случаях, Сергей Алексеевич не ограничивается здесь чисто лингвистическим анализом исследуемых слов, он имеет перед глазами реальную картину обозначаемого и изображаемого соответствующими словами. К сожалению, далеко не весь ценный материал, представленный в диссертации, предан широкой гласности (сама диссертация — три толстых тома машинописи — хранится в библиотеке Института русского языка АН СССР}. Но кое-что из диссертации опубликовано — частью до защиты, частью после нее (см., например, статьи «О языке Н. Успенского». «Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. 15, вып. I, 1947; «О некоторых особенно-

стях лексики сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова». «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 48. «Гр. кафедры русск. яз.», вып. 4, 1957; «К характеристике стиля сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова». «Сб. статей по языкознанию Профессору МГУ академику В. В. Виноградову в день его 60-летия». Изд-во МГУ, 1958).

В последние годы Сергей Алексеевич уделял большое внимание всестороннему анализу языка и стиля русской художественной прозы и поэзии XIX—XX вв. и частично XVIII столетия. Объектом его наблюдений являлись отдельные произведения Пушкина, Лермонтова, Чехова (см., например, такие статьи, как «К изучению языка и стиля стихотворения А. С. Пушкина „Кавказ"»). «Русский язык в школе», 1962, № 1; «Опыт стилистического истолкования стихотворения М. Ю. Лермонтова „Утес"». «Русский язык в школе», 1966, № 2; «О стиле рассказа А. П. Чехова „Хирургия"». «Русский язык в школе», 1960, № 1; «Из наблюдений над стилем повести А. П. Чехова „Степь"», «Научн. докл. высшей школы», «Филологические науки», 1960, № 4).

Такого рода работы весьма полезны не только для высшей, но и для средней школы, где до сих пор еще мало внимания уделяется анализу языка и стиля художественных произведений. Именно поэтому они большей частью печатались в журнале «Русский язык в школе», что нисколько не снижает их научной ценности.

При исследовании произведений поэтического характера С. А. Копорскому приходилось выходить за пределы собственно лингвистических вопросов. Его экскурсии в область стиха заслуживают внимания и представляют большой интерес (см., например, его соображения по поводу тех возможностей, какие дает языку использованный Лермонтовым в стихотворении «Утес» пятистопный хорей, представляющий в то время новшество для русского стиха). Из работ более общего характера, посвященных русскому литературному языку и его истории, должны быть названы статьи «Из истории лексики русского

литературного языка» («Русский язык в школе», 1955, № 3) и «О языке художественной литературы» («Вестн. Моск. ун-та», серия филологии, журналистики, 1960, № 2).

На протяжении последних лет А. С. Копорский уделял большое внимание вопросам ономастики, происхождения и характера собственных имен различного типа в русском языке. Этот интерес возник у него еще в период работы над докторской диссертацией (см., например, статью «Собственные имена в языке писателей-демократов». «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 35. «Тр. кафедры русск. яз.», вып. 3, 1956) и не ослабевал в самое последнее время, о чем свидетельствует его недавно опубликованная статья «К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках» («Вестн. Моск. ун-та», серия филологии, 1967, № 3). Статья эта, представляющая собственно рецензию на книгу чешского ученого Яна Свободы, не ограничивается рамками отзыва. Сергей Алексеевич показывает, какое значение имеет предлагаемый Я. Свободой материал для изучения и понимания русских имен. Теоретическая работа, посвященная вопросам топонима («Очерки по топонимике, I. Имена-ориентир»), опубликована в журнале «Onomastica», X, чч. 1—2, 1965. В последнее время С. А. Копорский занимался изучением названий московских кинотеатров, отражением в них событий политической и культурной жизни. Незадолго до смерти он делал доклад по данному вопросу. Статья на эту тему сдана в печать, но при жизни Сергея Алексеевича не была опубликована.

На протяжении всей своей жизни С. А. Копорский уделял большое внимание работе не только высшей, но и средней школы — часть его статей прямо адресована ее учителям и учащимся. Именно ввиду важности этой проблемы Сергей Алексеевич давно занимался вопросами орфографии и путями устранения орфографических ошибок прежде всего в средней школе. Еще в ярославский период жизни и деятельности им была опубликована статья «О происхождении орфографических ошибок» («Русский язык в школе», 1930, № 4). Не мог он остаться в стороне и от дискуссий по поводу усовершенст

ния русской орфографии, которая развернулась у нас в недавние годы (см. статью «К дискуссии об усовершенствовании русской орфографии». «Русский язык в школе», 1964, № 6).

Трудно охватить все области научной продукции С. А. Копорского. Далеко не все работы как общего, так и частного характера упомянуты в настоящем очерке. И, разумеется, не все из того материала и тех обобщающих соображений, какими он владел, было оформлено в окончательном виде. Из устных сообщений, из личных бесед с Сергеем Алексеевичем можно было почерпнуть много того, что не нашло себе места в опубликованных им работах.

На всех этапах своего жизненного пути С. А. Копорский совмещал научную работу с преподавательской (в средней и высшей школе), с подготовкой педагогических и научных кадров, с общественной и организационной деятельностью.

И в самые последние годы, будучи профессором Московского университета, он вел занятия в одной из московских школ, имевшей филологический уклон. В Калининском педагогическом институте, где он работал в 1930—1952 гг., Сергей Алексеевич на протяжении ряда лет заведовал кафедрой русского языка, был деканом факультета языка и литературы, помощником директора по заочному отделению.

В 1952 г. С. А. Копорский был приглашен на работу в Московский университет— сначала по совместительству, а затем, в 1953 г., на штатное место профессора кафедры русского языка. Последний год после смерти профессора А. И. Ефимова он работал в качестве заместителя заведующего кафедрой академика В. В. Виноградова, т. е. по существу вел всю организационную работу на кафедре. И делал он это просто, незаметно, хотя фактически велась большая, направленная надлежащим образом работа.

Участие в международных преподавательских семинарах, публичные лекции, активная работа в профсоюзных органах — трудно перечислить все многообразные участки деятельности С. А. Копорского.

Партия и правительство высоко оценили педагогическую, научную и общественную деятельность Сергея Алексеевича, наградив его орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 —1945 гг.» и значком «Отличник народного просвещения».

Навсегда ушел от нас крупный ученый, внимательный педагог, отзывчивый товарищ, но мы его никогда не забудем.

Р. В. Туркина
(Тверь, Тверской государственный университет)

С. А. Копорский – учитель, наставник, человек

С Сергеем Алексеевичем Копорским я впервые встретилась, когда он начал читать нам курс «История русского литературного языка» (я была студенткой факультета русского языка и литературы Калининского государственного педагогического института). Среднего роста, очень подвижный, он сразу вызывал уважение, потому что читал интересно, живо, цитировал наизусть многие места из тех произведений, которые анализировал. Кроме того, он частенько обращался к нам с вопросами, на которые мы, по его мнению, должны были отвечать правильно и полно.

Сергей Алексеевич предложил нам, студентам, ряд тем для докладов. Одну из них, связанную с анализом языка Н. В. Гоголя, взяла я. Тема мне нравилась, я много работала с текстами произведений писателя в библиотеке, знакомясь с весьма обширной научной литературой. Доклад получился, и Сергей Алексеевич рекомендовал его на студенческую научную конференцию института.

После окончания мною института С. А. Копорский предложил мне поступать в аспирантуру при кафедре русского языка. Сдав вступительные экзамены, я стала аспиранткой Сергея Алексеевича. С этого дня моя жизнь оказалась надолго связанной с жизнью и деятельностью С. А. Копорского.

Каким он был руководителем? Говоря о Копорском как о руководителе, наставнике, нельзя не говорить о нем как о человеке: одно неразрывно связано с другим.

Сергей Алексеевич был жестким, требовательным, но одновременно очень доброжелательным руководителем. Предлагая аспиранту тему, он всегда учитывал интересы своего ученика. Когда я поступила в аспирантуру, Копорский был признанным авторитетом среди диалектологов. Неудивительно, что боль-

шинство калининских аспирантов продолжали дело своего учителя, изучая говоры. Меня же интересовала история языка, процессы, которые происходили при формировании русского национального языка. Сергей Алексеевич предложил мне проанализировать морфологические особенности, характерные для языка «Инока Фомы Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче».

Чем был интересен памятник? Во-первых, это произведение создано на Тверской земле. Во-вторых, язык его не был предметом изучения лингвистов. В-третьих, «Слово...» представляет собою текст, в котором соединились части, написанные «плетением словес», и части, следующие летописной традиции. В-четвертых, памятник дошел до нас в списке XV в., когда складывались нормы русского национального языка.

Понятно, что изучать такой памятник было очень интересно. Пришлось «перелопатить» большой объем исторической литературы, посвященной XIV-XV вв., потому что Сергей Алексеевич справедливо требовал знания того, что происходило на Руси в этот период. Кроме этого, он настоятельно рекомендовал изучить всю лингвистическую литературу, посвященную исследованию языка памятников этого периода. Знание всех этих материалов позволило мне увидеть общие процессы, представленные во всех памятниках, и вычленить особенности, характерные для изучаемого произведения.

Сергей Алексеевич никогда не навязывал своей точки зрения. Он просто показывал, какие могут быть пути исследования, подсказанные данным языковым материалом. А уж воля аспиранта выбрать какой-нибудь из предложенных путей или искать иное решение.

С. А. Копорский всегда требовал от аспирантов не простого описания фактов, а поиска общих закономерностей, которые проявляются в частных языковых явлениях. Надо уметь обосновывать свои положения, доказывать правильность своих выводов. Один пример из моей жизни: мне нравились фразы типа «нам кажется», «мы полагаем» и подобные. На полях черновика, который я до сих пор храню, частенько встречаются заме-

чания Сергея Алексеевича: «Кажется – перекреститесь и ищите доказательства». С тех пор я очень аккуратно использую подобные обороты.

Работа над диссертацией подходила к концу, оставались небольшие доработки, был даже назначен (правда, пока предварительный) срок защиты. Я по распределению уехала на работу в Великолукский пединститут.

Пока я полагала, что все идет по плану, вышло постановление, по которому для защиты необходимы были три публикации. Их у меня, конечно, не было. С мечтой о защите пришлось распрощаться. К тому же появились другие обстоятельства: родился сын, заботы о котором отодвинули на задний план все мысли о диссертации.

Вот тут-то проявилась еще одна характерная для Сергея Алексеевича черта – ответственность за своего ученика. Кажется, он сделал все, что нужно: я уже начала «самостоятельное плавание», фактически с него снята всякая ответственность. Но такой ход мысли был чужд Копорскому, он всегда следовал принципу: мы в ответе за тех, кого приручили. После теплых поздравлений с рождением сына Сергей Алексеевич начинает постепенно в каждом письме напоминать, что я должна довести работу до конца, что я просто обязана это сделать, а он готов мне помогать. Действительно, каждый раз, когда мне нужна была консультация, Сергей Алексеевич всегда находил время для встречи со мной. А ведь он был очень занятый человек: исполнял обязанности заместителя зав. кафедрой русского языка МГУ, руководил работой по организации олимпиад для школьников, читал лекции, вел семинары, опекал большую группу аспирантов. Тем не менее он никогда не отказывал мне в помощи, хотя не получал за это ни копейки (попробуйте представить это в наше меркантильное время!).

Когда я спустя три года успешно защитила диссертацию, то на защиту Сергей Алексеевич пришел вместе с Лидией Ивановой, своей супругой. Это не случайно, потому что аспиранты, особенно калининские (мы называли себя «копорятами»), для Копорских были как дети, а Лидия Ивановна – это наш до-

брый ангел-хранитель: она утешала нас, когда мы в расстроенных чувствах выходили от Сергея Алексеевича, подкармливала, если задерживались.

И еще об одной особенности личности Сергея Алексеевича не могу не сказать: он не был замкнут только на профессиональных интересах, не отгораживался от окружающей жизни. Его ученики знали, что Сергей Алексеевич, когда придешь к нему на консультацию, будет спрашивать не только о работе, но обязательно поинтересуется, что происходит в том городе, области, откуда приехал человек. Я, например, перед поездкой в Москву перечитывала «Великолукскую правду» недели за две, потому что знала: Сергей Алексеевич непременно спросит, что происходит в Луках, как обстоит дело с севом (или уборкой) урожая в области. Если я скажу, что не знаю, он осуждающе заметит, что нельзя не интересоваться тем, что происходит вокруг, нельзя замыкаться.

Сергей Алексеевич Копорский для всех его учеников был Учителем с большой буквы; был тем, с кого мы всегда брали пример, потому что он был творческим, неравнодушным, доброжелательным и очень порядочным человеком.

Р.В. Разумов
(Ярославль, Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

Сергей Алексеевич Копорский: ярославские страницы

Сергей Алексеевич Копорский родился 19 июня 1899 г. в семье священника. В автобиографии, хранящейся в архиве ЯГ-ПУ, в качестве места рождения ученый указывает село Спас-Витали Даниловского уезда Ярославской губернии.

С 1911 по 1917 гг. С.А. Копорский учился сначала в Ярославском духовном училище, а затем – в Ярославской духовной семинарии, из которой «в 1917 г. вышел из 4-го класса для поступления в университет» [1].

В 1918 году он поступает добровольцем в ряды Красной Армии, а весной 1919 г. призывается на действительную военную службу, на которой и находился до своей демобилизации в 1922 г. Ученый указывает в автобиографии, что «во время службы в Красной Армии принимал участие в организации клубов гарнизона города и вел культ.- просв. (культурно-просветительскую – Р.В.) работу в них» [1]

Почти одновременно с вступлением в ряды Красной Армии С.А. Копорский поступает в декабре 1918 г. на словесно-художественное отделение Ярославского педагогического института. Данное высшее учебное заведение было создано на базе существовавшего до этого Ярославского учительского института. Заметим, что в официальных документах отделение, на которое поступил будущий ученый, называется несколько иначе – *словесно-историческое отделение с социально-историческим и литературно-художественным циклами*. При поступлении в вуз С.А. Копорскому, как бывшему семинаристу, не пришлось сдавать вступительных экзаменов.

1918 – 1922 гг. – это трудное время в истории Ярославского педагогического института (ныне – Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского). За те

неполные четыре года, которые Сергей Алексеевич провел в стенах учебного заведения, вуз неоднократно преобразовывался, менял место своей дислокации. Так, 1 ноября 1919 г. на базе педагогического института был создан Институт народного образования, который 8 сентября 1921 г. вновь был преобразован в педагогический институт. В начале 1922 г. педагогический институт был слит с Ярославским университетом и преобразован в педагогический факультет данного учебного заведения. Вследствие неоднократных организационных преобразований, отсутствия у института собственных помещений, плохого финансирования учиться студентам, безусловно, было очень тяжело. Вот как описывает это время в своих воспоминаниях преподаватель словесно-исторического отделения вуза А.М. Суворовский: «Отопление проводилось посредством “железок” и каминов; дров было недостаточно, да и те добывались с большим трудом <...> Освещение тоже сильно хромало из-за порчи проводов, перегорания пробок и просто отсутствия лампочек <...> Вспоминается, как преподаватели сидели с кучкой студентов у камина и, подкидывая в него дрова, пользуясь его светом, читали лекции» [13, с. 27].

Бытовые сложности обучения сопровождались постоянной сменой кадрового состава преподавателей, неоднократными изменениями учебных планов. К тому же учеба в институте сопровождалась работой студентов в учебных заведениях города и области.

К сожалению, невозможно точно установить, у кого из преподавателей словесно-исторического отделения Ярославского педагогического института мог учиться С.А. Копорский. Мы можем лишь примерно очертить круг преподавателей, которые в эти годы работали в вузе. По-видимому, курс русской литературы читали доценты Н.В. Парийский и А.А. Смирнов, курс зарубежной литературы – профессор С.И. Радциг, курс русского языка и методики – А.М. Суворовский. В личном деле ученого сохранился отзыв-доклад Н.В. Парийского, направленный в словесную предметную комиссию для рассмотрения вопроса об оставлении С.А. Копорского при кафедре русской литерату-

ры: *«Во время своего обучения в высшем педагогическом учебном заведении он обнаружил особенную работоспособность в избранной им специальности, в частности в области истории русской литературы древней и новой. Все практические и зачетные работы и рефераты по русской литературе были выполнены им вполне успешно. Кроме того, работая в литературном студенческом кружке, он обнаружил в своих докладах на кружковых собраниях умение ориентироваться в сложных вопросах новейшей и современной русской литературы и производить правильную научную оценку литературных явлений, что особенно ясно выразилось в его последнем кружковом докладе об имажинистах»* [1].

Педагогический факультет Ярославского университета С.А. Копорский закончил 27 сентября 1922 г. С этого времени начинается его педагогическая деятельность в средних школах г. Ярославля. В личном деле ученого указано, что с 1922 по 1925 гг. он работал в школе № 1 имени Н.А. Некрасова, с 1928 по 1930 гг. – в Ярославском механическом техникуме и профессионально-технической школе.

В декабре 1924 г. С.А. Копорский приходит работать во вновь открытый Ярославский педагогический институт, выделенный из состава Ярославского университета в августе этого года. Ярославский университет был ликвидирован 1 октября 1924 г., и педагогический институт унаследовал от него учебные здания, библиотеку и большинство преподавателей. Сергей Алексеевич принимается на работу в качестве лаборанта кафедры языкознания, организатора кабинета лингвистики и фольклора. Его деятельность в этой должности была очень успешной. Об этом мы можем судить из отзыва, подписанного Председателем предметной комиссии литературно-лингвистического отделения А.М. Смирновым: *«За все время т. Копорский заявил себя деятельным организатором заново созданного кабинета (кабинета языка и фольклора – Р. В.) с научной систематизацией материала, с широкой организацией научных работ студенчества. <...> По личному почину и в качестве участника коллективных студенческих экскурсий т.*

Копорский неоднократно предпринимал соби́рание материалов языка и фольклора по Ярославской губ., благодаря чему он имеет не только опыт, но и серьезное знакомство с местным краем» [1]. Другой отзыв о работе С.А. Копорского в должности лаборанта был написан И.Г. Голановым: «Хорошо знакомый с необходимой литературой по лингвистике и фольклору, С.А. постоянно является ценным посредником между профессорами и студентами, помогая последним прорабатывать избранные ими научные вопросы. В течение года моего преподавания в Ярославском педагогическом институте я всегда пользовался помощью С.А. при своих занятиях на всех курсах. Благодаря работам С.А., кабинет всегда имеет необходимые книги, а также и наглядные пособия, которые и своим распределением в кабинете производят приятное впечатление, располагая студентов к усвоению соответствующих знаний. Следует также указать, что С.А. проявил большое старание в собирании (вместе со студентами) и разнесении на карточки диалектологического, словарного и фольклорного материала по Ярославской губ., а весной 1925 г. редактировал (вместе со мной) приготовленный студ. сборник слов Ярославской губ. (дополнения к словарю Якушкина)» [1]. Успешная деятельность в качестве лаборанта кабинета способствовала назначению молодого ученого на должность ассистента, которую он и занимал в институте вплоть до своего увольнения в сентябре 1930 г.

Работа в Ярославском педагогическом институте подарила С. А. Копорскому встречу с *Афанасием Матвеевичем Селищевым* и *Иваном Григорьевичем Голановым*. В публикациях о ярославском периоде жизни ученого [см., например, 10] часто ошибочно указывается, что знакомство с этими выдающимися лингвистами состоялось еще в студенческие годы. На самом же деле, это произошло во время работы Сергея Алексеевича в вузе в качестве лаборанта, а позднее – ассистента кафедры языкознания.

Занятия со студентами в Ярославле *Афанасий Матвеевич Селищев* вел с марта 1925 г. по апрель 1930 гг. В своем письме

в институт в конце 1924 г. А.М. Селищев, работавший в то время в должности профессора I Московского университета, предлагал следующие курсы, которые он мог бы преподавать в институте: западнославянские языки, южнославянские языки, праславянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, славянскую лингвистическую палеонтологию, введение в славянскую филологию. Вероятно, именно под влиянием знакомства и совместной работы с А. М. Селищевым у С. А. Копорского проявился интерес к изучению собственных имен и социальных диалектов. Сразу несколько статей ярославского периода жизни Сергея Алексеевича были посвящены изучению социолектов: «Воровской жаргон в среде школьников (по материалам обследования ярославских школ)» [5] и «Воровской жаргон в среде ярославских школьников» [6]. К изучению ономастического материала С.А. Копорский обратился позднее – уже во время своей работы в Калинин (Твери) и Москве. Интересно, что, увольняясь в апреле 1930 г. из института, А. М. Селищев именно С. А. Копорскому доверил закончить все начатые им учебные дисциплины [2].

Иван Григорьевич Голанов работал в ЯГПУ с 1924 г. в должности профессора, а с 1930 по 1932 гг. выполнял обязанности заведующего кафедрой русского языка ЯПИ. Крупный специалист в области диалектологии и морфологии русского литературного языка, автор нескольких учебных пособий по этим дисциплинам, И. Г. Голанов положил начало исследовательской работе в области диалектологии в ЯГПИ. Несомненно, что именно работа с этим ученым определила становление С. А. Копорского как диалектолога. В качестве лаборанта кабинета лингвистики и фольклора, а затем ассистента кафедры языкознания, он занимался исследованием говоров Ярославской области, немало путешествовал в составе диалектологических экспедиций («*коллективных студенческих экскурсий*» [1]), вел полевые заметки. Результатом подобных экспедиций стали «Дополнения к “Материалам для словаря народного языка в Ярославской губ.” Е. Якушкина. Коллективная работа студентов лит.-лингвистич. отд-ния Ярославск. пед. ин-та.», под-

готовленные под научным руководством И. Г. Голанова и С. А. Копорского [3]. В ярославский период появляются и первые собственные диалектологические работы ученого: монография «О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения)» [8] и статья «Заметка о говоре с. Шельшедом Тутаевского района Ярославского округа» [7].

С. А. Копорский принимал активное участие в общественной жизни вуза. Он возглавлял бюро по связи с выпускниками института, собирал и восстанавливал сведения о выпускниках вуза разных лет. В результате деятельности этого бюро в 1927–1929 гг. было проведено три конференции выпускников института [4, с. 79]. С. А. Копорский исполнял также обязанности секретаря редакции «Трудов Ярославского педагогического института» [1]. С. А. Копорский был и активным участником Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества. В нем Сергей Алексеевич входил в редакционную коллегию секции краеведения. Под его редакцией вышло 2 выпуска сборников «Ярославский край».

Работу в педагогическом институте С. А. Копорский совмещал с преподаванием в других учебных заведениях Ярославля. Помимо работы в средних учебных заведениях, о которой мы упоминали выше, он преподавал русский язык в Ярославском рабочем университете (1926-1928 гг.) и на Ярославском рабочем факультете (1926-1930 гг.). Интерес к педагогике вылился в написание целого ряда статей «педагогического и библиографического характера», опубликованных в журнале «Наш труд». В списке научных работ, датированном 1942 г., С. А. Копорский среди своих научных работ по диалектологии и лексикологии, истории языка, упоминал и статью «Словесник в экскурсии на фабрику» [9], написанную в результате работы в этих учебных заведениях.

Среди ярославских студентов С. А. Копорского оказались люди, общение с которыми продолжилось и после окончания ими института. Эти контакты оказались значимыми для развития ономастики в нашей стране.

Именно в Ярославском педагогическом институте состоялось знакомство С.А. Копорского с автором одной из первых монографий по истории русских личных имен *Василием Константиновичем Чичаговым*, который учился на отделении языка и литературы ЯПИ с 1925 по 1929 гг. К сожалению, личное дело В. К. Чичагова не сохранилось до настоящего времени, но в архиве университета имеется короткая запись о годах его учебы. Подтверждением ярославских контактов является и короткое упоминание в сообщении «От редакции», помещенное в книге «Из истории русских имен, отчеств, фамилий»: «Возникший еще в студенческие годы под влиянием профессора А. М. Селищева интерес В. К. Чичагова к вопросам русской исторической ономастики не оставлял автора на протяжении всей его научной деятельности» [14, с. 2].

Чуть больше известно о студенческих годах другого ярославского студента – *Никандра Александровича Петровского*, учившегося в Ярославском пединституте с осени 1927 по весну 1930 года [12]. Контакты с родным вузом продолжились позднее, когда Никандр Александрович приступил к созданию «Словаря русских личных имен» и пытался разыскать С. А. Копорского. По просьбе Н. А. Петровского студенты и преподаватели ЯГПИ вели сбор личных имен для этого словаря. Упоминание об этом содержится в авторском Предисловии: «По совету профессора МГУ С. А. Копорского автор обратился на некоторые кафедры русского языка с просьбой помочь ему в сборе материала для словаря. Отозвались кафедры русского языка многих вузов, в том числе <...> Ярославского пединститута (доцент Г. Г. Мельниченко)...» [11, с. 12].

Работа в Ярославле продолжалась до 10 сентября 1930 г., когда С. А. Копорский уволился из Ярославского педагогического института и перешел на работу в Тверской (Калининский) педагогический институт. Причины этого увольнения не отражены в личном деле ученого, но мы можем предполагать, что это могло произойти и под влиянием массовых чисток и проверок педагогов вуза, которые проводились в 1930 г. [См.: 4, с. 85-94].

Во время Великой Отечественной войны С. А. Копорский, покинув Калинин, вновь ненадолго оказался в стенах Ярославского педагогического института. Новое возвращение оказалось очень недолгим. Заявление о приеме на работу датировано 4 декабря 1941 г. На работу в должности и.о. профессора кафедры русского языка и литературы С. А. Копорский был принят с 10 января 1942 г., а уже 3 июня 1942 г. ученый уволился из института и вернулся в Калинин [1]. В письме академику В.В. Виноградову от 12 апреля 1942 г. С.А. Копорский упоминал, что «жил 2 месяца в Ростове. Оставил там семью. Читал лекции по фольклору и прочее в Ярославле» [Цит. по: 10].

Связи С. А. Копорского с Ярославлем на этом не прекращаются. Под его научным руководством защитила кандидатскую диссертацию «Собственные имена в “Новгородских записных кабальных книгах” 100-104 и 111 годов» известный специалист по исторической антропонимии *Александра Николаевна Мирославская*. Из Уфы в Ярославль она переехала в сентябре 1969 г., где и продолжала работу вплоть до ухода на пенсию в 1980-е гг. В институте А. Н. Мирославская продолжила исследования русской исторической антропонимии, участвовала в подготовке «Ярославского областного словаря», словаря языка Н.А. Некрасова, на протяжении многих лет читала студентам спецкурс по ономастике.

Память о С. А. Копорском жива в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Мы горды тем, что именно в Ярославском педагогическом институте происходило становление и формирование этого ученого.

Список литературы

1. Архив ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Личное дело С. А. Копорского.
2. Архив ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Личное дело А. М. Селищева.
3. Дополнения к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губ.» Е. Якушкина. Коллективная работа студентов лит.-лингвистич. отд-ния Ярославск. пед. ин-та. под

ред. И. Г. Голанова и С. А. Копорского // Труды Яросл. пед. ин-та. – 1926. – Т.1. вып. 2. – Ярославль, 1926.

4. История ЯГПУ за 100 лет / Под ред. д-ра истор. наук, проф. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008.

5. Копорский С. А. Воровской жаргон в среде школьников (по материалам обследования ярославских школ) // Вестник просвещения. – 1927. – № 1.

6. Копорский С. А. Воровской жаргон в среде ярославских школьников // Ярославский край. – 1929. – № 1.

7. Копорский С. А. Заметка о говоре с. Шельшедом Тутавского района Ярославского округа // Ярославский край. Сб. 2 / Под ред. С. А. Копорского, С. С. Дмитриева и М. Г. Кадека. – Ярославль, 1929.

8. Копорский С. А. О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения) // Тр. Ярослав. пед. ин-та. Т. 2. Вып. 3. – Ярославль, 1929.

9. Копорский С. А. Словесник в экскурсии на фабрику // Наш труд. – 1928. – № 3.

10. Никитин О. В. Профессор МГУ С.А. Копорский в кругу языковедов (Из истории отечественной науки 1930—1960-х гг.) // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40245.php> [Дата обращения: 10.04.2010].

11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: ок. 2600 единиц / спец. науч. ред. О. Д. Митрофанова. – М., 1984.

12. Разумов Р. В. Малоизвестные страницы истории отечественной ономастики: филологический факультет ЯГПУ имени К.Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2.

13. Суворовский А. М. К истории Ярославского Педагогического Института (1918-1924). – Ярославль, 1929.

14. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). – М., 1959.

О. В. Никитин
(Москва, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН)

**Из истории лингвистической науки 1930–1960-х гг.
(профессор С. А. Копорский
в кругу языковедов его времени)**

В истории отечественной филологии есть имена, не столь заметные, на первый взгляд, остающиеся до сих пор в тени: то ли в силу сложившейся традиции оценивать и принимать только тех, кто еще при жизни был увенчан академическими лаврами (и таких имен у нас, к счастью, немало), то ли по причине нашей «извечной» забывчивости или, скорее, нерадения за тех, для кого наука не была своего рода идеологической трибуной, что нередко случалось ранее, да и практикуется сейчас, но тем большим и весомым делом, «двигателем умов», что непременно является качеством особенной личности, одержимой благородной и, увы, многим непонятной теперь идеей *просвещения* людей и служения им... до конца, до последнего вздоха. Этим *человеческим* служением Науке и людям была озарена жизнь Сергея Алексеевича Копорского — одного из самых ярких, одаренных, самобытно мыслящих ученых из плеяды того многочисленного поколения филологов, которое пришло на смену старой академической науке в противоречивые 1920—1930-е годы, продолжая ее лучшие традиции, выдерживая ее ритм, осознавая, наконец, ту большую ответственность, которая выпала на долю ученых, родившихся на рубеже веков: В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, П. С. Кузнецова, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского, Б. Унбегауна, Р. О. Якобсона... И теперь, когда уже прошло достаточно много времени, но все же порой кажется, что совсем недавно мы слышали их, общались с ними, обсуждали научные проблемы, спорили, — новое поколение отечественных ученых пытается разобраться в перипетиях лингвистических исканий и сложных, нередко

трагических судьбах филологической элиты нации, элиты, какой уж, кажется, не будет. Бросая ретроспективный взгляд на то, уже почти ушедшее поколение, ощущаешь не только вполне объяснимую гордость за нашу вечно гонимую науку, но и испытываешь непреодолимое чувство вины за то, что, может быть, нам не суждено было понять многих из них при жизни, спросить о чем-то, по-дружески посоветоваться. Чувство вины еще возникает и от того, что время, так стремительно бегущее вперед, уносит от нас крупницы воспоминаний об этих людях, сохранившие живой, человеческий облик, по достоинству оценить который нам бывает не под силу. Вот и этот очерк, отнюдь не претендующий на полноту изложения идей С. А. Копорского, невольно «подпадает» под ту же тенденцию, но, смеем заметить, несет авторское мироощущение и миропонимание замыслов почтенного ученого, что не нарушило бы *его* «системы координат», и, как бы согласуясь с ней, будет действовать сообразно. И еще одно замечание. Мы делаем основной акцент на тех *новаторских* суждениях и подходах С. А. Копорского, которые нам кажутся перспективными для современной науки. Именно они, по нашему разумению, могут быть полезны нынешнему «законсервированному» и излишне «компьютеризированному» прагматичному поколению ученых, часто упускающих из виду главное, — то, что было основой российской науки в ее классические времена, то, что с таким воодушевлением и немалым мужеством было воспринято и развито поколением С. А. Копорского, то, что и сейчас остается качеством Человека Науки, — *духовная целостность и преемственность ее традиций, память к ушедшим, глубокая вера и преданность той земле, на которой суждено было родиться и умереть.*

Сергей Алексеевич Копорский родился 19 июня 1899 года в деревне Ефремово Угличского уезда Ярославской губернии в семье священника. В 1911—1918 гг. он учился в Ярославском духовном училище и Ярославской духовной семинарии. После демобилизации из Красной Армии и окончания учебы на словесно-художественном отделении в Ярославском педагогическом институте С. А. Копорский работал учителем в средних

учебных заведений в Ярославле. С 1924 года он преподает в Ярославском, а с 1930-го — в Калининском педагогических институтах. В 1938 году ему присвоили ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Первые работы ученого появляются уже в 1920-е гг. Это — рецензии на хрестоматии для школ, учебно-педагогические сборники, а также редактирование трудов по краеведению. В одном из них, составленном под руководством С. А. Копорского и И. Г. Голанова, были приведены (студентами) дополнения к «Материалам для словаря родного языка в Ярославской губ.» Е. Якушкина [Копорский 1926]. В те годы ученого живо интересовали языковые процессы, происходившие в близкой ему социальной среде — отсюда работы о воровском жаргоне школьников (они наряду с трудами А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова и нек. др. явились предтечей современной социолингвистики), почерпнувшие колоритные образцы словотворчества детей, обозначившие их функциональную и смысловую нагрузку (см., напр. [Копорский 1927]).

Родная земля, казалось, питала его ищущий ум интересными и яркими идеями. Хороший знаток быта и культуры Русского Севера, С. А. Копорский плодотворно занимается исследованием говоров Ярославской области, немало путешествует в составе диалектологических экспедиций, ведет полевые заметки. Именно в ярославский период его жизни выходит первая книга ученого «О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения)» [Копорский 1929a], показавшая при всей природной скромности С. А. Копорского незаурядные способности исследователя-систематизатора и внимательного наблюдателя разнообразных лингвистических фактов. Следуя традициям своих предшественников (А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова) и учителей — А. М. Селищева и И. Г. Голанова, молодой ученый делает удачную попытку дать всесторонне описание говора: не только особенности фонетики, но и морфология, лексический состав, синтаксис кропотливо и с большим количеством примеров представлены в этой книге.

Знакомясь с ней, мы обратили внимание и на то, что теперь кажется уже вполне обычным: синкретизм идей ученого позволил ему воссоздать *этнолингвистическую* картину говора, показать привычки и особенности жителей уезда, отметить своеобразие их быта и в целом народной культуры. Так, книга открывается очерком “Из истории и этнографии края”, где подмечены многие любопытные детали. С. А. Копорский. в частности, пишет: «Жители отличаются от других ярославцев необыкновенным гостеприимством. Угостить прохожего — долг каждого. В праздник незнакомому можно идти в первый дом, и он будет гостем. Молодежь соседних деревень в любой дом заходит в гости и напивается больше хозяев. В деревнях чаще драки» [Копорский 1929а: 9].

Читая и другие диалектологические труды С. А. Копорского 1920-х годов, мы обратили внимание на одну особенность. Традиционные методы исторической лингвистики он использует по-своему, а наблюдательный ум и острый слух в этом оказывают ему немалую услугу. Потому каждый без исключения его труд не статичен. Самое интересное и полезное, что можно заметить при чтении его работ, — изучение *интонации* говора, его особой певучести, выявление характерных возрастных особенностей носителей говора и, разумеется, тщательное описание не только собственно фонетической стороны речи, а ее мелодики. «В речи женщин, детей, мужчин-доможилов, — пишет С. А. Копорский, — наблюдаются своеобразия в интонации. На слух они ярославцем устанавливаются и определяются как «вологодские». Подразумеваются под этим термином все цокающие говоры. Передразнивая их, ярославец, кроме цоканья и ряда слов (цю’роцька), схватывает и эти особенности» [там же, с. 38]. Эта сторона изучения говоров, осторожно разрабатываемая С. А. Копорским, до сих пор, как правило, обходится исследователями областных наречий, и опыт ученого здесь мог быть во многом полезен.

Следует сказать и о том, что, увлекшись изучением говоров и вообще *этнографической* стороной языка, С. А. Копорский имел весьма уважаемых и глубоких спутников в лице А. М. Се-

лищева и И. Г. Голанова. Будучи студентом, он слушал их лекции, и в известном смысле можно сказать, что С. А. Копорскому повезло: в Ярославль из Москвы часто приезжали известные ученые для чтения курсов по языковедческим дисциплинам. Под их влиянием он успешно занимается в составе Московской диалектологической комиссии — одном из наиболее “жизненных” в научном отношении центров послереволюционной России (заметим, что И. Г. Голанов был в то время ученым секретарем комиссии) [1]. В эти же годы выходит еще один диалектологический труд — «Заметка о говоре с. Шельшем Тутаевского района Ярославского округа» [Копорский 1929б].

С 1930 года С. А. Копорский начинает работать в Калининском педагогическом институте и на долгие годы свяжет свою жизнь с этим уголком России, богатым живыми традициями. Потому столь успешное «диалектологическое» начало получило глубокое и последовательное продолжение. Ученый немало путешествует по тверской земле, совершает диалектологические экспедиции в отдаленные районы области, ведет активную преподавательскую и общественно-педагогическую деятельность. В 1934—1939 гг. он исполнял должность декана факультета русского языка и литературы, в 1933—1938 и 1942—1948 гг. возглавлял кафедру языкознания, а с 1950 по 1953 гг. — кафедру русского языка пединститута. В эти годы он публикует многочисленные заметки по диалектологии и некоторые объемные труды, ставшие классическими. Один из них следует отметить особо, ввиду его исключительной значимости, большой, документальной точности, глубоких и оригинальных выводов и, наконец, самобытного авторского подхода, явившего нам языковой обиход и культуру пограничных тверских говоров. Этот труд назывался так: «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» [Копорский 1945]. Приступив к работе, автор верно подметил, что в отечественном языкознании не имеется сколько-нибудь серьезных трудов, охвативших бы диалектологию, историю и этнографию архаических говоров такого интересного этнокультурного региона, как

тверская земля. Уже одно это обстоятельство заслуживает внимания. Отчасти поэтому основу монографического исследования С. А. Копорского составили *личные* наблюдения во время экспедиционных поездок по деревням Калининской области. Они регулярно проводились им вместе со студентами факультета в 1930-е годы, но печатание рукописи было приостановлено из-за войны, и только по ее окончании она увидела свет. Из диалектных черт говора С.А.Копорский отмечает прежде всего *смешанный характер* осташковских говоров [там же, с. 84]. По его мнению, именно этот факт «придает им большую архаичность» [там же]. Но языковая архаика неоднородна по своему происхождению и бытованию. Автор обоснованно считает, что «состав архаизмов ... в большинстве случаев не оправдывается существованием их в языке. Часть архаизмов могла бы быть без труда заменена словами общерусскими. Их архаичность в значительной степени проявляется в территориальной ограниченности» [там же]. Диалектные процессы рассматриваются ученым как часть общерусских языковых явлений, как составной элемент национального литературного языка. Именно “пограничье” с его многочисленными языковыми скрещениями представляет собой тот языковой «полигон», на котором, как на карте, разворачиваются события общезыкового масштаба. «В пограничных зонах, — пишет С. А. Копорский, — ...интенсивнее языковые процессы, быстрее архаизация тех или иных языковых особенностей, ярче обнаруживается противопоставление *старого* новому. Процессы скрещения литературного языка с разговорным языком в его диалектическом многообразии порождают архаизмы, которые имеют экстерриториальный характер» [там же].

Другой важной особенностью осташковских говоров ученый считает «отрыв Осташкова от культурных центров нового времени» [там же, с. 85]. И действительно, Ржев, Торжок и другие древние города в XIX столетии были более «культурными» и прогрессивными в сравнении с Осташковым. Но такая отдаленность лишь способствовала сохранению местных диалектных особенностей и *задержала развитие языка*. Поэтому,

по мнению С.А.Копорского, «в нем до сих пор сохраняются такие архаические черты, которые в течение XVII—XX вв. утрачены другими говорами» [там же]. В целом же тверская земля подверглась сильному московскому, а значит, литературному влиянию, особенно в области фонетики. Осташковский район рассматривается ученым именно как *архаический* не только в силу культурных и географических предпосылок, но прежде всего по причине его языковой замкнутости в новое время. Приведем обширную, но весьма показательную цитату, заключающую эту часть наблюдений автора. В ней, как нам кажется, бо́льшая литературность окружающих говоров, их “пропитанность” языковыми влияниями и наслоениями позднейшего периода дают еще один аргумент в пользу гипотезы С. А. Копорского. Итак, ученый заключает: «В то время, как скрещения свернорусского наречия с южнорусским придавали литературному языку наибольшую звуковую выразительность в формах, наибольшую стройность, а словарь очищался от излишних синонимов, от конкретной экспрессивности (в связи с развитием «вкуса»), в Осташковских говорах развивались своеобразные «гибриды», задерживающие его развитие — сближение с литературным языком. В создании русского литературного языка принимал участие весь русский народ, лучшие представители русской литературы, мастера слова. Русский язык пропитывался иноязычными влияниями, творчески перерабатывал их, становясь мировым языком. Осташковские говоры, как вообще народные говоры, развивались «стихийно», отражая те или иные этапы развития русской культуры в *ограниченных* (курсив наш. — О. Н.) территориальных формах. Но в них не все подлежит утрате. Как и вообще в разговорно-народном языке, в Осташковских говорах сохраняется много выразительных средств древних этапов развития русского языка, средств, утраченных другими русским говорами. Поэтому Осташковские говоры в большей степени, чем другие, имеют право на переименование их а р х а и ч е с к и м и » [там же, с. 88—89].

В 1950-е годы С. А. Копорский преподает в МОПИ имени Н. К. Крупской. В 1951 году ученый защитил в Институте язы-

кознания докторскую диссертацию на тему: «Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70 годов 19-го века. (Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)». Это был труд, задуманный ученым еще до войны. (В публикуемых ниже письмах В. В. Виноградов неоднократно «торопил» С. А. Копорского, справлялся, как идет работа, предлагал помощь в оппонировании). Но трагические обстоятельства особенно 1941—1942 гг., когда был практически уничтожен домашний архив С. А. Копорского в Калининe, отодвинули защиту на 10 лет. И все же в этой диссертации, и сейчас удивляющей исследователей не только своим объемом, но качеством проработанного и изученного материала, до сих пор находим немало актуальных идей. Задача автора, по его словам, состояла в том, чтобы «показать на конкретном материале <...>, как использовался (в сочинениях писателей-демократов. — *О. Н.*) общенародный язык, его стили, народные говоры и жаргоны в качестве одного из средств художественной литературы для выражения общественных и эстетических взглядов демократических направлений 60—70 гг.» [Копорский 1951: 4]. Задача эта остается и поныне не решенной, особенно если иметь в виду середину XIX столетия: русский литературный язык этого периода недостаточно изучен (и памятники письменности, и тексты художественной литературы). Ученый в своей работе решает такие серьезные проблемы, как специфика жанра, типы речи писателей-демократов, роль «подтекстов» со значением психических состояний, своеобразие словарного состава: образность диалогической речи, оригинальность словотворчества (каламбуры и др.). Автор устраивает «смотр словам». Он пишет: «Речь идет о создании новых приемов пользования общенародным словарем, о расширении его в языке писателя» [там же: 18—19]. Здесь он подробно анализирует имена собственные и нарицательные, прилагательные, глаголы, междометия, естественно-научную терминологию и диалектизмы. Особое внимание уделяется речевым характеристикам действующих лиц. Любопытны и другие фрагменты диссертации, где ученый смело подступает к некоторым

сложным (не только в научном, но и в политическом смысле) вопросам. Так, он замечает: «Диалектизмы территориальных говоров представителями «нового учения о языке» считались принадлежностью «языка» крестьян, между тем они, правда, в неодинаковой степени, встречаются в речи помещиков, духовенства, мещан и крестьян» [там же: 41]. Отличный знаток стилей речи в их народной обработке и национально-культурных особенностей языка разных социальных групп населения, С. А. Копорский отмечает у них такие признаки, как «галлицизмы у дворян, некоторые группы славянизмов и латинизмов у духовенства. В речи купцов, мещан и представителей кулацкой прослойки деревни, — пишет он далее, — встречаются «галантерейные слова», часто являющиеся искажением слов литературного языка» [там же]. В целом следует заметить, что в диссертации С. А. Копорского на широком литературно-лингвистическом и общекультурном фоне решались многие спорные проблемы. Автор (что существенно) говорил о пестроте языка того времени, который не следует воспринимать и оценивать однозначно, с позиции той или иной теории. Язык не есть механическое сплетение слов, только «информативный носитель», а духовная сущность, выразившая в своем ментальном составе разнородные явления быта, культуры, социальной жизни русского человека. Как ни вспомнить здесь полемику историков со структуралистами и меткие высказывания по этому поводу Б. Унбегауна в письме С. А. Копорскому от 10 сентября 1962 г.: «Я с Вами совершенно согласен насчет структурализма. Конечно, каждая серьезная работа должна быть «структуральна», но это отнюдь не значит, что она должна витать в стратосфере на телеологических крылышках. [Кроме устранения «неудобных» фактов раздражает еще совершенно излишнее изобретение новой терминологии, отчего *самые банальные вещи приобретают глубокомысленный вид* (курсив наш. — О. Н.). Особенно этим грешат американцы. Я все еще жду путного исследования по истории языка, написанного правдивым структурализмом, но история культурного языка — это, по-видимому, не описание бесписьменного эскимосского

диалекта. По-моему, даже не стоит тревожить телеологизм XVIII в.; «апельсин разделен на дольки, чтобы было удобнее его есть» — вот к чему часто сводится телеологизм» (из домашнего архива Е. С. Копорской)].

В эти же годы академик В. В. Виноградов пригласил С. А. Копорского в МГУ. С 1953 года он избирается профессором кафедры русского языка, становится заместителем заведующего этой кафедрой, а фактически ведет всю организационную деятельность (в отсутствие В. В. Виноградова). Ученый читает преимущественно курсы историко-лингвистического цикла, руководит аспирантами, отечественными и зарубежными соискателями. Многие из них впоследствии стали известными учеными (Г. П. Уханов, А. Н. Мирославская, Ю. И. Чайкина, Е. С. Отин и др.). В 1960—1961 гг. он являлся деканом факультета русского языка и литературы Университета повышения политических и научных знаний г. Москвы. В 1963—1965 гг. — член Высшей экспертно-аттестационной комиссии, в 1964 г. — заместитель председателя экспертной комиссии ВАК. В 1965—1967 гг. он входил в состав предметной Комиссии по русскому языку при Президиуме АН СССР и АПН СССР и в эти же годы — Ученого совета кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина. В 1963—1967 гг. С. А. Копорский — член редколлегии «Вестника МГУ», а в 1966—1967 гг. — журнала «Русская речь» (подробнее о С. А. Копорском см. [Кириллова, Туркина 1993: 71—75; Бельчиков 1999: 92—96]).

И позднее, когда с возрастом полевые исследования стали невозможны, ученый занялся изучением языка художественной литературы и ономастики, С. А. Копорский все же вновь возвращался к увлекательному предмету интереса своей молодости — диалектологии. Кроме этого — неоднократно консультировал своих учеников и коллег по данному вопросу. Так, в работе «Об областной лексике» ученый вступает в полемику по поводу составления диалектных словарей в регионах. Отмечая ценность такой работы, С. А. Копорский указывает на «разнобой и отсутствие единства в заглавиях словарной статьи, в приемах грамматического и семантического толкования слов.

Все это говорит, — по его мнению, — об отсутствии единых, устоявшихся требований в областной лексикографии, о недостаточной преемственности в данной науке» [Копорский 1961а: 47]. При составлении новых словарей ученый призывает обратиться к богатому опыту русской областной лексикографии — к трудам В. И. Даля, В. Н. Добровольского, А. В. Миртова и др. специалистов. Он, в частности полагает, что в заголовке словарной статьи нужно отличать лишь те фонетические особенности, которые присущи только данному слову» [там же: 48]. Справедливы замечания ученого относительно использования грамматических помет в словарях, характера отображения акцентуации и т. п. С. А. Копорский пишет: «Идеальным требованием для областных словарей было бы указание, какие производные от того или иного слова-основы в данном говоре употребительны. Так, в восточной группе северновеликорусского наречия на территории северной части Ярославской и северо-восточной части Калининской областей в 20-х гг. было распространено слово *басá* — «красота, наряд» и производные от него: *бáся* — «картинка, приданое», *баскóй* — «красивый» (а может быть, и вообще хороший). Отсюда *Баскóй* — кличка собаки; *баскáя* — «нарядная», *бáскó* — «красиво, хорошо»; *басíть* — «форсить», *басíться* — «наряжаться, нарядиться» [там же: 49] (см. также [Копорский 1929: 84]).

Другим, не менее актуальным вопросом, получившим весьма успешное решение в трудах С. А. Копорского, была ономастика. Ученый не раз выступал по этой проблеме со статьями и рецензиями в научной печати дома и за рубежом. В одной из таких работ, «К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках», им ставится задача «систематического знакомства с достижениями в этой области и особенно с развитием ономастики в славянских странах» [Копорский 1967: 67]. Анализируя книгу чешского исследователя Яна Свободы, С. А. Копорский говорит о таких, ставших теперь перспективными, проблемах, как семантическая классификация имен, возникновение и принадлежность сложных и простых имен, вопросы словообразования и т. д. Так, он замечает, что «в изу-

чении сложных личных имен большее внимание необходимо было обратить на их специфику. Ведь не все они имели прототип в нарицательных, не все сводимы к ним» [там же: 72]. В очерках по топонимии «Имена-ориентиры» С. А. Копорский, в частности, не без основания замечает: «Изучение семантики собственных имен в известной степени задерживается неправильным противопоставлением их именам нарицательным» [Копорский 1965: 109].

Во многом интересны наблюдения С. А. Копорского над спецификой функционирования лексики в текстах художественной литературы (об этом он говорит и В. В. Виноградову в публикуемых ниже письмах). Автор очень внимательно относится к проблеме стиля и многозначности слов, исследует вопросы стихотворного языка, метафорического переосмысления отдельных групп. Его интересуют здесь и вопросы «символического» использования частей речи как характерных особенностей того или иного текста. В работах С. А. Копорского этого цикла решаются и некоторые проблемы синтаксиса, который не выступает под пером автора чем-то обособленным, а вкупе с другими элементами анализа помогает понять структуру *целого* текста, его экспрессивные признаки и «логические формулировки». Почти всегда анализ текстов художественной литературы у С. А. Копорского имеет не только сугубо исследовательский, теоретический и даже экспериментальный характер, а и вспомогательно-педагогический. Это позволяет и сейчас успешно использовать разработки ученого в данной области в школе и вузе. А его умение проникнуть в естество предмета, грамотно и методично объяснить функциональные особенности конкретного текста, его смыслообразующие детали до сих пор вызывает большой интерес у исследователей. Примечательна в этом смысле статья «К изучению языка и стиля стихотворения А. С. Пушкина “Кавказ”» [Копорский 1961б]. Вот один из фрагментов анализа: «Содержание стихотворения «Кавказ» заметно отражается и на синтаксическом строе. В стихотворении нет восклицательных (за исключением «Вотще!») и вопросительных предложений. Они бы внесли из-

лишнюю эмоциональность, что нарушило бы интеллектуальный характер эмоций, которыми характеризуется произведение. В стихотворении нет и следов книжности, придаточных дополнительных, определительных, цели, в которых особенно заметно проявляется логизированность текста. В стихотворении только четыре сложноподчиненных предложения с союзным словом *где*. Они встречаются парами, что усиливает ритмичность и ослабляет логическую сторону подчинения» [там же: 44].

Завершаем наш очерк публикацией неизвестных писем С. А. Копорского В. В. Виноградову из личного фонда (ф. 1602) академика в Архиве РАН и А. М. Селищеву (РГАЛИ) и посланий В. В. Виноградова, А. В. Исаченко. Я. Я. Свободы Л. Чельберга и Б. О. Унбегауна С. А. Копорскому, любезно предоставленных нам Е. С. Копорской из домашнего архива. В них научное, творческое начало как бы уступает иной ипостаси — «человековедческой». В этих небольших «отрезках жизни», быть может, присутствует и то, что находилось «в ретуши» при жизни. Мы в какой-то мере, возможно, разочаруем читателя, если скажем, что здесь нет ярких метафор и больших лингвистических открытий — это *просто* письма. Но в них сохранилась частица того, ушедшего поколения отечественных ученых, чьими идеями, многие из которых так и остались незавершенными, живет современная наука. И об этом надо помнить. Мне вспоминается здесь недавняя архивная находка — “*Campo Santo моей памяти. Образы усопших в моем сознании*” А. А. Золотарева — несколько исписанных прижимистым почерком тетрадей, где представлены «образы» современников, сохранившихся в памяти автора, — там есть и ученые (например, Д. Н. Ушаков), и писатели, и деятели искусства, и духовные особы, и просто близкие автору знакомые. И мне подумалось: жаль, что теперь никто не пишет подобных «тетрадей»... Запись на обложке одной из них гласит: «Бог есть Вечная Любовь и Вечная Память. Любовно работать для сохранения об-

лика усопших — работа Господня» (РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. № 15. Л. 1).

При воспроизведении текстов писем мы унифицировали подачу их датировки (непосредственно перед текстом), устранили опечатки и погрешности в написании орфографии некоторых слов. Пунктуация дается в соответствии с современными нормами, авторские знаки, по возможности, сохранены. Названия научных изданий и трудов в ряде случаев выделяются курсивом. В письмах сделаны незначительные пропуски (обозначены в угловых скобках), не имеющие отношения к научной стороне описываемых событий. Если автор не указывает место написания и дату, определяем их предположительно по сопутствующим деталям текста, именам, упоминаемым статьям, книгам и проч. Наши вставки в таких случаях также помещаются в угловые скобки.

Сердечно благодарим доктора филологических наук Елену Сергеевну Копорскую за предоставленные для публикации материалы из ее домашнего архива и консультацию, за то доброе и доверительное отношение к автору, которое помогло нам ближе понять и осознать мир научных интересов и исканий Сергея Алексеевича Копорского. Мы признательны также заведующей Отделом русского и славянского языкознания журнала Галине Владимировне Строковой за поддержку и помощь, которую она оказывала нам на всех этапах подготовки этой работы.

1. В. В. Виноградов — С. А. Копорскому

<Москва>, 28 октября, 1930-е гг.>

Дорогой Сергей Алексеевич!

С сегодняшнего дня (28-го октября) жить мне, по-видимому, будет легче: студенты IV курса отправляются на педпрактику, в связи с этим у меня освобождаются целиком 2 дня в неделю. Это два месяца. Я много (но без сравнения с Вашими нормами: часов 14 в неделю) читал лекций и много работал над «Современным русским языком» для 2-го издания [2]. К 1-му февраля

я должен эту работу закончить. Необходимо написать для Акад<емии> Наук (с которой деньги я уже получаю ежемесячно) 4 листа «Синтаксиса русского языка» [3]. Есть и другие, более мелкие заказы. «Совр<еменный> русск<ий> язык» я и дополняю и изменяю. Стараюсь, кроме того, упростить. Если есть замечания у Вас и других калининцев, соберите и пришлите. А. Е. Бескровный из Краснодара прислал мне конспект синтаксиса совр<еменного> русск<ого> языка. Вологодск<ие> и Ростовские (№ 2) Ученые записки получил. Если у Вас нет книги Эльсберга «Стиль Салтыкова-Щедрина» [4], напишите: я куплю и вышлю Вам. В. Unbegaun [5] мне с декабря понадобится. <...> С КВШК [6] происходят чудеса: до сих пор мне посылают повестки на Плотников пер. (где никогда не жил), очевидно, для того, чтобы я не попадал на заседания Экспертной комиссии (членом которой я будто бы назначен). <...> В Ленинград на доклад меня еще не вызывают. Вышел № 4 “Русского языка в школе” [7]. <...> Как работа Ваша? <...> У меня только сегодня был Ефимов (из Молотова), приготовляющий докторск<ую> диссертацию о языке Салтыкова-Щедрина [8]. <...> Привет Лидии Ив<ановне> [9] и детям. Почему никто из Вас в Москву не ездит? Привет Калининск<ому> пединст<итуту> и кафедре русского языка. <...> Пишите и живите счастливо. Заканчивайте работу.

Ваш Викт. Виногра<дов>

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф.

2. В. В. Виноградов — С. А. Копорскому

<Москва, 1940 г.>

Я знаю, что я — свинья перед Вами. В чем и каюсь. Но ничего не поделаешь. И болен я был плевритом, и с делами не справляюсь. Надо было переделывать программы. По истории русского языка — разногласия. Приедет Якубинский. Я должен был ехать по тому же вопросу в Ленинград, но по нездоровью

не поехал. Выработан новый план факультета языка и литературы. Хожу на заседания экспертной комиссии. Абакумова — провалили, а Лою — утвердили в звании профессора. Лоя уехал в Ригу. <...> Перерабатываю «Современный русский язык», пишу разные статьи. От жизни отстал, хотя и нередко болтаюсь среди людей. Читали ли «Общее языкознание» [10] Мещанинова? Нет ли у Вас лишнего экземпляра «Основ общей психологии» [11] Рубинштейна? Как Ваша работа? Приближается ли к концу? Подавайте в МГПИ [12]. Там я — в роли консультанта. А Шапиро взят консультантом в Комитет по делам высшей школы. <...> Держится важно и введен членом в Экспертную комиссию. Говорит, что заканчивает диссертацию по синтаксису северновеликорусского наречия [13]. Не могу получить «Известий» Горьковского Пединститута. А там нужна мне статья Калинина [14] о видах русского глагола. Кстати, о Калинине: как у Вас с едой? Как дети? Лидия Ивановна? Всем — приветы. Хотелось бы повидать Вас всех. Но как это сделать? До середины марта я завяз в работу по уши. Кончаю редактировать «Русский язык» Крючкова, Земского и проч. [15] (1 и 2 вып.). <...> Вот как будто и все лингвистические новости. О жизни и говорить нечего. Кажется, закрывают жилкооперативы, в том числе и тот, куда мы вносили деньги. Следовательно, и тут неудача. Деньги вернут через годик — с вычетом организационных и ликвидационных расходов. Для чего же мы старались и лезли из кожи вон? Пожалуйста, пишите. И не будьте горды. Привет Вашему дому и кафедре русского языка.

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф.

3. В. В. Виноградов — С. А. Копорскому

<Москва>, 30 дек<абря> 1940 г.

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что долго не писал. Был зверски занят. Готовил доклад для ИЯМ'а [16]. Ездил в Ленинград и читал доклад с большим успехом. Слушал доклад Обнорского об образовании формы 3 л. глаголов в настоящ<ем>-будущ<ем> вр<мени>. Обременен неотложной работой над серией статей. Написал статью для № 2 «Русск<ого> яз<ыка> в школе» [17]. Кстати: Вы получили талон на подписку? Я просил Д. Э. Розенталя устроить это Вам. Сейчас пишу статью «Смысловая структура слова» [18] для теоретич<еского> сборника, издаваемого Инст<итутом> русск<ой> литерат<уры> Ак<адемии> Наук. А впереди еще — 3 статьи и работа над «Современным русским языком». Спасибо Вам большое за присылку книг и за разные указания. Поздравляю Лидию Ивановну, Вас и детей с Новым Годом. Как течет жизнь Ваша? Улучшились ли внешние условия быта в Калининe? Пожалуйста, пишите чаще и держите меня в курсе всяких дел. Не лишайте и книжной помощи. Вышел том «Ученых записок Одесского Университета». Там статья Сам. Бернштейна о Ягиче. Как продвигается Ваша работа? Кончайте и отдавайте в МГПИ. Одним из рецензентов буду я. Хожу в экспертную комиссию ВАК'а и там буду тоже содействовать. <...> Аванесов <...> вместе с Сидоровым написал *Фонетику и морфологию* [19] для учителей. Теперь он дружит с Петросяном (директор ИЯП'а [20]) и Лебедевым-Полянским. <...> Винокур пишет докторскую диссертацию по истории литерат<урного> языка (не отставайте!). Крючков читает доклады о дискуссии в «Учительск<ой> газете». Объявлена война совместительству профессоров. Возможно, что и я пострадаю тут. <...> Вот все, что мог припомнить сразу. Желаю Вам и Вашей семье счастья и всяческого благополучия. <...>

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф.

4. В. В. Виноградов — С. А. Копорскому

<Москва, начало 1941 г.>

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что не сразу отвечаю. Жизнь заела. Все работаю над «Совре<менным> русск<им> языком» для переиздания (срок — 15 мая). А тут пошли разные корректуры. Выйдет к 5-му мая книга: «Язык газеты» <...>. Там моя статья: «Толковые словари русского языка» [21]. И «Стиль Пушкина», кажется, движется. Сборник Института тоже подписал к печати. Все это — возня. И болен был дней 10. «Стиль Пушкина» (когда выйдет) я добуду для Вас. «Русский язык в школе» нуждается в статьях для № 4. Желательны статьи по анализу языка писателя или языка литературного произведения. Присылайте что-нибудь на мое имя. Я передам Розенталю или Бархударову. Вышла книга Селищева «Славянское языкознание». Я еще не имею. В этом году я адски был занят. Лекций у меня немного — 5 часов в неделю (в среднем: одну неделю — 4, другую — 6). Но добавочных заседаний, комиссий и прочей «муры» — пропасть. Не успеваю работать для ИЯМ'а. В июне надо ехать в Ленинград с докладом. Сейчас читаю как рецензент рукопись книги Л. П. Якубинского — «История русского языка до XV в.» [22]. Много интересного, но грамматика плоха. Не знаю, где достать Лужно-Слов. филолог, т. XVII. Там — рецензия Белича на мой «Совр<еменный> русск<ий> язык». <...> П. О. Потапов из Одессы прислал мне литограф<ированный> курс лекций по старослав<янскому> языку и несколько оттисков статей <...> Булаховский живет в Болшеве — под Москвой. <...> После-завтра я должен представить в КВШК программу по истории русск<ого> лит<ературного> языка XVIII—XIX вв. У экспертной комиссии интересных дел нет. Не слышно ли у Вас о каких-нибудь новых книгах? Я почти не выхожу на улицу и никого не вижу. На следующий год меня приглашают в МГПИ. Возьму полставки и буду Вашим официальным оппонентом.

Переплетаю книгу (т. е. отдаю в переплетную мастерскую Союза писателей).

Как здоровье Ваших детей? И почему Лидия Ив<ановна> или Вы не ездите в Москву? Видно, в Калининe сытно стало. Жилкооперативы закрываются, и я получаю назад свои деньги из Литфонда. Так и не удалось обзавестись своей квартирой. Мечтаю в следующем году не иметь больше одного места. Буду читать и писать. Что делать летом? А отдых необходим. Программа по истор<ии> лит<ературного> языка будет составлена по проблемам. Скорее кончайте книгу [23]. Учебник Крючкова, Земского и Светлаева сдан. Ищут критика. Что еще сказать? Сейчас — 5 часов утра. И голова пуста. Написал письмо Обнорскому, прошу немецких книг. Теперь строчу Вам, а Над<ежда> Матв<еевна> ворчит и велит гасить [24] электричество. Привет Лид<ии> Ив<ановне>, детям от нас обоих. Пишите. Не зазнавайтесь! Я — Ваш должник (в размере не то 15, не то 20 рублей, — не больше ли). Привет, привет!

Ваш Викт. Виноградов

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф.

5. С. А. Копорский — А. М. Селищеву

<Калинин>, 12.IV.1942.

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Матвеевич!

Бежал. Жил 2 м<еся>ца в Р<осто>ве. Оставил там семью. Читал лекции по фольклору и проч. В Ярославле, а теперь вызвали в Кал<ини>н. Проездом через М<оскву> был у Вас, но Вы — на даче. Хотелось повидать, поговорить, передать, что П. Я. Черных послал диссертацию в М<оскву> <...> Вы будете рецензентом. Ну и т. д. Здесь сохранились мои материалы к диссертации, книги. Прочее (главное одежда, посуда) — погибло. Вслушиваюсь, всматриваюсь, впечатляюсь. Где Чичагов? Петерсон и проч. и проч. Нет Фалева.

Если подвернутся книги по лингвистике (Виноградова и под. <...>), не забудьте меня, высылайте наложением платежа. Буду благодарен.

К сожалению, не смогу Вас отблагодарить <...> обещаниями приобрести ботинки и сообщениями о санаториях. Семья в Ростове.

Ваш С. К.

РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 98. Л. 1. Автограф.

6. С. А. Копорский — В. В. Виноградову

<Калинин>, 27.IV.1944.

Дорогой Виктор Владимирович!

Наконец-то приготовил для “Русской речи” статью, назвав ее громко и неумело “У истоков...” [25]. Если редакция придумает лучше, ознакомившись с ней, хорошо. Но я бы просил прежде прочесть Вас и решить, нужна ли она. Черновика у меня нет. Если она там будет годы лежать, то, м<ожет> б<ыть>, мне ее взять для перепечатывания.

Есть статья «Высказывания Добр<олюбо>ва о языке» [26], но я поленился ее переписывать и переделывать, не веря в пригодность для сборника. Она такого же типа что и «Писарев...» [27]. Если бы, по Вашему мнению, она была пригодной, то я в неделю ее бы обработал.

Хотел приехать на семинар Л. В. Щербы, но так поздно извещают, что никак не мог успеть. Послал телеграмму. Будьте добры, скажите там, чтобы вызовы заготавливали, по крайней мере, за две недели.

Там Соболевский [28], бодрый, занят вопросами обеспечения семьи. <...> Н. Д. Н. [29] болен, лекций не читает. Подозревают рак легких у Вершинского, историка.

Наступает огородная страда. Жена занята шитьем штанов сыну. Последний с сестрой охвачены весенними настроениями и (отчаянным? — О. Н.) желанием быть отличниками.

Поклон Надежде Матвеевне.

Все кланяются.

С. Копорск<ий>

Я уж забыл, писал ли, но в «Анекдотах др<евних> пошехонцев», СПб., 1798, хорошо изображена идиома «писать мыслен»: <...> *делал сальтра балътра, или попросту плясал, писал МВ. Отбивал головою часы <...>* (здесь и далее курсив наш. — О. Н.). Там же: *Микеха к обеду совсем исправился, или лучше, наклюкался как красная клюковка, около полудни они из Закуряева выступили в путь, так довольны и все радостны, что и гайки нема <...>. «Анекд<оты>, или вес<елые> похожд<ения> старых пошехонцев». СПб., 1863, <с.>156.*

Архив РАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 248. Л. 6. Автограф.

7. С. А. Копорский — В. В. Виноградову

<Калинин>, 26.IX.<19>45

Дорогой Виктор Владимирович!

Начну к Вам с просьбы: директору нашего Института подсказали, что есть возможность произвести несколько человек в сан профессора. Выбор пал на меня. Не можете ли Вы дать мне для этой цели отзыв. Конечно, я злоупотребляю Вашим доверием, простите великодушно. Из моих работ, Вам известных, достойны хоть какого-то внимания следующие:

1. «Воровской жаргон в среде школьников» («Вестн<ик> просв<ещения>», 1927 г., № 1).
2. «О говоре севера Пошехоно-Володарского р. Ярославской губ<ернии>» [30]. Ярославль, 1929 г., стр. 208.
3. «К вопросу о происхождении орфографических ошибок». *Русский язык в школе*, 1930 г., № 4.
4. «Высказывания Д. И. Писарева о языке», *Русский язык в школе*, 1940, № 1.

Рукописи:

1. Главы из диссертации: «К истории прозаического (?) языка середины XIX в.» (рукопись объемистая, неудобочитаемая, «близится» завершение ее).

2. О языке торговцев вотчины Салтыкова-Щедрина (условный язык <...> [31] маяков).

3. О говорах Осташковского района Калининской области — рукопись начатой печататься работы [32].

4. Высказывания Н. Г. Чернышевского о языке [33].

5. Высказывания Н. А. Добролюбова о языке [34].

6. Диалектологические заметки (рукопись сдана Рубену) [35].

7. У истоков научно-популярного языка (рукопись у Бархударова в столе) [36].

8. О говорах Калининской области (общая характеристика) — сдана Ягодинскому, обещает напечатать [37].

9. Диалектизмы в русской художественной литературе XIX в. Рукопись сдана Ягодинскому [38].

10. Русская диалектология в Калининском пединституте [39]. А всего написано до 20 статей.

За это время, после телефонных разговоров с Вами, был занят всякими ненужно-необходимыми делами (огороды, приемная комиссия...). Дважды проезжал через Москву в Погорельский р<айон> нашей области: возил в диалект<ологическую> экспедицию. Языковых наблюдений немного (послушав(?) границы Моск<овской> и Смоленск<ой> областей), но житейских наблюдений в районе ожесточенных боев (Шаховск<ой> р<айон> — Погорелое Городище <...> [40]) — много.

Заезжал в М<оскву> дважды и виделся в Институте с Поспеловым. Было пусто кругом. Бродил по магазинам, все книжным.

Получил письма от Малаховского, Борковского, Ягодинского. Свежим не веет. Все говорят о диалектологии, но беззвучно и мертво. Надеюсь, что Ягодинский напечатает мой доклад, но печатание откладывается. Борковский рад, что Черных ушел в

Вологду. Ягодинский рукоплещет и заманивает меня к себе перспективами чуть ли не академическими.

Еще не пришел в себя от осенних работ и поэтому — перевожу Белича [41], читаю статьи, медицинские пособия (нач. XIX в. с психологич<еской> и <...> [42] просторечной неустойчивой терминологией. Пишу отчеты в диалект<ологических> поездках.

Нет ли человека, нуждающегося в деньгах, к<ото>рый бы с интересом и интересно прочитал спецкурс. М<ожет> б<ыть>, Ожегов согласился бы на это. Посоветуйте, пожалуйста.

М<ожет> б<ыть>, нужен мой приезд в Москву для того, чтобы привезти работы? С этой просьбой хотел обратиться к Истриной и Ларину. Полезно будет? И согласится Истрина? Конечно, Обнорский уклонится, да?

Простите за беспокойство. Обращаться с такой просьбой к Вам мне трудно.

Поклон Надежде Матвеевне.

С. Копорский.

Там же. Лл. 4—5. Автограф.

8. А. В. Исаченко — С. А. Копорскому

Оломоуц, 8 февраля 1957 г.

Глубокоуважаемый товарищ Копорский!

Приношу Вам свою искреннюю благодарность за присылку своей статьи. Я еще не имел возможности с ней познакомиться, но тематика меня интересует и в плане литературном, и в плане чисто языковом.

К сожалению, не могу похвастаться чем-л<ибо> равноценным: завален корректурами своего словаря и начинаю забывать, что такое самостоятельная научная работа.

Еще раз спасибо!

С совершенным почтением

А. Исаченко

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Машинописный подлинник на стандартном листе бумаги, сложенном пополам, с подписью автора.

9. Я. Я. Свобода — С. А. Копорскому

Прага, 5. X. 1958

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Примите выражение моей искренней благодарности за Ваши два письма и за две очень ценные публикации по интересующим меня темам. Ваши письма содержат много ценных для меня указаний и сведений. Большое вам спасибо!

Несколько дней тому назад я прислал по Вашему адресу I выпуск Словаря старославянского языка и Главные географические названия карловарского района. Я буду и впредь присылать оттиски статей и книги по топонимике и ононимике. Из академических изданий для Вас может быть имели бы цену следующие:

Четырехтомный труд А. Профуса Mistni jména v Čechách, I—IV, 1947—1957.

L. Zgusta: Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. 1955.

Ввиду того, что эти книги уже не новые, они, может быть, уже в Вашем распоряжении. Но если это не так, тогда напишите, пожалуйста, об этом, и наш институт пришлет их.

Я стараюсь следить за славянской топонимической и ононимической новой литературой и составляю ее библиографию. Где и когда она будет печататься, это еще неизвестно. Я ограничил ее 1952—1957 гг. и буду продолжать. Если я хорошо понял слова проф. Горнунга на последнем заседании субсекции съезда славистов, то можно надеяться, что будет издаваться в Москве Бюллетень постоянной комиссии по топонимике и

тогда можно было бы надеяться на опубликование моей библиографии. Но это, кажется, не так скоро будет.

Еще раз сердечное спасибо!

С глубоким почтением

Ян Ярославич Свобода

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Машинописный подлинник на бланке Чехословацкой Академии наук с подписью автора.

10. L. Kjellberg — С. А. Копорскому

Упсала, 1 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемый профессор Копорский!

Разрешите мне выразить искреннюю благодарность за Вашу обширную рецензию [43], оттиск которой я получил вчера. Я очень рад, что моя диссертация привлекла внимание именно русского языковеда. Заниматься историей русского литературного языка — это рискованная попытка для нерусского, не знакомого с детства с русским языком. Ваша рецензия, мне кажется, является подтверждением того, на что я — вопреки многим сомнениям — надеялся: что моя работа — со своими очевидными недостатками — не напрасна. Для дальнейшей моей работы Ваши замечания будут очень ценны.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы позволили мне обращаться к Вам с вопросами, возникающими во время работы.

Одновременно с этим письмом я Вам пересылаю оттиск краткой статьи.

С искренним уважением

Lennart Kjellberg

Rundelsgr. 6 E

Uppsala

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черными чернилами на небольшом листе бумаги.

11. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

14 января 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за пакет с пятью оттисками, который я получил вчера. Спасибо, что не забываете меня, и даже присылаете мне работы своих учеников. Все статьи интересны сами по себе, а кроме того позволяют мне быть более полным в моей хронике в *Revue des études slaves*.

Перед праздниками я получил предварительный экземпляр (т<ак> наз<ываемый> advance copy) моего издания Лудольфа [44]: выглядит очень прилично. Официально книга выйдет 19-го февраля, т<ак> ч<то> Вы ее получите, наверное, лишь в начале марта. Как всегда, задержка с переплетом, но зато он весьма доброкачественный.

Спасибо за новогодние пожелания.

С сердечным приветом,

Искренне Ваш

Борис Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Рукописный подлинник голубыми чернилами на стандартном листе бумаги.

12. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford

5 апреля 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Большое Вам спасибо за Ваше письмо и за Ученые записки МГУ, вып. 128, которые я на днях получил [45]. Мне особенно приятно их иметь.

Я рад, что мое издание Лудольфа Вам понравилось. Оно действительно вышло удачным в типографском отношении. Здешняя университетская типография — лучшая в Англии.

С искренним уважением и благодарностью,
Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф голубыми чернилами на бланке.

13. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,
Oxford,

11 августа 1959

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Пишу Вам, чтобы сообщить, что будущий учебный год я буду в отсутствии: меня пригласили, как Visiting Professor'a, в Columbia University в Нью-Йорке. Я выезжаю отсюда 8-го сентября и вернусь только в июне 1960 года. Мне было бы, конечно, очень жаль, если бы наша переписка прервалась, и я буду рад, если смогу Вам писать оттуда. Мне было бы также приятно, если бы я мог быть Вам чем-нибудь полезен там. Прилагаю свой заокеанский адрес.

С сердечным приветом и искренним уважением

Ваш Б. Унбегаун

См. на об<ороте>

P.S. Как Вы себя чувствуете теперь? Я надеюсь, что Вы совсем оправились от Ваших немощей, о которых Вы мне писали, и смогли хорошо отдохнуть на каникулах. Я знаю, как утомительна жизнь в больших городах.

Б. У.

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Рукописный подлинник голубыми чернилами на стандартном листе бумаги.

14. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Нью-<->Йорк, 8.12.1959

Глубокоуважаемого Сергея Алексеевича поздравляю с Новым Годом и желаю всякого благополучия, здоровья и плодотворной работы.

Жизнь в Нью-Йорке мне очень нравится, город интересный и живой, но, конечно, суетливый. Уровень жизни здесь чрезвычайно высокий, даже по сравнению с Англией, и невольно втягиваешься в это комфортабельное существование и привыкаешь к нему.

У меня два двухчасовых курса — история русского языка и сравнительная грамматика славянских языков, да еще два часа семинара, — по здешним условиям немного, да и читать приходится довольно элементарно: здешние студенты хуже подготовлены, чем в Оксфорде, но зато горят желанием учиться. Есть среди них два негра и одна негритянка, этого у меня еще не бывало. Вообще в Нью-Йорке каждый десятый учитель — негр, и это придает городу экзотический вид, а на улице слышны все языки. Стопроцентные американцы считают, что Нью-Йорк не Америка. М<ожет> б<ыть>, они и правы, но тогда тем хуже для настоящей Америки. Я уже ездил по разным городам и читал гастролерские лекции. Люди всюду очень приятные, но города скучные.

Была тут делегация Московского университета, и я говорил с проректором проф. Вовченко и с еще двумя коллегами - юристом и химиком. Как будто налаживается обмен.

С сердечным приветом,

Искренне Ваш

Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф синей ручкой на новогодней открытке Season's Greetings.

15. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,

Oxford

21 November 1960

Дорогой Сергей Алексеевич!

Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваши оба оттистка [46], которые уже давно пришли. Насчет «образа и слова» я с Вами вполне согласен. Я следил за полемикой в «Вопросах литературы», и она не произвела на меня вдохновляющего впечатления. Встречали ли Вы Чельберга? Я его хорошо знаю; он, по-моему, приятный человек. Конечно, следовало бы начать со словаря и синтаксиса, но такова уж сила привычки и долголетней традиции на Западе. Во всяком случае, Ваша рецензия [47] хорошо показывает все достоинства и недостатки книги.

К сожалению, ни одна из моих статей, которые сейчас печатаются, еще не вышла: одна — доклад на съезде Межд<ународной> Федерации современных языков и литератур (Льеж, сентябрь-октябрь 1960) о проблемах в развитии славянских языков [48], другая в сборнике в честь проф. Паскаля [49] в Париже. Таким образом, я пока ничем не могу реваншироваться, как говорят немцы (мих реванширен). А для рецензий оттисков обыкновенно не полагается, хотя и есть исключения.

И вот, вместо того, чтобы самому прислать Вам что-нибудь, я хочу попросить у Вас одно издание, которое, вероятно, не попадет на Запад, т<ак> ч<то> я не смогу его купить в здешних книжных магазинах, как другие советские книги. Это: «Труды ученых филологического факультета Моск<овского> унив<ерситета> по славянскому языкознанию (библиографический указатель)», Москва изд. МУ, 1960, 356 стр. Вам, конечно, это издание известно, т<ак> к<ак> в нем есть и Ваша библиография. Я знаю, что тираж небольшой (1000 экз.), издание ро-

тапиринт, т<ак> ч<то> книга, наверное, уже стала редкостью, и я вполне пойму, если ее нельзя будет получить.

С самым сердечным приветом,
Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Авторизованная машинопись на небольшом листке бумаги с подписью Б. Унбегауна черной ручкой.

16. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому [50]

<Montreal, 28. XII. 1961>

Дорогого Сергея Алексеевича с семьей сердечно поздравляю с праздниками и желаю здоровья, благополучия и интересной работы в новом году. Праздники, как всегда, проводим в Монреале с дочерью и пятью внучатами. Морозы тут рождественские, но снега в этом году мало.

Ваш Борис Унбегаун и Елена У.

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф синей ручкой на новогодней рождественской открытке (на лицевой стороне изображение двух индейцев, держащих ребенка).

17. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

<Рим>, 19. 4. 1962

Приветствую Дорогого Сергея Алексеевича из Рима, вернее из трех Римов — античного, папского и современного. Макароны и кнанти поддерживают силы.

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черной ручкой на цветной открытке с изображением развалин древнего Рима.

18. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

<Оксфорд>, 13 июня 1962

Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо, что не забываете меня. «Принципы топонимики» и «Словник власних імен людей» [51] очень интересны и для меня полезны. Появилась моя статья в *Oxford Slavonic Papers*, т<ак> ск<азать> скрытая рецензия на книгу Б. А. Ларина [52]. Жду оттисков со дня на день и уже приготовил для Вас конверт, но типография, по-видимому, не торопится.

С сердечным приветом

Ваш Б.Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черными чернилами на открытке (на лицевой стороне изображения гербов колледжей Оксфорда).

19. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,

Oxford

16.8.1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Очень Вы меня порадовали, прислав «Славянский филологический сборник» [53] Башкирск<ого> гос<ударственного> университета. Такие издания сюда не доходят и купить их нельзя. В сборнике есть очень мне нужные статьи, а кроме того, я смогу включить их в мою хронику в *Revue des études slaves*. Большое Вам спасибо!

Не знаю, писал ли я Вам уже, что в последнее время я погруж в разных «Сборниках в честь...». Я уж положил себе за правило не писать для коллег моложе 70 лет, но и таких оказывается достаточно, — по-видимому, славянская филология хорошо сохраняет своих служителей. В Вене готовится сборник в честь, или в память, 1100-летия деятельности Кирилла и Мефодия (863 г.) — это Вам не 70 лет, и я уже не мог отказаться,

и состряпал статью о кирилло-мефодиевском наследии в России [54]. Статья Б. Н. Кипарисова [55] в приложенном Вами сборнике приблизительно на ту же тему, и я ее прочел с особым интересом, хотя и расхожусь с автором во взглядах. Но ведь расхождения и есть самое интересное, не правда ли?

Как Ваше здоровье? Удалось ли Вам отдохнуть во время летних каникул?

С сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Рукописный подлинник черной ручкой на стандартном листе бумаги. Первый абзац и два предложения в конце письма (начиная со слов «Статья Б. Н. Кипарисова...») подчеркнуты.

20. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,

Oxford,

10.9.1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Большое Вам и сердечное спасибо за «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка» [56]. Я очень рад, что наконец имею эту очень интересную книгу.

Я в свое время не откликнулся на статью А. Н. Мирославской [57] в Уфимском *Слав<янской> филолог<ическом> сборнике*. Статья чрезвычайно полезная тем, что вносит ясность в понятие «прозвища» в Московской Руси. Я уже давно занимаюсь собственными именами и поэтому вполне могу оценить подобные работы. М<ежду> пр<очим>, меня просили прочесть доклад на VIII Междунар<одном> ономастическом конгрессе (Амстердам, 27—31 августа 1963 г.), и я подумываю о теме «Традиция и фантазия в антропонимике Моск<овской> Руси XVI века». Приходится считаться с тем, что могут быть слушатели вообще незнакомые с русской антропонимикой, и подобная тема их может заинтересовать. Но и независимо от этого,

такой темой стоит заняться. Вероятно, и из СССР будут участники. Как хорошо было бы, если бы и Вы, Сергей Алексеевич, смогли приехать!

Спасибо за добрый отзыв на мою последнюю статью. Б. А. Ларин, по-видимому, не обиделся на нее [58] и даже прислал мне письмо с благодарностью. Я с Вами совершенно согласен насчет структурализма. Конечно, каждая серьезная работа должна быть «структуральна», но это отнюдь не значит, что она должна витать в стратосфере на телеологических крылышках. Кроме устранения «неудобных» фактов раздражает еще совершенно излишнее изобретение новой терминологии, отчего самые банальные вещи приобретают глубокомысленный вид. Особенно этим грешат американцы. Я все еще жду путного исследования по истории языка, написанного правоверным структурализмом, но история культурного языка — это, по-видимому, не описание бесписьменного эскимосского диалекта. По-моему, даже не стоит тревожить телеологизм XVIII в.; «апельсин разделен на дольки, чтобы было удобнее его есть» — вот к чему часто сводится телеологизм.

С самым сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Рукописный подлинник черной ручкой на стандартном листе бумаги. Первые два предложения второго абзаца подчеркнуты.

21. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,

Oxford,

25 ноября 1962

Дорогой Сергей Алексеевич,

Я Вам чрезвычайно признателен за присылку вашего отиска о стилистике художественной литературы XIX века [59], отиска Г. П. Уханова [60] и Ученых записок Оренбургского гос<ударственного> пед<агогического> инст<итута> [61]. Спасибо Вам за то, что Вы держите меня в курсе многих редких

советских публикаций. Нет, *Ярославского областного словаря* Мельниченко [62] у меня нет, и если у Вас есть лишний экземпляр, буду Вам за него премного благодарен.

В Вашей статье Вы поднимаете важные вопросы, которые мне, по правде сказать, не приходили в голову или над которыми я не задумывался. Но самое интересное — это как раз находить проблемы там, где для других все «ясно».

Якобсон <—> человек увлекающийся и способный схватывать то, что носится в воздухе, но еще как-то не сформулировано. Правда, часто он дает просто новые формулировки общеизвестным фактам. Его увлечение фонологией и структурализмом привело, увы, к тому, что в США оказалась заброшенной история русского языка. Там же, где без нее нельзя было обойтись, ее старались «обойти» путем разных синхронических ухищрений, вроде «глоттохронологии» и под. Это, конечно, проще, чем засесть за тексты. М<ежду> пр<очим>, в будапештских *Studia Slavica* есть интересная статья (VII, 4, стр. 295—346) И. Фодора [63] о глоттохронологии, где он убедительно показывает ее несостоятельность для славянских языков.

Я Вас соблазнял на ономастический съезд в Амстердаме, но сам туда, наверное, не поеду, т<ак> к<ак> меня пригласили на съезд Междунар<одной> Федерации новых языков и литератур в Нью-Йорке [64], который состоится в то же самое время. Я решил поехать (на две недели), благо американцы оплачивают дорогу. Я вернусь около 4-го сентября, т<ак> ч<то> попаду на софийский съезд.

С самыми лучшими пожеланиями здоровья, дорогой Сергей Алексеевич, и с сердечным приветом.

Ваш Б. Унбегаун

P. S. Только что узнал о смерти С. П. Обнорского.

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Рукописный подлинник черной ручкой на стандартном листе бумаги.

22. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

<Палермо>, 2.4.1963

Сердечный привет дорогому Сергею Александровичу из Сицилии, куда меня занесла волна лекций по городам Италии (но в Палермо, увы, еще славистики нет).

Ваш Б. Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черной ручкой на цветной открытке с изображением кафедрального собора в Палермо.

23. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Цюрих, 29.12.1963

Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо за открытку, которую я недавно получил здесь, где провожу праздники в семье дочери и где, в пятый раз, стал дедушкой. Искренне благодарю за протекцию относительно этимологического словаря Шанского [65]. Вероятно, выпуск ждет меня в Оксфорде. Я посмотрю, что у меня есть из дублетов оттисков к Съезду в Софии и пришлю Вам. К сожалению, я многого сам не получил, т<ак> к<ак> приехал лишь накануне начала съезда, вечером, когда многое уже было разобрано. Как я Вам уже писал, я погряз в разных «Сборниках в честь...»; последняя статья была для Сборника Курыловича [66], о термине *podwojski* / *подвойский*.

Шлю Вам свои самые сердечные пожелания здоровья, всеческого благополучия и плодотворной работы в новом году.

Ваш Борис Унбегаун

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черной ручкой на цветной открытке.

24. Б. Унбегаун — С. А. Копорскому

Brasenose College,

Oxford

30.1.1964

Дорогой Сергей Алексеевич,

Третьего дня я послал Вам, заказной бандеролью, небольшой пакет следующего содержания:

F. Cocron, *Le langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie)* [67].

I. Mahnken und K.-H. Pollok, *Materialien zu einer Slawistischen Bibliographie* [68].

3 оттиска (2 американских и один венгерский).

F. Cocron — австриец и книга — его докторская диссертация, которую он защищал десять лет тому назад в Сорбонне. Я был тогда в составе трех экзаменаторов, перед которыми происходила защита. Кроме того, конечно, он часто со мной советовался во время своей работы. К сожалению, он не пошел по академической линии. Сейчас он директор Австрийского института, в Париже, что отнимает у него все время и не дает уж никакой возможности заниматься наукой.

Я только что выскочил из очередной хроники *Revue des études slaves* (75 страниц машинописи!), т.<ак> ч<то> чувствую себя сравнительно свободным. Но Вы знаете, что значит такая свобода для нашего брата: мы поскорее надеваем на себя цепи новой работы.

С самым сердечным приветом

Ваш Б. Унбегаун

P.S. Видели ли Вы (т.е., конечно, видели) *Историческую грамматику русского языка* Кузнецова и Борковского [69]? Очевидно, она станет стандартным учебником. На мой вкус она несколько консервативна и традиционна. Но это первая ист<орическая> грамматика, где синтаксису отведено подобающее ему место. Не знаю только, зачем понадобилось авторам сообщать (стр. 12) обо мне не соответствующие действительности сведения [70].

Б. У.

Из домашнего архива Е. С. Копорской. Автограф черной ручкой на стандартном листе бумаги.

Примечания

[1] На экземпляре своей первой монографии «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда...», сохранившейся в библиотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, помещена дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Дмитрию Николаевичу Ушакову признательный автор». Вероятно, и контакты с председателем МДК Д. Н. Ушаковым были для С. А. Копорского во многом полезными.

[2] 1-е издание см. [Виноградов 1938]. Подготовка 2-го издания была прервана войной, и материалы могли войти в позднейшие книги ученого, см. [Виноградов 1947; 1952].

[3] В эти годы В. В. Виноградов написал несколько работ по синтаксису, см. библиографию в кн. [Виноградов 1975: 547—550].

[4] Точное название книги см. [Эльсберг 1940].

[5] Очевидно, имеется в виду монография Б. Унбегауна о морфологии русского языка XVI в., см. [Unbegaun 1935].

[6] Очевидно, это мог быть Комитет по делам высшей школы.

[7] В этом номере опубликована одна из трех статей В. В. Виноградова «Основные этапы истории русского языка», см. [Виноградов 1940: 1—8].

[8] Позднее, в 1940-е — 1950-е гг., А. И. Ефимов выпустил две крупные работы об этом писателе, ставшие основой его диссертации: «Из наблюдений над фразеологией Салтыкова-Щедрина» [Ефимов 1945] и «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» [Ефимов 1953].

[9] Жена С. А. Копорского.

[10] Полное название книги см. [Мещанинов 1940].

[11] Точное название книги см. [Рубинштейн 1935].

[12] Речь идет о работе над докторской диссертацией. С. А. Копорский не успел ее закончить до войны, во время ко-

торой в Калинин были уничтожены все материалы. Защита состоялась в Москве в 1951 г., см. [Копорский 1951].

[13] Докторская диссертация Р. И. Аванесова называлась «Исследования в области русской диалектологии» и была защищена в 1948 г.

[14] А. И. Калинин — известный специалист по русской грамматике, позднее выпустил отдельную книгу «Морфология русского глагола» (Горький, 1957).

[15] См. [Крючков, Земский 1945; 1948].

[16] Институт языка и мышления АН СССР.

[17] См. [Виноградов 1941a: 12—19].

[18] Вероятно, статья вышла под другим названием, см. библиографию трудов В. В. Виноградова по этой проблематике в книгах [Виноградов 1975: 547—550; 1977: 301—304].

[19] Точное название книги см. [Аванесов, Сидоров 1945].

[20] Институт языка и письменности АН СССР.

[21] См. [Виноградов 1941b: 353—395].

[22] Книга вышла позднее под другим названием: «История древнерусского языка», см. [Якубинский 1953].

[23] Книга по будущей докторской диссертации С. А. Копорского до сих пор не опубликована, ее материалы хранятся в архиве дочери ученого Е. С. Копорской.

[24] Впереди написано и зачеркнуто: *тушить*.

[25] О какой статье идет речь, установить не удалось.

[26] Статья вышла под названием «Н. А. Добролюбов» (см. [Копорский 1946]).

[27] Статья вышла под названием «Высказывания Д. И. Писарева о языке» (см. [Копорский 1941]).

[28] Вероятно, имеется в виду С. И. Соболевский.

[29] Кому принадлежат инициалы, установить не удалось.

[30] Точное название статьи см. [Копорский 1929].

[31] Слово написано неразборчиво. Первая и вторая рукописи в списке С. А. Копорского не значатся в библиографии опубликованных работ. Возможно, автор впоследствии изменил название статей или же передумал их издавать.

[32] Статья (по сути — монография) вышла под названием «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» (см. [Копорский 1945]).

[33] Статья вышла под названием «Н. Г. Чернышевский и иностранные языки» (см. [Копорский 1955а]).

[34] См. прим.

[35] По-видимому, статья вышла под названием «Цоканье в Калининской области» (см. [Копорский 1949]). Этот сборник редактировал в том числе и Р. И. Аванесов.

[36] По-видимому, рукопись вышла под названием «Из истории лексики русского литературного языка XVIII—XIX вв. (Изменения значения славянизмов)» (см. [Копорский 1955б]).

[37] О какой статье идет речь, установить не удалось.

[38] С. А. Копорский опубликовал немало статей о языке художественной литературы, но специально изучению диалектной лексики была посвящена статья «Диалектизмы в поэтическом языке Некрасова» (см. [Копорский 1947]).

[39] Статья вышла под названием «Русская диалектология за 30 лет» (см. [Копорский 1948]).

[40] Название населенного пункта написано неразборчиво.

[41] А. И. Белић — знаменитый сербский филолог. С. А. Копорский мог знать и переводить два труда ученого (см. [Белич 1940; 1941]).

[42] Запись неразборчива.

[43] См. [Копорский 1960а: 125—130].

[44] См. [Unbegaun 1959].

[45] Б. Унбегауну могла быть особенно интересна статья А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ», опубликованная в этом сборнике; см. [Селищев 1948: 128—152].

[46] В конце 1950-х — начале 1960-х годов С. А. Копорский много занимался изучением языка и стиля художественной литературы. Вероятно, один из оттисков, который он прислал Б. Унбегауну, был посвящен проходившей в те годы дискуссии о художественном мастерстве и языке искусства (см.: Вопросы литературы, 1958, № 6; 1959, №№ 8, 10, 11). С. А. Копорский

посвятил этой проблеме специальный критический обзор, см. [Копорский 1960б: 37—54].

[47] См. его письмо к С. А. Копорскому и примечание там же ранее (письмо № 10 в нашей публикации).

[48] См. [Unbegaun 1961a: 135—146].

[49] См. [Unbegaun 1961б: 207—209].

[50] Дата и место написания этого письма даются по штемпелю отправления на конверте. Последние слова в подписи принадлежат жене Б. Унбегауна.

[51] См. [Принципы топонимики 1962; Левченко 1961].

[52] Б. Унбегаун имеет в виду издание: Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.) / АН Литовской ССР, Ин-т литовского языка и литературы, Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л., 1959. В 1960-е годы Б. Унбегаун опубликовал несколько работ, где не раз давал критическую и притом весьма высокую оценку научным заслугам Б. А. Ларина. Среди них: Unbegaun B. O. The Language of Moscovite Russia in Oxford Vocabularies // *Oxford Slavonic Papers*, X, 1962, pp. 46—59; Унбегаун Б. Наблюдения англичанина над русским языком конца XVI в. // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б.А.Ларина. — Л., 1963. С. 299—307. Здесь, по-видимому, Б. Унбегаун имеет в виду свою статью в *OSP*.

[53] См. [Слав. фил. сб. 1962].

[54] См. [Unbegaun 1964: 470—482].

[55] См. [Кипарисов 1962: 61—92].

[56] См. [Исследования 1961].

[57] См. [Мирославская 1962].

[58] Б. О. Унбегаун имеет в виду критический отзыв на книгу: Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, данный им в статье “The Language of Moscovite Russia in Oxford Vocabularies” (см. [Unbegaun 1962]).

[59] См. [Копорский 1962].

[60] Г. П. Уханов (1918—1985) — ученик С. А. Копорского, специалист по синтаксису, заведовал кафедрой русского языка

в Тверском государственном университете. Какую его работу имеет в виду С. А. Копорский, установить затруднительно.

[61] См. [Материалы 1962]. В сборнике опубликованы исследования по топонимике, которыми интересовались Б. Унбегаун и С. А. Копорский.

[62] См. [Мельниченко 1961].

[63] См. [Fodor 1961].

[64] Б. Унбегаун действительно посетил конгресс в Нью-Йорке и выступил там с кратким сообщением, см. [Unbegaun 1965a].

[65] См. [ЭС 1963].

[66] Указанная книга была выпущена Институтом славянских исследований в Париже в 1962 г. (Bibliothèque russe de l'Inst. de études slaves. Т. 33).

[67] См. [Unbegaun 1965б].

[68] Полные выходные данные книги см. [Mahnken, Pollok 1963].

[69] См. [Борковский, Кузнецов 1963].

[70] Авторы книги действительно указали неверные сведения: «Б. Унбегаун, русский по происхождению, но еще с дореволюционного времени учившийся и постоянно живший во Франции...» (см. [Борковский, Кузнецов 1963: 12]). Возможно, данная погрешность была связана с вынужденной необходимостью: упоминать в трудах «русских изгнанников» было тогда небезопасно; по этой причине, например, издание могло не выйти в свет.

Список литературы

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. 1945 — Очерк грамматики русского языка. — М., 1945.

2. Белић А. И. 1940 — Граматика српскохрватског језика, за I разряд средњих школа. — Београд, 1940.

3. Белић А. И. 1941 — О језичкој природи и језичком развоју: Лингвистичка испитивања. — Београд, 1941 (Српска

Кральевска Акад. Посебна изд. Къ. 134. Филос. и филолошки списи; Къ. 35).

4. Бельчиков Ю. А. 1999 — Сергей Алексеевич Копорский (к 100-летию со дня рождения) // РЯШ. — 1999. — № 3.

5. Борковский В. И., Кузнецов П. С. 1963 — Историческая грамматика русского языка. — М., 1963.

6. Виноградов В. В. 1938 — Современный русский язык: Пособие для лит.-лингв. фак-тов высш. учебн. заведений. Вып. 1—2. — М., 1938.

7. Виноградов В. В. 1940 — Основные этапы истории русского языка [статья вторая] // РЯШ. — 1940. — № 4.

8. Виноградов В. В. 1941a — Из истории русской лексики: 1) небосклон; 2) вдохновить; 3) подвергать свою жизнь; 4) точить балы (балясы, лясы) // РЯШ. — 1941. — № 2.

9. Виноградов В. В. 1941б — Толковые словари русского языка // Язык газеты. — М.-Л., 1941.

10. Виноградов В. В. 1947 — Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М., 1947.

11. Виноградов В. В. 1952 — Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). — М., 1952.

12. Виноградов В. В. 1975 — Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

13. Виноградов В. В. 1977 — Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977.

14. Исследования 1961 — Исследования по лексикологии и грамматике русского языка / Отв. ред. В. И. Борковский и С. И. Котков. — М., 1961.

15. Ефимов А. И. 1945 — Из наблюдений над фразеологией Салтыкова-Щедрина. — Молотов, 1945. Отд. отт.

16. Ефимов А. И. 1953 — Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. — М., 1953.

17. Кипарисов Г. С. 1962 — Старославянский язык и его отношение к восточнославянским литературным языкам на главных этапах их развития // Славянский филологический сборник... — Уфа, 1962.

18. Кириллова Т. Е., Туркина Р. В. 1993 — С. А. Копорский — основатель тверской школы диалектологов // Тверь лин-

гвистическая: Историко-краеведческий сборник. — Тверь, 1993.

19. *Копорский С. А. 1926* — (Ред.): Дополнения к «Материалам для словаря родного языка в Ярославской губ.» Е. Якушкина. Коллективная работа студентов лит.-лингвистич. отд-ния Ярославск. пед. ин-та. // Труды Яросл. пед. ин-та. — Ярославль, 1926. Т. 1, вып. 2 (совместно с И. Г. Голановым).

20. *Копорский С. А. 1927* — Воровской жаргон в среде школьников (По материалам обследования ярославских школ) // Вестник просвещения. 1927. № 1

21. *Копорский С. А. 1929а* — О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения) // Тр. Яросл. пед. ин-та. — Т. 2. — Вып. 3. — Ярославль, 1929.

22. *Копорский С. А. 1929б* — Заметка о говоре с. Шельшедом Тутаевского района Ярославского округа // Ярославский край. Сб. 2. / Под ред. С. А. Копорского, С. С. Дмитриева и М. Г. Кадека. — Ярославль, 1929.

23. *Копорский С. А. 1941* — Высказывания Д. И. Писарева о языке // РЯШ. — 1941. — № 1.

24. *Копорский С. А. 1945* — Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Ученые записки Калининского пед. ин-та. — Т. 10. — Вып. 3. — Калинин, 1945

25. *Копорский С. А. 1946* — Н. А. Добролюбов // РЯШ. — 1946. — № 2.

26. *Копорский С. А. 1947* — Диалектизмы в поэтическом языке Некрасова // Уч. Зап. Калинин. гос. пед. ин-та. — Т. 15. — Вып. 1. — Калинин, 1947.

27. *Копорский С. А. 1948* — Русская диалектология за 30 лет // Уч. зап. Калинин. гос. пед. ин-та. — Т. 15. — Вып. 2. — Калинин, 1948.

28. *Копорский С. А. 1949* — Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 3 / Под ред. Р. И. Аванесова, С. П. Обнорского и Ф. П. Филина. — М.-Л., 1949.

29. *Копорский С. А. 1951* — Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70 годов 19-го века.

(Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова). Автореф.... докт. дисс... — Калинин, 1951.

30. *Копорский С. А. 1955a* — Н. Г. Чернышевский и иностранные языки // Иностранный язык в школе. — 1955. — № 3.

31. *Копорский С. А. 1955b* — Из истории лексики русского литературного языка XVIII-XIX вв. (Изменения значения славянизмов) // РЯШ. — 1955. — № 3.

32. *Копорский С. А. 1960a* — [рец.] L. Kjellberg. La langue de Gedeon Krinovskij prédicateur russe du XVIII siècle, I. — Uppsala-Wiesbaden. 1957. — 196 pp. // Вопросы языкознания. — 1960. — № 3.

33. *Копорский С. А. 1960b* — О языке художественной литературы (По поводу дискуссии на тему «Слово и образ») // Вестник МГУ. — Филология. — 1960. — № 2.

34. *Копорский С. А. 1961a* — Об областной лексике (В связи с публикацией материалов для областных словарей в «Ученых записках» педагогических институтов и университетов) // Вестник Московского университета. — 1961. — № 5.

35. *Копорский С. А. 1961b* — К изучению языка и стиля стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ» // РЯШ. — 1961. — № 1.

36. *Копорский С. А. 1962* — О стилистике художественной литературы (В связи с межвузовской конференцией по стилистике художественной литературы) // Вестник МГУ. Серия VII: Филология. Журналистика. — 1962. — № 4.

37. *Копорский С. А. 1965* — Очерки по топонимии. 1. Имена-ориентиры // Onomastica, rocz. X, zes. 1—2, 1965.

38. *Копорский С. А. 1967* — К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках (Jan Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. — Praha, 1964. 317 str.) // Вестник МГУ. Филология. — 1967. — № 3.

39. *Крючков С. Е., Земский А. И. и др. 1945* — Грамматика русского языка: Учебник для пед. училищ. — М., 1945.

40. *Крючков С. Е., Земский А. И. и др. 1948* — Грамматика русского языка: Учебник для пед. училищ / Под ред. акад. В. В. Виноградова. — Изд. 2-е., переработ. — М., 1948.

41. *Левченко С. П. 1961* — Словник власних імен людей (українсько-російський і російсько-український). — 2-е вид., випр. і доп. — Киев., 1961.

42. *Материалы 1962* — Материалы и исследования по русскому языку / Под ред. Н. Я. Лойфмана // Ученые записки Оренбургского гос. пед. ин-та. Вып. 15. Оренбург, 1962.

43. *Мельниченко Г. Г. 1961* — Краткий ярославский областной словарь. — Т. 1. — Ярославль, 1961.

44. *Мещанинов И. И. 1940* — Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л., 1940.

45. *Миротавская А. Н. 1962* — Еще раз о древнерусских именах и прозвищах // Славянский филологический сборник: Посвящается V Международному съезду славистов // Ученые записки Башкирского гос. ун-та, вып. 9. Сер. филол. наук, № 3(7). — Уфа, 1962.

46. *Принципы топонимики 1962* — Принципы топонимики. Материалы к совещанию. — М., 1962.

47. *Рубинштейн С. Л. 1935* — Основы психологии: Пособие для высш. пед. учеб. заведений. — М., 1935.

48. *Селищев А. М. 1948* — Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Ученые записки МГУ, вып. 128. Труды кафедры русского языка. Кн. I / Под ред. акад. В. В. Виноградова. — М., 1948.

49. *Слав. фил. сб. 1962* — Славянский филологический сборник: Посвящается V Международному съезду славистов // Ученые записки Башкирского гос. ун-та, вып. 9. Серия филол. наук, № 3(7). — Уфа, 1962.

50. *Эльсберг Я. Е. 1940* — Стиль Щедрина. М., 1940.

51. *ЭС 1963* — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — Т. 1. Вып. 1 [А]. — М., 1963.

52. *Якубинский Л. П. 1953* — История древнерусского языка / С предисл. и под ред. акад. В. В. Виноградова. — М., 1953.

53. *Fodor I. 1961* — The Validity of Glottochronology on the Basis of the Slavonic Languages // *Studia Slavica*. — Т. VII, fasc. 4. — Budapest, 1961.

54. *Mahnken I., Pollok K.-H. 1963* — Materialien zu einer Slawistischen Bibliographie. Arbeiten der in Österreich, der

Schweiz und der Bundesrepublik Deutschland tätigen Slawisten (1945-1963). — München, 1963.

55. *Unbegaun B. 1935* — La langue russe au XVIème siècle (1500-1550). I. La flexion des noms. — Paris, 1935.

56. *Unbegaun B. 1959* — Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica, Oxonii A.D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. — Oxford, 1959.

57. *Unbegaun B. 1961a* — La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions // Langue et Littérature: Actes du VIIIe Congrès de la Fédération Internationale des Langues et Littératures Modernes. — Paris, 1961. [Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège. Fasc. CLXI].

58. *Unbegaun 1961b* — Les contemporains d'Avvakum en présence des fossiles // Revue des études slaves, Mélanges Pierre Pascal, t. XXXVIII. — Paris, 1961.

59. *Unbegaun B. O. 1962* — The Language of Moscovite Russia in Oxford Vocabularies // Oxford Slavonic papers, 1962, X.

60. *Unbegaun B. 1964* — L'Héritage Cyrillo-Méthodien en Russie // Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963. Im Auftrage der Görres-Gesellschaft herausgegeben von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiewski, F. Zagiba. — [Wien], 1964.

61. *Unbegaun B. O. 1965a* — Remarks on Professor M. Markovitch's Paper // Literary History and Literary Criticism. Acta of the Ninth Congress of the International Federation for Modern Languages and Literatures (25—31 August, 1963) / Ed. by L. Edel. — N. Y., 1965.

62. *Unbegaun B. O. 1965b* — La fausse évidence étymologique: polonais *podwojski* russe *podvojskij* // Simbolae Linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz / Polska Akademia Nauk — Oddział w Krakowie, Prace Komisji językoznawstwa, Nr. 5. — Wrocław-Warszawa-Krakow, 1965.

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКА**

Ю. Л. Воротников
(Москва, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН)

«Языковая картина мира» в ряду лингвистических терминов¹

Постановка проблемы. Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?

Можно, конечно, утверждать, что понятие «языковая картина мира» относится к числу тех «широких» понятий, обоснование применения которых не является обязательным, а еще точнее — является само собой разумеющимся. Ведь немного найдется таких исследователей, которые начинали бы свою работу в области, например, морфологии определением своего понимания сущности языка, хотя вполне понятно, что употреблять слово «язык» по ходу изложения им придется неоднократно. Более того, если их спросить, что такое язык, многие не сразу смогут на этот вопрос ответить. Причем качество данной конкретной работы совершенно не обязательно будет напрямую связано со способностью ее автора истолковать смысл употребляемых понятий.

Однако, относя понятие «языковая картина мира» к числу таких исходных понятий лингвистики, как «язык», «речь», «слово» и им подобных, следует иметь в виду одно существенное обстоятельство. Все перечисленные понятия можно употреблять в качестве до определенной степени «само собой разумеющихся», в некотором смысле «априорных», потому что им посвящена огромная литература, они как бы отшлифованы

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 1006—00599 («Лексико-семантические классы слов как отражение национальной языковой картины мира»).

употреблением великих авторитетов, сломавших немало копий в спорах об их сущности. Именно поэтому часто достаточно бывает не давать своего определения такого понятия, а просто сослаться на одно из авторитетных его определений.

Некоторое равнодушие или, если угодно, хладнокровие лингвистов к этой стороне вопроса должно иметь и, конечно, имеет свое рациональное объяснение. Одно из них сводится к следующему. Выражение «языковая картина мира» по сути своей до сего дня не терминологично, оно употребляется как пусть и удачная, но все же метафора, а давать определения метафорическому выражению — это, вообще-то говоря, дело неблагодарное. В той же области, где слово «картина» употребляется терминологически (а именно в искусствознании), отношение к нему, конечно, совсем иное и баталии вокруг его понятийного содержания могут быть не менее жаркими, чем вокруг содержания термина «слово» в языкознании.

И все же сам факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим выражением обозначается нечто относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее — воспринимаемое как определяющее его сущность «сейчас», т. е. на современном этапе развития науки о языке (возможно, впрочем, что и «здесь», т. е. в науке «западного» ареала в широком понимании этого слова).

То, что в сознание лингвистов постепенно (и до определенной степени неосознанно) входит некий новый архетип, предопределяющий направление всей совокупности языковедческих штудий, кажется достаточно очевидным. Можно, перефразируя название одной из статей Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило «время языковой картины мира». А если еще больше конкретизировать характеристику момента, то и время углубленного рефлексирования по поводу содержания самого понятия «языковая картина мира», на наш взгляд, уже пришло.

Позиция М. Хайдеггера. Выражение «языковая картина мира» говорит о том, что могут существовать и другие способы его картинного представления, а в основе всех этих способов лежит сама возможность представления мира как картины. «Представить мир как картину» — что, собственно, это значит?

Что в этом выражении есть мир, что есть картина и кто осуществляет представление мира в виде картины? Ответы на все эти вопросы попытался дать Мартин Хайдеггер в своей статье «Время картины мира», опубликованной впервые в 1950 г. [1] Основу этой статьи составил доклад «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой», прочитанный философом еще в 1938 г. Мысли Хайдеггера, высказанные в этом докладе, значительно опередили последующие дискуссии в науковедении о существовании общенаучной картины мира и несколько не утратили своей значимости и в наше время.

По Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает «как обозначение сущего в целом» [1, с. 43]. Причем это имя «не ограничено космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру» [1, с. 43].

Картина мира — это не просто изображение мира, не нечто срисованное: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [1, с. 46]. По Хайдеггеру, «Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой» [1, с. 48], причем представить его во всем, что ему присуще и его составляет, как систему.

Задавая вопрос, каждая ли эпоха истории имеет собственную картину мира и каждый раз озабочена построением своей картины мира, Хайдеггер отвечает на него отрицательно. Картина мира возможна только там и тогда, где и когда бытие сущего «ищут и находят в представленности сущего» [1, с. 48]. Поскольку такое истолкование сущего невозможно ни для средневековья, ни для античности, постольку и невозможно говорить о средневековой и античной картине мира. Превращение мира в картину — это отличительная черта Нового времени, новоевропейского взгляда на мир. Причем, и это очень важно, «превращение мира в картину есть тот же самый про-

цесс, что превращение человека внутри сущего в *subjectum*» [1, с. 53].

Следствием скрещивания этих двух процессов, т. е. превращения мира в картину, а человека в субъект, является характерное для Нового времени превращение науки о мире в науку о человеке, то есть в антропологию, понимаемую как такое философское истолкование человека, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [1, с. 59]. С этим связано и возникновение с конца XVIII века слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека посреди сущего, «когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета» [1, с. 54].

Применимость понятия «картина мира» в гуманитарных науках. Эти положения, как кажется, никто из писавших о картине мира позже не опроверг (или не пытался опровергнуть, что, впрочем, в данном случае одно и то же). Поэтому, хотим мы этого или нет, в дальнейших рассуждениях просто необходимо опираться на них как на единственную философскую основу.

Следовательно, говоря о понятии «картина мира», мы должны иметь в виду его ограниченность рамками того исторического периода, который получил название Нового времени и который продолжает длиться. Сложнее обстоит дело с его территориальной соотнесенностью. Хайдеггер пишет о европейской природе этого понятия, подразумевая, конечно, не только собственно Европу, но и Америку, и другие регионы, вовлеченные или вовлекающиеся в сферу новоевропейской цивилизации. А насколько можно считать этот тип цивилизации сегодня универсальным, «всемирным» — вопрос, требующий особого обсуждения. И только после ответа на него станет возможным достаточно корректно, не впадая в противоречия, говорить о новоевропейской и, например, об азиатской картине мира как о сущностях одной природы.

Так же осторожно следует, очевидно, использовать и такие выражения, как архаичная, или древнегерманская, или балтославянская картина мира. И дело тут не столько в том, что в этих случаях следует специально оговаривать вкладываемое в эти понятия особое содержание, сколько в том, что вложить это

содержание в термин «картина», похоже, принципиально невозможно. Речь здесь идет о совершенно иных отношениях, связывающих человека и мир как сущее, и определяться они должны иными способами. Повторим еще раз вслед за Хайдеггером: где нет человека как субъекта в декартовском понимании этого слова, там нет и не может быть мира как предстоящей ему картины.

Делу, как кажется, мало могут помочь и такие уточняющие приемы, как противопоставление научной и наивной картины мира, поскольку и в первом, и во втором выражении фигурирует понятие «картина», а именно оно-то и определяет в данном случае особый, новоевропейский по существу способ восприятия мира, который, конечно, может иметь свои разновидности, в том числе и противопоставленные по параметру большей–меньшей научности или «наивности».

Вполне допустимо говорить не об античной или средневековой картине мира, а о картине средневекового или античного мира, так как в этом случае мы пытаемся с нашей нынешней позиции субъекта описать, изобразить мир таким, каким он был (по нашему опять же мнению) в средние века или в древнем мире. Если же мы говорим о том, как воспринимал мир человек средневековья или античности, то навязывать ему наше представление мира как картины будет явным анахронизмом.

Картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова. Картина мира — это его модель, но не любая модель мира является картиной. Типология моделей мира отсутствует, поэтому и происходят различные *qui pro quo*, когда одним и тем же термином обозначаются типы моделей не только несхожие, но и принципиально различающиеся между собой.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. С. 41—62.

И. С. Улуханов
(Москва, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН)

О «Сборнике упражнений по русскому языку для дошкольников»

Как известно, существует большое количество сборников упражнений по русскому языку для студентов, иностранцев и школьников. Много упражнений имеется в учебниках русского языка и учебных пособиях для этих категорий учащихся. Нет лишь сборника упражнений по русскому языку для дошкольников. Немногочисленные упражнения разбросаны по букварям и другим книгам по дошкольному образованию.

Представляется, однако, что такой сборник был бы полезен. Дети 3–7 лет (в разной степени в зависимости от возраста и подготовки) могут, по-видимому, справиться с частью тех типов заданий, которые предлагаются более старшим учащимся, если в «Сборнике... для дошкольников» соблюдаются следующие условия: 1) отсутствует лексика, заведомо не известная дошкольникам; имеет место ориентация только на общепотребительную лексику; 2) отсутствует специальная лингвистическая терминология; в необходимых случаях она заменяется общепонятными описательными выражениями.

Предлагаемый ниже краткий проект «Сборника упражнений по русскому языку для дошкольников» включает разделы, наиболее необходимые, с нашей точки зрения, для постепенного овладения дошкольником лексикой русского языка и ее структурой: 1. Лексика. 2. Словообразование. 3. Морфология. Для детей, умеющих писать, в сборник включается и раздел «Орфография».

Первые два раздела стимулируют усвоение дошкольниками лексических значений слов, связей между этими значениями, значений морфем и роли морфем в слове. В «Морфологии» и особенно «Орфографии» упражнения по необходимости носят

более формализованный характер, направлены на усвоение форм слов и написания и часто сводятся к практическому применению правил, не связанных с лексической семантикой слов.

Содержание и структура упражнений не должны быть искусственно упрощены. В детской речи (в том числе в речи дошкольников) встречаются факты, свидетельствующие о том, что интеллектуальный уровень дошкольника (речь может идти об «усредненной» языковой личности) выше, чем это представляется некоторым авторам букварей и учебных пособий. Приведем некоторые данные из записей речи ребёнка (из кн.: В.К. Харченко «Словарь современного детского языка». Белгород, 2002), характеризующие интеллектуальный уровень дошкольника и его «лингвистические» способности [1].

Речь дошкольника богата сравнениями, выраженными как эксплицитно [см. статью *как* в Харченко, 2002; напр.: А бензин для машины *как* еда для человека? (м., 5 л. 8 м.) (Харченко 2002: 193); ср. также: Роса на солнце блистает, *как* жемчуг (м., 5 л. 10 м.); Как ты понимаешь *«золото моих волос»*? – Например, тетя помыла волосы, причесала их красиво, и они стали у нее блистать (м., 6 л. 3 м.); Илюша, как ты понял *«под занавесом дождя»*? – Идет дождь. Я спрятался под крышей, а дождь с крыши льется, и получился занавес, *как* занавеска (м., 6 л. 3 м.); Машина *облила грязью*... (Смеется.) Выругала его? (м., 6 л. 10 м.)], так и содержащихся в семантике слова: Давай скорее! Там у меня *дела кипят*! (м., 7 л. 11 м.); Посмотри, *золотые сугробы*! (м., 5 л. 2 м.; о куче желтых листьев) Способность к образному сравнению способствует пониманию, употреблению и образованию слов с переносными значениями (см. раздел «Лексика»).

В речи детей возможна словообразовательная игра, основанная на восприятии структуры и полисемии слова: – Это холодильник, а это *горячедильник* (м., 8 л. 5 м.); – Мама, ну закругляйся!.. Ну *заквадрачивайся*, мама! (м., 11 л. 6 м.); *клубника* (контаминация: «*клубника* + *клубба*» (д., ?)); У нас уже проигрыватель есть, купи *выигрыватель* (м., 10 л. 6 м.); – Мама, а что это такое? – Проигрыватель. – А почему проигрыватель? –

Потому что пластинки *проигрывает*. – А кто *выигрывает*? (м., 4 г.). Такая игра, несомненно, бывает сознательной (ср. приведенные выше *заквадрачиваться*, *проигрыватель-выигрыватель* в речи 10–11-летних детей). Тот же каламбур (*проигрыватель-выигрыватель*) в речи четырёхлетнего ребенка основан на незнании омонимии глаголов *проигрывать* [1,2].

О детском интересе к структуре слов свидетельствуют и высказывания об их этимологии – как верные [*Кисель* – это от слова «*кислый*» (м., 5 л. 10 м.)], так и неверные («народная этимология») [*«Душ»* – потому что *дует*? (м., 6 л. 6 м.); Мама, *китайские* карандаши *кит* принес!? (м., 4 г.)].

В детской речи легко образуются сложные и сложно-суффиксальные слова, аналогичные образованиям книжной речи: Я – *водозагрязнитель* (м., 6 л. 1 м.); Я буду делать *водо-проливающее* приспособление (м., 6 л. 9 м.); У нас *заправочно-обеденная* остановка (д., 6 л. 9 м.); Мне нравится гитара, потому что она *звуковозвышающая* (д., 6 л. 5 м.); – Я первый *картошкособираатель* (м., 5 л. 11 м.); – И никакой я не *конфетокрад*, я – *конфетоед*! (д., 5 л. 5 м.); Я – *котлетопожиратель* (м., 5 л. 2 м.).

1. Лексика и фразеология.

Упражнения для дошкольников по лексике могут ограничиться заданиями, способствующими усвоению многозначности слов, а также синонимии, антонимии, омонимии и лексической сочетаемости. Задания, связанные со стилистическими свойствами, для детей дошкольного возраста, с нашей точки зрения, преждевременны.

В детской речи нередко случаи стихийной ориентации на однозначность слова, удивление по поводу того, что знакомое ему слово означает не совсем то, к чему привык ребенок; ср.: Почему говорят «в *глубь леса*»? Туда же не падают, в *глубь*? (м., 4 г. 7 м.); – *Голосовать* пойдем. – А почему говорят «*голосовать*»? Там же разговора не будет! (м., 4 г. 11 м.); в последнем случае у ребенка вызвала удивление полисемия производящего *голос*. Дети не сразу усваивают сравнительные конструкции. – Саша, у тебя губы как вареники (после простуды). –

Где вареники у Саши? Покажи вареник на губах (д. 3 г.). С другой стороны, «впоследствии сравнительных оборотов в речи детей становится все больше и больше...» [Харченко, 2000, I, стр. 192, где приведены многочисленные сравнения с союзом *как* из детской речи; см. выше, ср. также: ...А цвет «Москвича»? – *Красный, как компот!* (м., 3 г. 11 м.)].

В речи ребенка нередко сравнения человека с животным: Бабушка, я выше всех в садике. *Как лошадь!* (д., 4 г.) – Надо ногти тебе подстричь! (Смотрит на ногти). *Как у медведя!* (м., 5 л. 1 м.); *обезьяна* ты клоунная (д., 5 л. 9 м.) и мн. др. Поэтому не должны вызывать у дошкольника большие трудности вопросы типа: «Какого человека можно назвать *медведем, обезьяной, попугаем, петухом, вороной?*» или «Дополните предложения, употребив названия животного: *кривляется как...*» и т.п.

Не вводя термина *переносное значение*, можно предложить упражнения с целью разграничения прямых и переносных значений, например, «Укажите предложения, в которых глагол *идти* обозначает ‘двигаться по земле, по полу и т. п., переступая ногами’ и где он не обозначает такого движения: *дождь идет, идти пешком, часы идут, идти домой, идти по полю, идти в ученики, лошади идут шагом, идет гроза, шляпа ему идет*» и т.п. [ср. употребление глагола *идти* в детской речи в разных значениях: Вон там волки *идут* (д., 3 г.); Буквы *идут* (на рекламе) (д., 4 г. 3 м.); Сделал очки из проволоки. – Вон, как хорошо они мне *идут* (м., 7 л. 1 м.)].

Возможна и прямая постановка вопроса о значениях многозначных слов: «Что значат слова *крыло, шляпа, город?* Укажите для каждого слова не менее двух значений и составьте предложения на каждое значение».

Упражнения на знание синонимов могут быть предложены, очевидно, самым старшим дошкольникам и только при наличии образца, например: «Какие слова означают то же самое, что и приведенные слова; образец: *лгать – врать; мчаться – (нестись), толстый – (полный), сторожить – (стеречь), старый [человек] – (пожилой), смелый – (храбрый), труд – (работа)*». Объясняется это тем, что дошкольник знает, скорее

всего, только исходный (самый употребительный и нейтральный) член синонимического ряда.

Образец должен быть дан и для упражнений по антонимам – с тем, чтобы проиллюстрировать понятие «слово, противоположное по значению» (термин *антоним*, как и ряд других терминов вводится в начальной школе; ср. вопрос одиннадцатилетнего мальчика: А руки и ноги – это антонимы? [Харченко, 2000, с. 14]: «Укажите слова, противоположные по значению; образец: *хороший – плохой; богатый – (бедный), правда – (ложь), говорить – (молчать), никогда – (всегда), сильный – (слабый), открыть – (закрыть), твердый – (мягкий), больной – (здоровый), зажечь – (погасить), черствый – (свежий)* и т.п.

Из явлений омонимии в качестве материала для упражнений целесообразно, на наш взгляд, взять только так называемые полные омонимы, т.е. слова, имеющие совершенно различные значения и совпадающие как в написании, так и в произношении во всех своих грамматических формах. Знакомство с омоформами, омофонами и омографами предполагает знание грамматических форм, правил произношения и написания, которые в дошкольный период не изучаются.

Примеры возможных упражнений, относящихся к омонимам: «Слова *лук*¹ и *лук*² (предварительно следует пояснить, что омонимы обозначаются цифрами), *коса*¹ и *коса*², *мир*¹ и *мир*² обозначают совершенно разные предметы и явления. Опишите эти предметы и явления и составьте 6 предложений, в каждом из которых было бы употреблено название этих предметов; приведенные предложения разделите на 2 группы, в каждую из которых входят слова, образованные от *мир*¹ или *мир*²: *начались мирные переговоры; лидеры мировых держав собрались в Москве; примириться с этим нельзя; дети помирились* и др.»

Упражнения должны приучить дошкольника к тому, что одинаково звучащие слова могут обозначать далекие друг от друга предметы; ср. удивление школьника по поводу омонимии: – Как 270 (дней)? – Квартал – это три месяца. – А я думал, квартал – это улица (м., 9 л.).

В число вопросов по лексике должны быть включены и вопросы о лексической сочетаемости слов. Эти вопросы следует отнести как словам с прямым значением, так и словам с фразеологически связанным (В. В. Виноградов) значением. Лексическая сочетаемость первых отражает, как известно, связи между явлениями реальной действительности. Поэтому, например, на вопросы типа «Что может быть синим?» или «С какими словами может быть употреблено слово *синий*? (например, *синий сарафан*)» возможен один и тот же ответ. Сочетаемость таких слов ограничена ситуацией в реальном мире [невозможно **синяя идея*, **синяя прогулка* и т.п.; ср. в речи двухгодовалого ребенка: – Мама, спой песенку? – Какую? – *Зеленую!* (д., 2 г. 1 м.)], которая дошкольнику в разной степени известна. У слов с фразеологически связанным значением сочетаемость ограничена закономерностями языка (ср. *одержать* – только со словом *победа*). Это должен указать дошкольник в ответе на вопрос о сочетаемости слов типа *одержать*.

В детской речи нередко встречаются неправильные словоупотребления, свидетельствующие о неточном знании (но не о полном незнании) значений многих слов. Чаще всего мы имеем дело со следующим явлением: какой-либо признак, функция и т.п. (=семантический компонент), входящие в значение слова, «универсализируются», расширяя значение слова. Приведем примеры из детской речи: Тебе нельзя (кататься с горы): у тебя *руки голые* (д., 7 л.); С окон сняли шторы. – *Окна голые!* (д., 6 л.); Федор, выключай, а то *телевизор заболеет* (д., 2 г. 9 м.); Не надо на машину *грузить дождик*, а то она будет мокрая (м., 2 г. 10 м.); Это *конвертик* от бенгальских огней такой старый, *дряхлый?* (м., 7 л. 2 м.); Холодно. – Коля, у тебя, как у лошадки, *дым идет* (м., 3 г. 9 м.). В приведенных примерах имеет место расширение следующих признаков: *голый* ‘с непокрытым телом’ → ‘непокрытый вообще’; *заболеть* = ‘ухудшить свое здоровье’ → ‘испортиться, ухудшить свое состояние (вообще)’; *грузить* ‘поместить во что-л. путем погрузки’ → ‘помещать во что-л. любыми способами’; *дряхлый* (о живом существе) → ‘старый, вообще непригодный для использования’, *дым* ‘про-

дукт сгорания' → 'парообразное вещество вообще'. Изучение детской речи позволит выявить слова, семантика которых трактуется детьми ошибочно, и составить соответствующие упражнения, например: «Придумайте предложения со словами...», «Что обозначают следующие слова...?» и т. п.

Дошкольники, несомненно, знакомы с рядом фразеологических единиц, ср. высказывание мальчика 6-ти лет: – Как ты понимаешь пословицу: «Взялся за гуж – не говори, что не дюж»? – Ну... этому нас, конечно, в садике не учат, но я понимаю эту пословицу. Я понимаю, что она такая выразительная. И... там меньше слов, чем у других пословиц! (м., 6 л. 10 м.); ср. также верное толкование фразеологизма: «Знать как дважды два» – это значит очень хорошо знать! (м., 8 л. 2 м.).

Отбирая фразеологизмы для вопроса об их значении, целесообразно, на наш взгляд, обращать внимание на следующие свойства фразеологизмов: отсутствие в них слов, заведомо не известных дошкольнику; доступность их значения для дошкольника, например: «Что значат следующие выражения: *сел в калошу; водить за нос; без труда не выловишь и рыбку из пруда?*» и т. п.

2. Словообразование

Простейшим видом упражнений в разделе «Словообразование» является осуществление обычного словообразовательного процесса – образование слова от производящего (мотивирующего) по имеющемуся образцу, состоящему из производящего (мотивирующего) и производного (мотивированного), например: «По образцу *дом–домик* ‘маленький дом’ образуйте слова от *стол, гриб, сарай, брат, гора*». Если позволит размер сборника, то указанный простейший вид упражнений должен охватить основные подсистемы словообразования и основные, наиболее продуктивные аффиксы. При этом производящие целесообразно подбирать таким образом, чтобы в производных были представлены все или – при наличии большого количества аффиксов – все продуктивные аффиксы данного значения, например, *-ик, -ок, -чик, -ец, -к(а)* с уменьшительным значением в приведенном выше упражнении; ср. также *читать – читатель*

‘тот, кто читает’ (образец) и пары, в которых второй член (со значением «тот, кто производит данное действие») должен быть образован дошкольником: *учить* – *учитель*, *летать* – *летчик*, *мыть* – *мойщик*, *болеть* – *болельщик*, *лгать* – *лжец*, *владеть* – *владелец*, *ткать* – *ткач*, *шалить* – *шалун*, *играть* – *игрок*, *печь* – *пекарь*; *запевать* – *запевала* и др.; *старый* – *старик* (образец) и *озорной* – *озорник*, *храбрый* – *храбрец*, *красивый* – *красавец*, *бедный* – *бедняк*; *отец* – *отцов* (образец) и *дед* – *дедов*, *мама* – *мамин*, *рыба* – *рыбий*; *белый* – *белеть* (образец) и *прочный* – *прочнеть*, *слепой* – *слепнуть*, *дорогой* – *дорожать*; *шофер* – *шоферить* (образец) и *партизан* – *партизанивать*, *столяр* – *столярничать*, *директор* – *директорствовать* и др. Скорее всего, дошкольник образует часть слов с помощью системно возможных, но узуально не закреплённых формантов, например: *волейбольник* (м., 5 л. 8 м.), *воровиц* (д., 5 л. 9 м.). Исправление этих ошибок поможет ему усвоить узуальные форманты и слова.

Значения слов, которые необходимо образовать дошкольнику, могут быть различной степени обобщённости: от названий мяса [*свинья* – *свинина* (образец) и *баран* – *баранина*, *гусь* – *гусятина*, *осетр* – *осетрина*] или лица, играющего на определённых музыкальных инструментах [*пианино* – *пианист* (образец) и *гитара* – *гитарист*, *скрипка* – *скрипач*, *труба* – *трубач*, *балалайка* – *балалаечник*] до приведённых выше достаточно абстрактных (но понятных дошкольнику) словообразовательных значений. Упражнения не включают значений и формантов (*-тор*, *-аций*, *-изировать* и т.п.), относящихся к книжной речи.

Второй вид словообразовательных упражнений сближается с первым тем, что также требует образования или воспроизведения слова, однако при этом образец отсутствует. Это задание типа «Как называть того, кто...» или «Как назвать то, что...», например, «Как назвать того, кто что-нибудь продает? покупает? ездит на велосипеде? ловит рыбу?» Вопрос, как правило, должен содержать производящее слово. Однако возможны и такие вопросы, правильным ответом на которые является слово

с иным корнем, нежели входящие в вопрос: «Как назвать того, кто лечит? – *врач*, кто стирает белье? – *прачка*, делает операцию больному? – *хирург*»; «Как назвать детёныша лошади – *жеребёнок*; детёныша свиньи – *поросёнок* (при возможном *свинёнок*)» (явление супплетивного словообразования). Не зная этих супплетивных соответствий, дошкольник может образовывать системные соответствия типа *лошадёнок*. Равным образом, не зная соответствия *прачка* – *стирать* дошкольник образует глагол *пракать*: здесь *прачка* белье *пракает* (дет. речь).

Вопросы типа «Как назвать...» должны, по-видимому, охватывать значительную часть словообразовательной системы; это способствовало бы усвоению дошкольником различных типов и способов словообразования. Приведем несколько таких вопросов, относящихся к различным подсистемам словообразовательной системы: «Как назвать того, кто живет в Москве, Петербурге, Париже?» (*москвич*, *петербуржец*, *парижанин*); «Как назвать смелого человека (*смельчак*); хитрого человека (*хитрец*); человека, имеющего бороду (*бородач*)?»; «Как называется маленький деревянный домик, в котором живут скворцы (*скворечник*, *скворечница*, *скворечня*), посуда для сахара (*сахарница*)?»; «Как назвать женщину, которая учит детей в школе (*учительница*); едет на поезде, автобусе и т. п. (*пассажирка*)»; «Как одним словом сказать *стать слабым* (*ослабеть*), начать петь (*запеть*)?» и т. п.

Третий вид вопросов показывает, как ребенок понимает значение мотивированного слова, в какой степени он может определить значение мотивированного слова по значению его частей – в том случае, если он не знает узуального значения этого слова. Это вопросы типа «Кто такой...?», «Что такое...?», «Что значит слово...?»

Восприятие структуры мотивированного слова зависит, как известно, от того, является ли значение слова идиоматичным или нет (об элементах структуры мотивированного слова, создающих его идиоматичность, см. [Улуханов, 1994]).

Понятно, что значение неидиоматичного слова (т.е. слова, значение которого равно сумме значений составляющих его

частей) узнается гораздо легче, чем значение идиоматичного слова. Приведем ряд вопросов о значениях неидиоматичных слов, ответы на которые не должны вызвать затруднений при условии знания дошкольником значения составных частей: «Кто такой *медвежонок*, *грузчик*, *летчик*, *воспитательница*, *обманик*, *болельщик*, *лжец* – *врун* – *враль*, *пловец*, *бегун*, *игрок*, *владелец*, *книголюб*, *рыболов*, *землекоп*, *библиотекарь* и т. п.?»; «Что такое *домик*, *стаканчик*, *огурчик*, *будильник*, *сенокосилка*, *телеэкран* и т.п.» (в отличие от вопросов типа «Кто такой *тимуровец*, *стахановец*, *троцкист*, *большевик*? или «Что такое *буденовка*, *хрущовка*, *ленинка* и т.п.»; ребенок может не знать производящих слов).

Сложнее ответить на вопрос о значении идиоматичного узуального слова. Не зная узуальных дополнительных семантических компонентов значения слова (т.е. компонентов, не входящих ни в мотивирующую, ни в формантную часть), дошкольник (равно как и любой, не знакомый с узуальным значением идиоматичного слова) может строить любые предположения о его значении – в пределах возможностей, предоставленных системой.

Одну из таких возможностей использовал ребенок, употребивший, например, слово *писатель* в значении ‘орудие для письма, конкретно – грифель’: Мама, у карандаша сломался *писатель*» (Ленинградская правда, 15 декабря 1968 г.) или слово *водитель* в значении ‘машинист’: А где *водитель*? Что, вагон без *водителя*? (м., 4 г. 3 м.); Поменял даже руль у *водителя* поезда (м., 4 г. 8 м.). Ответы на вопросы типа «Что значит слово *писатель*?» должны способствовать запоминанию узуального значения слова (‘тот, кто пишет художественные произведения’) и тем самым – расширению словарного запаса дошкольника.

Подобные вопросы могут быть заданы о значении любого идиоматичного слова. Ср., например: «Что такое *каменка*, *кожанка*, *овсянка*, *пятилетка* и т. д.?» Не зная узуального значения слова, дошкольник может воспринять сущ. *прогульщик* как ‘тот, кто любит прогуливаться’, т.е. соотнести его с потенци-

ально возможным, но узуально не закрепленным мотивирующим. Слово *двухлеток* ‘животное в возрасте двух лет’ может быть воспринято как ‘второгодник’, прил. *удивительная* – как ‘постоянно удивляющаяся’: Какая у нас *удивительная* бабушка! Всему она удивляется. (Из детской речи).

Для детей дошкольного (во всяком случае предшкольного) возраста могут оказаться полезными вопросы о словах, имеющих метафорическую (или ассоциативную) мотивацию (см. о ней [Улуханов, 2010, с. 52–56]). Например, ответ на вопрос о том, что значит глагол *змеиться* (о дороге) предполагает понимание сравнения дороги (тропинки) со вьющейся змеей; ответ на вопрос о значении глагола *попугайничать* – сравнение человека, повторяющего чужие слова, с попугаем, *обезьянничать* – сравнение кривляющегося и подражающего человека с обезьяной; *петушиться* – сравнение задиристого человека с петухом; *серебриться* – сравнение поверхности сверкающего блестящего предмета с поверхностью серебра и т.п.

Вопросы четвертого типа стимулируют изучение признаков, положенных в основу названия того или иного предмета (явления). Дошкольнику могут быть предложены следующие типы заданий: ответить на вопрос, почему это так названо; распределить слова какой-либо семантической группы по подгруппам, в соответствии с признаком, положенным в основу названия; указать слова, которые могут быть образованы от слов какой-либо семантической группы.

В качестве слов, по отношению к которым может быть задан вопрос «Почему это так названо?» в «Сборнике упражнений...» могут быть использованы мотивированные слова, характеризующиеся всеми степенями мотиваций (о которых см. [Улуханов, 2010, с. 50–60]), кроме экспрессивной; вряд ли дошкольник сможет понять, чем связаны слова типа *наколбасить*, *распатронить*, *огорошить*, *обштопать*, *лимонничать*, *апельсинничать*, *сморозить* и т.п. со своими мотивирующими. Связь с *колбаса*, *патрон*, *горох*, *штопать*, *лимон*, *апельсин*, *мороз* таких производных слов (все они принадлежат к экспрессивной лексике) не семантическая, а только экспрессивная.

Сущность такой мотивации описана М. Раммельмайером: «Вызванные ясной формальной мотивацией произвольные поиски семантической мотивации тем больше увеличивают экспрессивность производного, чем больше разрыв между производным и производящим» [Rammelmeyer, 1988, с. 189, 190].

У остальных слов, относящихся к другим степеням мотивации, возможно выявление признака, положенного в основу названия. Соответственно вопросы об этом признаке могут быть заданы дошкольнику.

Правильный ответ, скорее всего, будет получен о словах, находящихся с мотивирующим словом в отношениях прямой или основной мотивации (*стол – столик, строить – строитель, плыть – выплыть* и мн. др.). Значение первых членов этих пар составляет мотивирующую часть денотативного значения вторых членов, которые, в отличие от слов с ассоциативной мотивацией (см. ниже), не имеют ассоциативного значения (подробнее см. [Улуханов, 2010, с. 52, 53]). К данной группе принадлежит большинство русских мотивированных слов, и их «внутренняя форма» ясна практически всем носителям языка, в том числе и дошкольникам – в том случае, если мотивирующее и мотивированное им известны.

Сложнее ответить на вопрос о признаке, положенном в основу названия, применительно к словам, относящимся к другим степеням мотиваций. Значение этих слов зачастую не столь прозрачно.

Таковы мотивированные слова, связанные со своими мотивирующими ассоциативной мотивацией. В лексическом значении таких слов можно выделить две части: денотативное значение (дефиницию) и ассоциативное значение. Значение мотивирующего слова входит в ассоциативное значение мотивированного слова.

Применительно к мотивированным словам вопрос о дефинитивном и ассоциативном значениях разработан польскими лингвистами (Gr. jęz. pol., 1984 г., стр. 316). Например, дефиницией слова *lipiec* ‘июль’ они считают ‘седьмой месяц года’. Этого описания достаточно для идентификации слова *lipiec* в

языке. Так толкуется это слово в толковых словарях польского языка. Слово *lipa* в это толкование, как правило, не включается, и толкование *июль* – ‘месяц, в котором цветут липы’ рассматривается как ассоциативное значение слова. Тем не менее каждый взрослый поляк и, по-видимому, многие дошкольники соотносят *lipa* и *lipiec*, и на вопрос: почему так назван *lipiec*, скорее всего ответят: ‘потому что это месяц, в котором цветут липы’.

В современном русском языке аналогичная ситуация имеет место, например, у некоторых названиях грибов: *подберезовик*, *подосиновик*, *сыроежка* толкуются в словарях без помощи слов *береза*, *осина*, *есть сырым*; ср. в ТС, 2007: *подберезовик* ‘съедобный трубчатый гриб с коричневато-чёрной шляпкой’; *подосиновик* ‘съедобный трубчатый гриб с красно-жёлтой шляпкой’; *сыроежка* ‘съедобный пластинчатый гриб, обычно с ярко окрашенной шляпкой’. Как видим, авторы словарей в толкованиях названий грибов ограничиваются указанием на съедобность/несъедобность и внешний вид. Этой дефиниции достаточно для идентификации гриба. Указание, например, на место произрастания можно рассматривать как ассоциативную часть. Она иногда указывается в энциклопедических словарях; ср. в СЭС, 1983: *подберезовик* «...Гл. обр. в березовых лесах»; *подосиновик* «...В лиственных и хвойных лесах».

Приведенные мотивирующие [*lipa*, березовый (лес) и др.] служат для описания свойств мотивированных, поэтому данный вид ассоциативной мотивации называется ассоциативно-описательным. В других случаях в ассоциативной части значения содержится сравнение с тем, что названо мотивирующим словом. Такой вид ассоциативной мотивации можно назвать ассоциативно-сравнительной. Так, слово *плакучий* содержит сравнение наклоненного дерева с плачущим человеком; слово *осоветь* – сравнение субъекта этого действия с совой, обращается внимание на ее сонливость, дремотность. Несмотря на факультативность, необязательность объяснения слов типа *lieres*, *подберезовик*, *плакучий*, *осоветь*, *головорез*, *толстосум*, с помощью слов, от которых они были

образованы, по отношению к этим словам может быть задан вопрос «Почему это так названо?», поскольку их мотивация отражает тот факт, что слова могут быть названы по не самым существенным признакам. Отсюда и разнообразие этих признаков, которые должны восприниматься дошкольниками.

На вопрос «Почему это так названо?» дошкольник сможет ответить и в тех случаях, если он будет поставлен применительно к словам, находящимся по отношению к своим мотивирующим в отношении гипонимической мотивации. Например, слово *булочная* находится в отношении гипонимической мотивации к слову *булка*. *Булка* является гипонимом по отношению к слову *хлеб*, которое входит в значение слова *булочная* ‘магазин, где продают хлеб’ (а не только булки). Аналогично – *брошюровать* ‘сшивать (листы) в книгу’ (а не только в брошюру), *госпитализировать* – ‘помещать в больницу’ (а не только в госпиталь), *кашевар* ‘тот, кто варит пищу’ (а не только кашу) и др. Правильный и полный ответ на вопрос о словах, находящихся в отношении гипонимической мотивации – это указание как формально близкого гипонима (*булка* и т.п.), так и семантически близкого гиперонима (*хлеб*), хотя скорее всего дошкольник укажет только первое из названных слов.

Еще один вид заданий, связанных с признаками, положенными в основу названия – распределение мотивированных слов определенной семантической группы в соответствии с этими признаками. Ниже приведены названия животных [2], которые предлагается распределить в соответствии с указанными в задании признаками, положенными в основу этих названий. В дальнейшем дошкольник может сделать выводы о том, по каким признакам чаще называются животные.

Названия животных: *вредитель, выкормок, кровосос, людоед, одиночка* ‘животное, отбившееся от стаи, стада и живущее отдельно’, *откормыш, подранок, полукровка, помесь, степняк, хищник, шатун, годовик, двухлеток, малёк, однолеток, годоводок, вожак, производитель, выводок, молодняк, молодежь, грызун, ревун* (‘обезьяна’), *огнёвка* (‘лисица’), *борзая, водолаз* (‘собака’), *волкодав, ищейка, крысоловка* (‘собака’), *лайка, овчарка,*

дворняга, пустилайка, зубробизон, иноходец, козерог, лошак, скакун, толсторог ('баран'), тяжелоюз (‘лошадь’), рогач ('олень'), стригун ('жеребенок'), хрюшка, белуха ('морское млекопитающее'), белёк ('маленький тюлень'), беляк ('заяц'), летяга, русак ('заяц'), соня ('грызун'), броненосец, землеройка, ленивец, муравьед, прыгунчик, утконос, ушак, глухарь, голубь, горихвостка, камышовка, канюк, кедровка, кряква, кукушка, мухоловка, нырок, перепелятник, пересмешник, плавунчик, просянка, пугач, рябчик, свиристель, тетеревица, трясогузка, наседка, хохлатка, квакуша, квакша, медянка, удав, головастика, белорыбица, белуга, вьюн, голавль, голец, горбуша, зубатка, красноперка, меч-рыба, пескарь, пила-рыба, подлещик, прилипала, толстолобик, живец, боярышница, водомерка, долгоносик, древесница, дровосек, капустница, короед, крапивница, кузнечик, листовёртка, многоножка, мокрец, мокрица, носорог, огнёвка, подёнка, притворяшка, пяденица, репейница, рогач, сверчок, светляк, сороконожка, точильщик, траурница, усач, уховёртка, шелкопряд, выползень, губка, жемчужница, нитчатка, осьминог, палочка, жар-птица.

Признаки, положенные в основу названий животных: 1) действие, совершаемое животным (*вредитель, кровосос, кукушка*); 2) действие, в результате которого возникло животное (*выкормыш*); 3) животное, подвергающееся какому-либо действию (*откормыш*); 4) качество, имеющееся у животного (*одиночка*); 5) место обитания животного (*степняк* 'степная выносливая лошадь или другое степное животное'; *камышовка* 'маленькая певчая птичка сем. славковых, обитающая в камышовых, тростниковых, кустарниковых зарослях'); 6) внешний признак животного (*рябчик, хохлатка*); 7) возраст животного (*годовик*); 8) то, что вырабатывает, производит животное (*жемчужница* 'морской или пресноводный двустворчатый моллюск, в раковине которого образуется жемчуг'); 9) то, что внешне похоже на животное (*огнёвка* 'лисица с красноватой шерстью', обл. и спец.; *мышовка* 'маленький степной или лесной грызун, похожий на мышь'; *парусник* 'крупная дневная бабочка яркой окраски, часто с небольшими выростами на задних крыльях');

10) то, что охраняет или на что охотится животное (*овчарка, перепелятник* ‘небольшой ястреб, охотящийся на перепелов’); 11) гибриды с другими животными (*зубробизон, лошак*); 12) пища, употребляемая животным (*кедровка* ‘лесная птица сем. вороновых с пестрым буро-белым оперением, питающаяся в основном семенами ели и кедровой сосны’).

3. Морфология

Морфологическая часть «Сборника упражнений...» может включать в себя два типа вопросов: 1) вопросы, относящиеся ко всей грамматической системе или какой-либо подсистеме; 2) вопросы, относящиеся к отдельным словам и их формам.

Отвечая на вопросы первого типа, дошкольник, опираясь на свое знание языка, воспроизводит тот или иной участок грамматической системы, например, делит слова на части речи, склоняет или спрягает то или иное слово – без употребления грамматических терминов. Приведем примеры возможных вопросов первого типа.

Упражнение на знакомство с частями речи. «Имеются пять групп слов: 1. *Дом, человек*; 2. *Белый, сильный*; 3. *Идти, говорить*. 4. *Вверху, быстро*; 5. *Один, три*. На какие из этих слов похожи такие слова: *стол, пять, смело, играть, зеленый*. Распределите эти пять слов по пяти приведенным группам».

Упражнение на знакомство со склонением и спряжением: «Говорят *стоит (что?) стол*. Как правильно сказать: *нет (чего?)...*, *подошел к (чему?)...*, *вижу (что?)...*, *стою рядом (с чем?)...*, *книга лежит на (чем?)...*»; аналогичным образом можно предложить просклонять сочетание сущ. + прилаг. и проспрягать глагол. В качестве склоняемых и спрягаемых слов могут быть предложены слова, у которых в разных формах меняется фонемный состав основы: *я сорвал цветочек, у меня нет (чего)...* (*цветочка*); *Прилетел дятел, я видел (дятла)*; *Я бегу; он (что делает?) (бежит)* и т. п.

В вопросах об употреблении конкретных слов и их форм можно использовать наиболее типичные грамматические ошибки, зафиксированные в детской речи [ср. Цейтлин, 2009].

Ниже будут даны типы вопросов, содержащие наиболее частотные ошибки, представленные в [Харченко, 2002].

В склонении существительных наиболее частотны ошибки в образовании форм множественного числа именительного, винительного и особенно родительного падежей. В упражнениях могут быть использованы тексты из этого словаря с пропуском окончания в той форме, в которой была сделана ошибка; тексты из словаря могут быть заменены предложениями. Можно также предложить дошкольникам найти эти ошибки и указать правильные окончания слов:

Им. мн.:

А на скорой, как на такси, говорят им (по рации) *адресы* и они едут? (м., 8 л. 2 м.); Ветер обвивает *колосы* пшеницы (м., 9 л.); Все *голосы* сразу услышим (м., 7 л. 6 м.); отдал другие *кольцы* (д., 6 л. 7 м.); а эти *комы* тоже большие (м., 6 л. 4 м.).

Род. мн.:

1) $\emptyset$ вместо -ов: Возьми бланк! – У меня нет больше *бланок* (м., 5 л. 4 м.); – Как это печенье бабушке съесть? *Зуб* у нее нету (м., 3 г. 6 м.); Это для *консерв* мне нужно (м., 7 л. 2 м.); А у нас из *кран* дождик идет! (м., 3 г. 4 м.);

2) -ов вместо $\emptyset$: А из *волосов* кровь может капать? А из *губов*? (м., 3 г. 3 м.); Играет в куклы: у моих *дочков* (д., 3 г.); Это зарядка для *женицинов* (д., 5 л. 11 м.); После этих *звезд* будет «Спокойной ночи»? (м., 4 г. 1 м.); Я хочу купить много *колбас* (м., 3 г. 2 м.);

3) -ей вместо -ов: В этом доме нет *жильцев* (м., 3 г. 6 м.); Тут запуск *катерей*? (м., 5 л. 6 м.);

4) -ов вместо -ей: А тут нету *гвоздѐв*? (м., 3 г. 3 м.); Я столько *желудѐв* собирал (м., 8 л. 1 м.); Посмотри, сколько *кирпичов* привезли! (м., 3 г. 4 м.); У вас нет маленьких гаечных *ключов* открутить мне? (м., 5 л. 10 м.); А асфальт от *корнѐв* (деревьев) потрескался? (м., 5 л. 4 м.); А печатное «восемь» тоже из двух *кольцов*? (м., 6 л. 11 м.);

5) -ей вместо $\emptyset$: А вы слышали о переселении *душей*? (м., 8 л. 7 м.); Здесь нет *каплей* (клея) (м., 8 л. 8 м.);

б) *ø* вместо *-ей*: А если в доме нет *мыш*, кошку заводят? (м., 5 л. 7 м).

Приведем предложения, содержащие ошибки в употреблении личных форм глагола, инфинитива и причастий. Ошибки вызваны влиянием других форм. Дошкольнику может быть предложено найти эти ошибки.

1. Неправильная форма настоящего времени, употребленная под влиянием форм инфинитива и прошедшего времени: Тебе нужны такие штучки? – А где ты их *доставаешь*? (м., 4 г. 11 м.) – вместо *достаёшь*; ср. *доставать*, *доставала*; Полина Егоровна, а мальчики *баловаются*! (д., 6 л.) – вместо *балуются*; ср. *баловаться*, *баловалась*; Я *жонглирую* горохом (м., 4 г. 4 м.) – вместо *жонглирую*; ср. *жонглировать*, *жонглировала*; Птичка *клювает* (м., 2 г. 4 м.) – вместо *клюёт*; ср. *клевать*, *клевала*; [*'у*] в *клювает*, возможно, под влиянием *клюнуть*; Что ты мной *командоваешь*? (м., 5 л. 11 м.) – вместо *командуешь*; ср. *командовать*, *командовала*; А чего Вова *дрётся*? (м., 3 г. 4 м.) – вместо *дерётся*; ср. *драться*, *дралась*.

2. Неправильная форма настоящего времени, употребленная под влиянием других форм настоящего времени: Я же падаю. Когда *бежу* сюда – и падаю (м., 3 г. 2 м.) – вместо *бегу*; Куда они *бежат*? (м., 3 г. 6 м.); Две собаки за мной *бежут*! (м., 6 л. 5 м.) – вместо *бегут*; ср. *бежишь*, *бежит*, *бежим*, *бежите*; – Не *выпустю* тебя отсюда! (м., 3 г. 8 м.) – вместо *выпущу*; ср. *выпустишь*, *выпустит*, *выпустим*, *выпустите*; – Мама, я тобой *гордюсь*! (м., 6 л.) – вместо *горжусь*; ср. *гордишься*, *гордится*, *гордимся*, *гордитесь*, *гордятся*; Я тебя заразу своими микробами (м., 3 г. 6 м.) – вместо *заражу*; ср. *заразишь*, *заразит*, *заразим*, *заразите*, *заразят*; Бабушка, что ты *едишь*? (м., 2 г. 11 м.) – вместо *ешь*; ср. *едим*, *едите*, *едят*.

3. Неправильная форма инфинитива под влиянием личных форм: – На эту кнопку надо *жмать*! (м., 7 л. 6 м.) – вместо *жать*; ср. *жму*, *жмёшь*, *жмёт* и т.д.; Мы с Антоном будем в лодке *гребсти*! (м., 5 л. 11 м.) – вместо *грести*; ср. *гребу*, *гребёшь*, *гребёт* и т. д., *гребла*...

4. Различные неправильные формы глаголов совершенного вида под влиянием коррелятов несовершенного вида и других слов с тем же корнем: Я тебя *догонила!* (д., 2 г. 11 м.) – вместо *догнала*; ср. *догонять*; Сейчас *загибу* лист, а потом приду (м., 5 л. 4 м.) – вместо *загну*; ср. *загибать*; Папа, *выними* меня (д., 4 г. 3 м.) – вместо *вынь*; ср. *вынимать*.

5. Неправильные формы непродуктивных глагольных классов под влиянием продуктивных: ...Потому что там лягушка *дремает* (м., 4 г. 3 м.) – вместо *дремлет* под влиянием глаголов продуктивного класса на *a/aj*; Мне надо *достануть* отвертку! (м., 4 г. 11 м.) – вместо *достать*; А почему метро под землей? Оно *засыпнуто* под землей? (м., 4 г. 7 м.) – вместо *засыпано*; Они могут поехать – И *застрянуть*? (м., 3 г. 6 м.) – вместо *застрять* под влиянием глаголов продуктивного класса на *n/ну*.

6. Неверное использование суффиксов причастий: Хоть один настоящий мужчина в доме! Только Джоня <собака – И.У.> *влюбитый* в нас, да?! (д., 5 л. 9 м.) – вместо *влюбленный*; Платье (у куклы) *застегано* (д., 3 г.) – вместо *застегнуто*; А то Обухова не похвалит, что «Ц» *зачеркино* (м., 4 г. 4 м.) – вместо *зачеркнуто*.

Не вводя понятия «вид глагола», можно познакомить дошкольника с глаголами, отвечающими на вопросы *что делать?* и *что сделать?* и предложить образовать вторые от первых (*писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*) и наоборот (*послать* – *посылать*, *обуть* – *обувать*). Можно предложить вставить подходящее по смыслу слово в контексты типа: Он долго писал письмо и наконец _____. Он долго учил стихотворение и наконец _____. Он долго чинил машину и наконец _____.

Правильному образованию и употреблению видовых коррелятов может способствовать указание на ошибочно образованные корреляты в детской речи. Например: «Укажите неправильно образованные глаголы, отвечающие на вопрос *что делать?*», в следующих примерах: Он эти пули себе в автомат *заряживает* (м., 6 л.) – вместо *заряжает*; Я *заплитываю* косички (д., 5 л. 8 м.) – вместо *заплетаю*.

4. Орфография.

Упражнения по орфографии и следует, естественно, предлагать дошкольникам, научившимся писать. Дошкольникам желательно овладеть по крайней мере тремя видами орфограмм: 1) правописание безударных гласных; 2) правописание гласных после шипящих и [ц]; 3) правописание глухих и звонких согласных.

Соответственно могут быть предложены такие типы упражнений: 1) Вставьте пропущенные буквы, изменив слово так, чтобы они оказались под ударением, например: *Л...сной, цв...ток, з...мля, п...сать, зв...нить, тр...ва, в...рить (суп), с...довник, нап...дающий, пос...деть* (если вставите разные буквы получатся два разных слова) и т.п.; 2) Вставьте пропущенные буквы; в случае затруднений посмотрите это слово в орфографическом или толковом словаре: *в...кзал, с...бака, ст...кан, б...ран, б...зар, с...рай, в...гон, х...роший, б...льшой, х...ккей, ...кно, в...да*; 3) Вставьте после шипящих и [ц] пропущенные гласные: *ч...йник, ч...сто, молч...ть, крич...ть, пиш...ть, щ...вель; ш...шка, ж...р, ж...вут, круж...ть, ш...рокий, ш...ть, суш...ть, щ...ка, ч...до, ч...жой; ц...фра; ж...лтый, ч...лка, обж...ра, крыж...вник, ш...колад, ш...ссе,домищ..., окнищ..., ножищ...; 4) Вставьте пропущенные буквы; измените слово так, чтобы пропущенная буква оказалась перед гласной: *паро-во..., парохо..., ду..., арбу..., моро..., сне..., хле..., клю...**

Примечания

1. Об интеллекте дошкольника можно судить и по высказываниям, не имеющим отношения к владению языком: Аль, как ты думаешь, мне лучше ветеринатом или в ментовку идти? В ментовке убить могут... (д., 4 г. 5 м.); Солнце садится за горизонт, скоро вечер! (м., 4 г. 6 м.); узнал, что при ОРЗ бюллетень выписывают на три дня. – Это что, специальный грипп, что три дня им болеют? (м., 8 л. 7 м.); ср. высказывание двухлетней девочки, явно подслушанное у взрослых: – Мама! Ты мне мешаешь жить! (д., 2 г. 7 м.). Указания на пол (м., д.) и возраст из

[Харченко, 2002]. При этом ссылка на [Харченко, 2002] в дальнейшем не дается.

2. Названия взяты из [Рус. сем. сл., 2000]. Опускаются названия самок, детенышей, экспрессивно-ласкательные образования и названия семейств типа *верблюдовые, жвачные, дельфиновые* и т. п.

Список литературы

1. Рус. сем. сл., 2000 – Русский семантический словарь. — Т. I. - М., 2000.
2. СЭС, 1983 – Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М., 1983.
3. ТС, 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. — М., 2007.
4. Улуханов И. С. Словообразовательная структура слова и понимание его значения // Русский язык и литература в современном диалоге культур. — М., 1994.
5. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. 2-е изд. — М., 2010.
6. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. Том I, II. — Белгород, 2002.
7. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. — М., 2009.
8. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. — Warszawa, 1984.
9. Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung. Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in der slavischen Literaturen. — Köln, Wien, 1988.

Е. С. Копорская
(Москва, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН)

**Семантическое взаимодействие лексических классов
как один из основных факторов динамики
лексической системы языка**

(При финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН «Генезис и взаимодействий социальных, культурных и языковых общностей», а также гранта НШ-1268.2008.6.)

Различные семантические преобразования слов, обуславливающие перемещение их в другие лексические классы, тесно связаны с проблемами строения и взаимодействия лексико-семантических классов, а также их функциональной нагрузкой в системе языка. Лексико-семантические классы, имеющие сложную иерархическую организацию, предстающую в виде разветвленного древа, характеризующегося от вершины до последних разветвлений ступенчатой инкорпорированностью своих ветвей, являются основой организации лексической системы языка в целом, формой ее существования. Семантическое взаимодействие лексических классов выступает как один из основных и постоянных факторов динамичности этой системы. Лексические классы, являясь одновременно активно порождающими и активно воспринимающими структурами, предстают как живые, находящиеся в постоянном движении участки лексической системы.

Один из наиболее активно порождающих и воспринимающих лексических классов представляют глаголы движения. Глаголы физического движения продуцируют значения, проникающие почти во все другие глагольные классы: это глаголы с ослабленной знаменательностью, фазовые, модальные, глаголы связей и отношений; дейктические, бытийные глаголы; ментальные глаголы; глаголы, называющие чувства, поведе-

ние, контакты, информацию; глаголы, обозначающие деятельность, трудовые процессы, занятия, спорт, отдых, развлечения и многие другие лексические множества. Каждая семантическая группа характеризует определенную понятийную сферу как в статике, так и в динамике. Основная функция семантических новообразований глаголов движения — представлять различные действия, состояния, отношения через движение, процесс, вносить в любую лексическую группу, составляющую отдельный участок общей лексической системы, элемент динамики.

Основное внимание в статье обращается на анализ собственно семантических процессов, ведущих к внутренним преобразованиям семантики глаголов движения и переходу их из категории физического движения в категории отвлеченного действия, процессуального состояния, бытийности, свойства, неполнозначности и др.

Центральным в рассмотрении данной проблемы является положение об обусловленности семантических процессов при формировании нового значения сложным взаимодействием классов — класса, порождающего новое значение, и класса, его воспринимающего.

Мы исходим из ряда предпосылок, которые определяют особенности взаимодействия глаголов разных классов, продуцирующих и воспринимающих новые значения. 1. Возникновение и становление нового значения у слова есть не одномоментный акт, а сложный процесс, имеющий протяжение во времени и проходящий разные стадии своего протекания. Рассмотрение формирования нового значения как процесса позволяет выявить те внутренние преобразования в семантике глагола, которые переводят его в другой лексико-семантический класс, установить закономерности внутренней динамики становления новых значений. 2. Возникновение и становление нового значения есть результат сложного взаимодействия обоих лексических классов — класса, порождающего новое значение, и класса, его воспринимающего. 3. Процесс возникновения и становления нового значения обуславливается: 1) категориаль-

ными грамматическими признаками, свойственными глаголу как части речи; 2) категориальными классными лексико-семантическими признаками (общими и различными), свойственными взаимодействующим классам; 3) семантическими характеристиками, свойственными лексическим множествам, подмножествам и отдельным словам, взаимодействующим друг с другом.

При анализе межклассных взаимодействий важно установить общие, константные для слов обоих классов категории и категории, дифференцирующие, взаимоисключающие друг друга.

Основное грамматическое значение глагола как части речи — это значение процесса. В «Грамматике-80» оно определяется так: «Значение процесса свойственно всем глаголам независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (*бежать, грузить, рыть*) и состояния (*лежать, спать, страдать*) и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*)» [Грамматика 1980: 582]. Говоря о когнитивной характеристике глагола как части речи, Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 262] определяет ее как хронотопную, то есть относящуюся одновременно и к восприятию времени, и к восприятию пространственных отношений, что отличает глагол, например, от прилагательных как характеристик по преимуществу «одномерных» и атемпоральных. Таким образом, глаголы физического движения и глаголы других классов имеют общий грамматический признак — процессуальность, предполагающую наличие пространственной и временной характеристик. Классные различия у глаголов разных классов носят более неоднозначный характер.

Типичной иллюстрацией воспринимающего класса являются глаголы поведения. Новые отвлеченные значения, развившиеся у глаголов физического движения, называют самые различные виды поведения: как общие, так и частные. Как правило, возникает параллелизм в иерархической структуре классов глаголов, продуцирующих новые значения, и классов их воспринимающих. Глаголы физического движения с общим зна-

чением развивают и общие значения глаголов поведения, глаголы с частными значениями развивают частные значения глаголов поведения.

Переносность значения у новообразований с общим значением в современном языке часто уже не ощущается, словарями она не фиксируется. Стилистическая окраска в большинстве случаев у них нейтральна. Это такие глаголы, как **идти** — *на что*. 'Поступать каким-н. образом или быть готовым к какому-нибудь действиям'. **И.** *на риск, на смерть*; **идти** — *за кем*. 'Следовать кому-н. в чем-н.' *Во всём идти за своим наставником*; **держаться** — *чего*. 'Следовать чему-н., поступать соответственно чему-н.' **Д.** *строгих правил, своего мнения, старого образа мыслей*; **ходить** — 'Вести себя каким-н. образом, выражая это своим внешним видом'. **Х.** *с опущенной, гордо поднятой головой*. **Х.** *обиженным*; **ориентироваться** — *перен.*, *на кого-что*. 'Направить (-влять) своё поведение, действия, соответственно каким-н. целям, задачам'. **О.** *в трудных обстоятельствах*. **О.** *на вкусы и интересы публики*; **равняться** — *на кого-что*. 'В своем поведении, действиях, поступках следовать чьему-н. примеру'. **Р.** *на мастеров*. **Р.** *на лучшие образцы*. Фразеологизм: **войти в привычку** — 'Стать для кого-н. обычным, постоянным'.

При обозначении более частных видов поведения новые значения развиваются у глаголов, также называющих более частные виды физического движения. Большинство новых значений у них метафорического происхождения. Они, хотя уже и имеют в современном языке статус значений, но сохраняют большую связь с исходным значением, и в словарях в большинстве случаев отмечаются как переносные. Ср., например, следующие группы глаголов поведения: **разумные действия, поступки**: **подтянуться** (*перен.*, 'стать дисциплинированнее, собраннее'), **собраться** (*перен.*, 'привести себя в состояние готовности действовать'), **сосредоточиться** ('направить свои старания, усилия на что-н. одно'), **заиклиться** (*перен.*, 'не замечая ничего другого, всецело сосредоточиться на чем-л. одном'; *разг.*), **носиться** ('быть увлечён-

ным, поглощённым, постоянно занятым чем-н. одним'; *разг.*); фразеологизмы: *как дурак (дурень) с писаной торбой носится; как курица с яйцом носится; окунуться* (*перен.*, 'предаться, целиком отдаться чему-н.'), *уйти* (*перен.*, 'целиком отдаться чему-н.'); фразеологизмы: *уйти в себя; с головой уйти во что-н.*); *уткнуться* (*перен.*, 'сосредоточенно отдаться какому-н. одному занятию'; *разг.*).

Наибольшую активность в порождении новых значений путем переноса развивают глаголы движения в тех случаях, когда они начинают обозначать поведение, поступки человека, воспринимаемые общественным сознанием как отрицательные. Подавляющему большинству этих значений глаголов свойственна более тесная связь с исходным значением (почти все они маркируются словарями как *перен.*), они сохраняют в разной степени образность, унаследованную от метафорического употребления, типичной для них является сниженная стилистическая окраска — разговорная или просторечная. Таковы, например, следующие группы: **хитрое лукавое поведение**: *вертеться* (*перен.*, 'прибегать к хитростям, лукавить'; *разг.*), *вилять* (*перен.*, 'хитрить, ловчить'; *прост.*), *крутить* (*перен.*, 'вести себя неискренне, уклоняться от прямого ответа, хитрить'; *разг.*), *крутиться* (*перен.*, 'вертеться, крутить'; *разг.*); **петлять** (*перен.*, 'вести себя неискренне, лукавить'; *разг.*); **изворотливость**: *вертеться* (*перен.*, 'уметь приспособливаться к обстоятельствам, ловчить'; *разг.*), *вывернуться* (*перен.*, 'хитря, обманывая, ловко выйти из трудного положения'; *разг.*), *крутиться* (*перен.*, 'то же, что вертеться'; *разг.*), *юлить* (*перен.*, 'хитрить, изворачиваться', *разг.*); **бездельничанье**: *болтаться* (*перен.*, 'не имея никакого дела, занятия проводить время впустую'; *разг.*), *око-лачиваться* (*перен.*, 'проводить время в безделье, слоняясь где-н., мешая кому-н.'; (*прост. неодобр.*)), *ошибаться* (*перен.*, 'болтаться где-н. без дела, без всякого занятия'; *прост. неодобр.*).

Почти из одних разговорных и просторечных глаголов состоит группа **резкость, горячность**: *броситься*,

наброситься (*перен.*, 'начать вести себя резко, несдержанно, обратиться к кому-н. с упрёками, с бранью'; *разг.*), **кидаться** (*перен.*, 'бросаться, набрасываться'; *разг.*), **наехать** (*перен.*, 'с силой начать упрекать, обвинять или угрожать'; *прост.*), **накинуться** (*перен.*, 'то же, что наброситься'; *разг.*), **налететь** (*перен.*, 'стремительно и неожиданно наброситься'; *разг.*), **наскочить** (*перен.*, 'резко, сразу наброситься, напасть'; *разг.*), **обрушиться** (*перен.*, 'стремительно наброситься, накинуться на кого-н.').

Все лексические группы, составляющие обширный класс глаголов поведения, содержат в себе значительное количество глаголов, значение которых восходит к глаголам физического движения.

Общеизвестно, что развитие у слов с конкретным значением разного рода отвлеченных значений чаще всего идет через процесс метафоризации, обычно предполагающей смену субъектов действия (у глаголов), актуализацию различных компонентов значения, а также разных ассоциативных, коннотативных, оценочных компонентов. В последнее время получает распространение точка зрения на недостаточность традиционного рассмотрения процесса метафоризации. Метафорический процесс трактуется как явление более сложное, как смысловое взаимодействие участвующих в метафоре слов. В метафоре происходит «объединение», «наложение понятийных сфер» участвующих в ней слов, и «один и тот же объект должен коррелировать с обеими сферами» [К. Бюллер 1993: 321]. В этих случаях вступает в действие закон «перекрывания помех при смещении сфер», который снимает возникающие противоречия, нарушающие семантическую согласованность. Однако остаются неясными, отмечал Бюллер, основания, которые лежат в истоках такого перекрывания. Близкие к этим высказывания содержатся в работе Е. В. Падучевой «Метафора и ее родственники» [Падучева 2004: 192—193], где, в частности, упоминается концепция Блэка, который описывает семантическое взаимодействие между метафорически употребленным словом и его контекстом. Как показывают наши материалы, гораздо

большее значение имеют более крупные категории: именно классное взаимодействие слов.

Между возникновением в слове метафорического употребления и закреплением его в узусное значение лежит определенный временной отрезок, некое метафорическое поле, где именно и происходит сам процесс формирования нового значения, превращение метафорического употребления в значение.

Как уже отмечалось, в метафоре происходит «объединение», «наложение понятийных сфер», участвующих в ней слов, и «перекрывание помех при смешении сфер». Глаголы физического движения обязательно имеют в своём значении компонент, указывающий на движение в физическом пространстве. У глаголов поведения, которые обозначают отвлеченное действие, он, естественно, отсутствует. Наличие или отсутствие этого компонента 'движение' в физическом пространстве является основным различительным признаком значений физического движения и значений других классов, обозначающих отвлеченные действия или состояния. При переходе метафорического употребления в значение у глаголов движения этот компонент снимается. При наличии активного субъекта действия блокирование пространственного компонента переводит производный глагол в другой класс — в класс отвлеченного действия; «блокируются» также обозначения различных видов, способов глагольного движения, свойственных этому классу (ср., например, значения у глаголов физического действия и глаголов поведения в словах: **бежать** — 'двигаться быстро, резко отталкивающими движениями ног' и (-кого-чего) 'избегать, уклоняться от чего-н.'; **идти** — 'двигаться, переступая ногами' и 'поступать каким-н. образом или быть готовым к каким-н. действиям'; **лезть** — 'карабкаясь, взбираться, подниматься, проникать куда-н.' и (- к кому) 'приставать, назойливо стремиться что-н. делать', **ползать** — 'о человеке, животном: передвигаться, припадая туловищем к поверхности и перебирая по ней конечностями' и (-перед кем) 'заискивать, льстить до самоуничтожения, пресмыкаться' и др.). Могут меняться и

грамматические признаки, напр., управление, возникновение новых глагольных связей, как слабых, так и сильных, или потеря их.

Часто компоненты значения у глаголов, обозначающие вид, способ движения, преобразуются в компоненты качественной характеристики или оценки действия у глаголов поведения. Свойственные глаголам движения качественные характеристики — быстро, интенсивно, медленно, слабо, беспорядочно (например, глагол *шарахаться* (быстро), *бросаться* (интенсивно), с трудом (например, глагол *влезть, втереться*) и другие, как правило, «наследуются» глаголами поведения.

Таким образом, при формировании значений внутри метафорического поля происходит их внутренняя перестройка: одни компоненты значения «отвергаются», другие подвергаются переосмыслению, третьи воспринимаются как не противоречащие новому значению.

Ещё более сложные процессы происходят, когда меняется характер субъекта действия, который по своим семантическим свойствам не может входить в класс глаголов физического действия. Этот процесс может быть рассмотрен на примере взаимодействия классов глаголов движения с классом бытийных глаголов. У глаголов движения субъект всегда активный, даже если он выражен «пассивным» денотатом (например, явления природы, запахи, свет и др.), он воспринимается как активный. Глаголы бытия представляют процесс как состояние, субъект бытия является носителем состояния, и, следовательно, он всегда пассивен. Для глаголов движения обязательным является движение в физическом пространстве, для глаголов бытия это исключено, локальность, когда она присутствует, у глаголов бытия всегда статична. В этом случае между глаголом и его субъектом возникают аномальные, алогичные отношения. Эта аномальность может существовать только в пределах метафорического, образного употребления, так как именно метафора и строится в первую очередь на алогичности, нарушении семантической согласованности слов. Метафора существует до тех пор, пока не будет устранена семантическая несогласованность

взаимодействующих слов. Существует два варианта снятия возникшей алогичности: или пассивный (отвлеченный) субъект начинает восприниматься как активный (ср., например, олицетворение), или в глаголах происходят внутренние смысловые преобразования, при которых «блокируются» компоненты, связанные с физическим действием, в первую очередь с движением в физическом пространстве. В первом случае остается метафора, во втором случае глагол изменяет свое значение, переходя в другой класс.

Так, например, у глагола *идти* в современном русском языке исходным значением, отмечаемым современными толковыми словарями, является значение 'двигаться, переступая ногами', субъектами глагола выступают человек и животное. В этих значениях глагола *идти* доминантным компонентом значения является движение по физической поверхности, временной компонент присутствует как категориальный признак, присущий глаголу как части речи, обозначающей процессуальность. Глагол *идти* расширяет круг своих субъектов за счет денотатов, не могущих входить по своим семантическим характеристикам в данный глагольный класс. Это субъекты, обозначающие различные отвлеченные понятия. Движение в физическом пространстве для них исключено, точно так же, как и быть активными действующими лицами физического движения. В этом случае между глаголом и его субъектом возникают отношения аномальные, алогичные как для глагола, так и для его субъектов.

Наиболее показательным в этом отношении употреблении глагола *идти* и его производных в случаях, когда субъектом выступает время и его отрезки — века, годы, дни, часы, минуты, ночь, вечер, утро, времена года — весна, лето, зима, осень и т. п. Чтобы в современном языке в какой-то степени проявилась его метафоричность, часто требуется дополнительный контекстный классификатор. Ср., например: *На скамье, в тени прозрачной Тихо шепчущих листов, Слышу — ночь идет, и — слышу Перекличку петухов* (Полонский), *Кажется мне, что последние дни приходят* (Шмелев), *[Диана] появилась... как раз*

когда солнце ушло из моей комнаты и апельсиновым теплом вечер склонился — минута, когда вдруг ясно становится: да, ушел день, золотой, светло-неповторимый (Зайцев).

Большая метафоричность свойственна глаголам с качественными характеристиками, типичными для временных субъектов, и группирующимся вокруг ядерных глаголов этого класса; это такие глаголы движения, как *бежать, катиться, лететь, мелькать, нестись, протекать, ползти, течь, тянуться* и многие другие. Ср., например: *О жизни час! лети, не жаль тебя, Исчезни в тьме, пустое привиденье* (Пушкин), *Вдали сливалось пенье птиц, Весна над степью проносилась* (Фет), *Зачем года проносятся, как звуки* (Брюсов).

Аномальность, создающая семантическую напряженность, в данных случаях снимается взаимодействием грамматических, классных категорий и индивидуальных семантических особенностей обоих слов: глагола и его субъекта. Результатом взаимодействия классных категорий является снятие, блокировка у глаголов движения компонента физического пространства, ведущим становится компонент, обозначающий временное пространство. Индивидуальные семантические особенности сочетающихся слов определяют конкретную и часто строгую распределенность глаголов и их субъектов, а также и круг возможных субъектов. Такое взаимовлияние, предполагающее определенную длительность самого процесса, а также наличие отвлеченного пассивного субъекта действия в конечном результате может приводить к становлению у глаголов движения значения бытийности. В производных значениях всегда, но в разной степени, остается указание на смысловой компонент исходного значения — движения, динамики, но во многих случаях он может быть ослаблен и восприниматься как постоянный динамический признак, свойство, присущие данному субъекту и указывающие на характер его существования, бытия. Н. Д. Арутюнова отмечает также ослабление метафоры направленности движения в основном лексиконе движения времени [Арутюнова 1997: 59]. В то же время сама характеристика времени очень широка и неоднозначна.

Конкретизация временного значения определяется в первую очередь семантикой субъекта. Круг отвлеченных субъектов бытийных глаголов, помимо субъектов, обозначающих время, очень широк, это: события, жизненные ситуации, традиции, мысли, чувства, растения и их множества, явления природы, звук, свет, запах, сообщение, молва, представление, зрелище и многие другие. А. Ф. Лосев отмечал по этому поводу: «Чтобы указать на важность соотношения текста и контекста, приведем один элементарный пример, <...> который очень трудно проанализировать логически. Мы говорим, например, «человек идет». «Идет» означает здесь, по-видимому, просто «шагает». Но когда мы говорим «весна идет», то уже ни о каком шагании не возникает никакого представления, а речь идет здесь скорее о наступлении в данном случае времени года. В таком выражении, как «жизнь идет», уже нет никаких представлений ни о шагании, а скорее о прохождении. Мы здесь говорим, что жизнь проходит, что она временна, неустойчива и вот-вот кончится. В таком выражении, как «в Москве сейчас идет фестиваль молодежи» этой мысли о временности или об окончании вовсе нет места, а имеется указание на известного рода общественный процесс. Таким образом, слово «идет» может указывать и на начало события, и на его процесс, и на его приближающееся окончание» [Лосев 1991: 256—257]. Ср. также уточнение смыслового компонента длительности времени: *шло время с утра до вечера* (Бунин).

Несомненно, что характер течения времени, его виды в данном случае определяются семантикой субъекта бытия. Однако довольно часто требуется и более широкий контекст. Ср., например, когда словосочетание *весна идет* может обозначать не наступление определенного времени года, как в цитации А. Ф. Лосева, а его протекание, процесс: *Пост уже на исходе, идет весна. Прошумели скворцы над садом <...> а на Сорок Мучеников прилетели и жаворонки* (Шмелев). Точно так же иное, чем у А. Ф. Лосева, прочтение словосочетания *идет жизнь* представлено в следующем отрывке: *Если спуститься вниз, к воде, стеклянной с белыми и голубыми отраженьями —*

там идет своя жизнь. Из-под выступившего корня дерева выплыл лебедь. Остановился и стал чиститься (Зайцев).

Семантикой исходных значений глаголов движения определяется другое важное свойство производных глаголов бытия: качественные характеристики временного значения. В. Г. Гак различал внешнее и внутреннее время процесса. «Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *когда?* (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты внутреннего времени на вопрос *как?* (*быстро, вдруг...*) [Гак 1997: 122—123]. В классе глаголов движения выделяются различные подмножества, в которых движение в пространстве осложнено разными качественно-оценочными характеристиками. Эти характеристики наследуются и глаголами бытия, представляя течение бытия во времени во всем его многообразии и сложности. Таковы, например, характеристики — *быстро, внезапно, резко, стремительно*: глаголы *вырваться* (о свете, о словах, звуках), *накатить* (о сильном чувстве, состоянии), *налететь* (о ярком событии, о мыслях, чувствах), *настичь* (о тягостном событии), *нестись* (о молве, новостях), *подкатить* (о тягостном событии), *пробежать* (о времени, поре, о мыслях), *пролететь* (о времени, поре, о мыслях, чувствах), *промчаться* (о времени, поре, о мыслях, чувствах), *пронестись* (о времени, поре, о мыслях, чувствах), *сбежать* (об улыбке), *улететь* (о времени, поре, о чувствах), *умчаться* (о времени, поре), *унестись* (о времени, поре), *ускользнуть* (о надежде, возможностях, о мыслях); *неторопливо, плавно, свободно*: глаголы *гулять* (о молве, слухах, событиях), *шествовать* (о чем-н. торжественном, мощном. *Шествует весна*); *медленно, постепенно*: глаголы *витать* (о мыслях, чувствах, состояниях), *вкрасться* (о мыслях, чувствах), *подкрасться* (о неприятном, тяжелом состоянии), *ползти* (о слухах, разговорах), *утечь* (о времени, поре); *неустойчиво*: *мелькать* (о мыслях, воспоминаниях), *мельтешить* и многие другие.

Глаголы бытия, осложненные качественными характеристиками, обладают большей степенью избирательности по отношению к своим субъектам, круг их субъектов значительно уже,

чем круг субъектов нейтральных глаголов. Нужно отметить и такое важное свойство глаголов с качественной временной характеристикой, как размытость в ряде случаев границ между метафорическими употреблениями глаголов движения и порождаемыми ими бытийными глаголами, легкий переход значений слов из временного пространства через процесс метафоризации обратно в пространство физическое.

Бытийные глаголы, семантически продуцируемые глаголами физического движения, проходят все временные фазы, свойственные глаголам бытия. Приведем несколько примеров такого употребления.

Предстояние: *грядти* (обычно об отдаленном; *великие деяния, победа, страшный суд, грядущие события*); *идти* (приближаться, наступать; *тяжелые времена, темная ночь, весна, холода, морозы, в голову ничего не идет*); *надвигаться* (обычно о тяжелом и неотвратимом; *беда, неизбежные события, кризис*); *подойти* (*ночь, полоса невезения, новые времена, важное событие*); *подступить* (*тяжелые времена*); *приблизиться* (*весна, морозы, рассвет, радостное событие, долгожданная встреча, свидание*).

Возникновение: *подняться* (обычно о сложном, трудном, значимом; *волнение, споры, разговоры, пересуды, обида, шум*); *пойти* (*тяжелые времена, раздоры, упреки, споры, слухи, разговоры, воспоминания, представления, публикации*); *прийти* (*пора учиться, время объясниться, счастливая мысль, горестная весть*); качественно-характеризующие глаголы: *вылететь* (о звуках, словах); *покатиться* (*эхо, страшный треск*); *найти*² (о чувствах; *грусть, уныние, сомнение, веселый стих*²).

Существование: *идти* (*жизнь, время, работа, снег, дождь*); *падать* (о чем-н. предосудительном или обременительном; *подозрение, заботы падают на мать*); *ходить* (о слухах, молве); качественно-характеризующие: *лететь* (о словах, звуках); *нестись* (о молве, новостях); *гулять* (о молве, слухах, событиях).

Мгновенность бытия: *мелькнуть* (о мыслях, чувствах); *пройти* (*ропот, гримаса боли по лицу*); качественно-

характеризующие: пробежать (*ропот, улыбка*); пролететь (*мысли, воспоминания, образы*); пронестись (*догадка, мысли, воспоминания*); проплыть (*мысли, образы, воспоминания*).

Склонение к концу: уплывать (*годы, надежды*).

Конец бытия: миновать (*тяжелые годы*); пройти (*время, болезнь, доклад*); уйти (*молодость, здоровье, счастье, народные обычаи, быт*); качественно-характеризующие: оборваться (*песни, споры, встречи, карьера*); отлететь (*праздники, отпуск, сомнения*); пробежать; пролететь; промчаться; пронестись; умчаться; схлынуть (о сильных чувствах, мыслях, событиях).

Эти глаголы вместе со всем множеством своих субъектов бытия с разных сторон характеризуют динамику протекания процесса бытия.

У глаголов физического движения может вообще блокироваться значение движения, процесса, и они начинают выступать как статичные глаголы. Это характерно для слов, обозначающих физическую локальность, положение в пространстве. А. Д. Апресян называет это остановленным перемещением [Апресян 2006: 81]. Этой лексической группе вообще не свойственно движение, поэтому при процессе становления значения локальной бытийности блокируется самый существенный смысловой компонент глаголов движения — динамика. В ряде случаев остается компонент направленности, характерный для глаголов движения, в предложении довольно часто выступает локальное обстоятельство. Однако этот компонент характерен и для множества 'положение в пространстве', поэтому его вполне можно рассматривать как приобретенный в процессе развития значения локальности. Это такие глаголы, как **вытянуться** (о протяженном: протянуться в одну линию. *Село вытянулось вдоль реки. Гряда холмов вытянулась на горизонте*); **идти** (о чем-н. протяженном: пролегать, быть расположенным где-н., каким-н. образом. *Улица идет через весь город*); **пройти** (о чем-н. протяженном: пролечь, протянуться. *Здесь пройдет автострада*); **рассеяться** (расположиться, распространиться на большом пространстве в разных местах. *Села рассеялись среди лесов*); **стелиться** (о вольном и ровном простран-

стве: лежать широко. *Стель стелется до самого дома*); **тянуться** (о протяженном: располагаться сплошной линией или одно за другим, а также вообще простираться. *За деревней тянутся поля*); **выдаться, выдвинуться, выпереть, выступить, окружить** (*перен.* расположиться вокруг чего-н., охватив собою. *Деревню окружили сады*); **отклониться, отступить, пересечь, повернуть, подойти, подступить, следовать** и мн. др. Наиболее многочисленно здесь лексическая группа, в которой субъектами выступают слова, обозначающие путь, тропинку, дорогу и др. Это глаголы: *бежать, взбежать, вилять, кружить(ся), крутить(ся), обежать, обойти, обтечь, петлять, ползти, уклониться, упереться* и мн. др.

В самом процессе развития бытийных значений, продуцируемых глаголами движения, могут лежать и совершенно другие основания, не обязательно связанные с метафоризацией. Это касается тех случаев, когда субъекты обоих взаимодействующих классов совпадают, но в глаголах движения они выступают как «пассивные» действователи, в глаголах же бытия — как носители процессуального состояния. Субъектами в этих случаях часто являются различные явления природы (потоки, дождь, снег и др., а также ветер, воздушные потоки, запахи, звуки и другие подобные явления). Например, предложение: *В долине течет горная река* и *Горная река стремительно течет через пороги*. Для установления присутствия в этих глаголах собственно бытийного значения большую роль играет порядок слов в сообщении, а также интонация. В тех случаях, когда содержание сообщения сосредоточено на собственном существовании субъекта, глагол обычно логически не выделяется и позиционно смыкается с субъектом, в других случаях в глаголе доминирует его первичное исходное значение. Ю. Д. Апресян отмечал, что в подобных случаях экзистенциональные глаголы могут выполнять функцию темы и обычно не несут фразового ударения [Апресян 2009: 551]. Во вторичных производных значениях глаголов, обозначающих бытийное состояние, это состояние часто тесно смыкается со значением свойства данного субъекта; ср.: *идет дождь, снег, падает снег, дви-*

жуются сель, лавина, дождевые потоки, льются дожди, пуржит пурга, струятся реки, весенние ручьи.

Так же, как и в других случаях, в процессе становления значения бытийные глаголы развивают различные качественные значения, унаследованные от исходного глагола: *бежать* (о струе, потоке), *катить(ся)* (о потоке, волнах), или сохраняют качественность, присущую исходному глаголу; ср.: интенсивно: *валиться* (о снеге, идти обильно, хлопьями), *кружить(ся)* (о вихре, метели), *крутить(ся)* (о вихре, метели), *лить* (о потоках), *мчаться* (о потоке), *нестись* (о потоке), *стремиться* (о потоке) и др.; вольно, плавно: *витья* (о подвижной, легкой массе, ветре), *реять* (о легкой воздушной массе, ветре); слабо, неясно: *веять* (о ветре, струе воздуха), *кранать* (о дожде, жидкости), *кропить*, *моросить* (о дожде), *ползти* (о потоке, течь медленно), *порошить* (о мелком снеге), *тянуться* (о струе воздуха и т. д.).

Однако как бы далеко ни уходили бытийные новообразования от исходных значений глаголов движения, они остаются в пределах смысловой структуры порождающего глагольного слова, не теряя связи с его внутренней формой. Именно внутренняя форма слова лежит в основе поля метафоризации. Само поле обладает высоким порождающим потенциалом. Этот продуцирующий потенциал обуславливает постоянное движение, динамику, которые заключают в себе метафорическое поле. Это движение определяется: 1) возникновением новых метафорических употреблений; 2) внутренними процессами формирования узусных значений; 3) процессом семантической аналогии, «вовлекающей в это поле новые ряды слов; 4) стремлением узусных значений вновь вернуться в поле метафоризации. Эти процессы можно проследить на примере глаголов, субъектами которых выступают различные ментальные понятия — *мысли, разум, душа, идея, мечта, мечтания, воспоминания, впечатления* и другие.

Большинство общих значений, обозначающих течения мыслей, в современном языке не воспринимаются как переносные, их связи с исходным значением ослаблены. Это значения таких

слов, как **двигаться** (*Мыслишки движутся еле-еле, со скоростью архимандрита, едущего на велосипеде. Чехов*); **идти** (*Тоскою, страстью, огневицей / Идёт безумие любви. Блок*); **распространяться** (*Влияние новых идей распространяется в обществе*), **исходить** (*...подобные измышления могут исходить только из мужской головы. Чехов*); **созревать** (*новое решение, мысль*); **возникнуть** (*интересная мысль*); **пойти** (*долгие воспоминания*); **появиться** (*яркие впечатления, широкий круг интересов*); **прийти** (*счастливая мысль*); **вернуться** (*забытые мечты*); **возвратиться** (*старые воспоминания*); **найти** (*сомнение*); **подступить** (*предчувствия*); **исчезнуть** (*Его сонный мозг ...удерживал одни только сказочные фантастические образы, которые имеют то удобство, что как-то сами собой зарождаются в мозгу и сами... исчезают бесследно. Чехов*); **уйти** (*И на земле ей дико стало, / Очарование ушло... Тютчев; Смотри — оно [о радуге] уж побледнело, / Еще минута, две — и что же? Ушло, как то уйдёт всецело / Чем ты и дышишь и живёшь. Тютчев*) и многие другие.

Группы, содержащие более частные значения, как и в глаголах поведения, представляют подавляющее большинство. Им свойственна тесная связь с исходным значением глаголов движения. Но и здесь значения глаголов движения перестраиваются. Так, глаголы активного действия переходят в глаголы процессуального состояния, бытийности. Компонент физического пространства преобразуется во временной компонент, компоненты, связанные с различными видами движения, — в качественно-характеризующие компоненты (во многих случаях в оценочные), компонент направленности движения ослаблен. В зависимости от компонентного состава значений глаголов физического движения развивается разный характер качественности и, в первую очередь, характеризующий новое значение со стороны оппозиции интенсивности-неинтенсивности процесса, «градуальность» становится одной из основных черт рассматриваемого лексико-семантического подмножества.

Таковы, например, некоторые из групп названного множества, содержащие переносные значения: **Внезапно, рез-**

ко, стремительно: всколыхнуться (перен., тревожные предчувствия), **навалиться** (перен., сомнения); **налететь** (перен., тревожные мысли); **нахлынуть** (перен., образы, впечатления); **хлынуть** (перен., воспоминания); **интенсивно, полно, прочно: бежать** (перен., Я был один. Мечты мои бежали... Блок); **лететь** (перен., Летите прочь, воспоминанья! Пушкин; Летите, призраки... Амур, уж я не твой. Пушкин); **восстать** (перен., Когда мучительно восстали, / Передо мной дела и дни, / И сном глубоким от печали забылся я в лесной тиши. Блок); **носиться** (перен., Мысли носятся далёко, / За горами, за долами. Фет; Идея носится в воздухе); **преследовать** (перен., Франко преследовала одна идея... Федин); **пробежать** (перен., ...у него пробежала мысль, что начальник дивизии может узнать. Станюкович) и др.; **вольно, плавно, свободно, торжественно: витать** (перен., воспоминания); **виться** (перен., Там доле яркие виденья... / Вились, летали надо мной. Пушкин); **летать** (перен., И ясно надо мной летает светлый сон. Фет); **слетать** (перен., И если слетает ко мне по ночам вдохновенье. Гумилев); **плыть** (перен., мысли, воспоминания); **проплывать** (перен., И оттого, что целый день / Сны проплывают пред глазами, / Уж ночью мне ложится лень. Цветаева); **ходить** (перен., в голове: тяжёлые думы, предчувствия); **шествовать** (перен., идея справедливости, зло); **слабо, неясно, вяло: брезжит(ся)** (перен., неясная мысль); **веять** (перен., И в мерцаньи полусвета, / Тайной страстью занята, / Здесь влюбленного поэта / Веет легкая мечта. Тютчев); **витать** (перен., предчувствие беды); **ползти** (перен., тяжёлые мысли, бесконечные думы); **теплиться** (перен., воспоминания); **тлеть(ся)** (перен., память о прошлом); **трепетать** (перен., мечта); **тянуться** (перен., долгие мысли) и многие другие; **нестабильно, беспорядочно: бегать** (перен., новые ожидания); **блуждать** (перен., мысли, воспоминания, память); **бродить**¹ (перен., ...в голове моей день и ночь бродят злые мысли. Чехов; ...в голове его бродило что-то шальное. Чехов); **забрести** (перен., ...если уж что-то забредёт в голову, ни за что не отступится. Григорович); **вертеться**

(перен., *В голове все ещё вертелась весёлая чепуха, с которой он въехал в усадьбу.* Бунин); **копошиться** (перен., *И радостное что-то копошилось в сердце: новое всё теперь, другое.* Шмелёв); **кружить(ся)** (перен., *воспоминания вокруг далёких событий*); **крутиться** (перен., *неясная идея*); **мелькать** (перен., *Может быть ему мелькнула какая-нибудь чудная идея...* Бунин); **мельтешишь(ся)** (перен., *разные мысли*); **мешаться** (перен., *воспоминания, впечатления*); **перескакивать** (перен., *от одной мысли к другой*); **перевернуться** (перен., *...всё, что я раньше считал своим мировоззрением и в чем видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья.* Чехов); **прыгать** (перен., *мысли, воспоминания*); **путаться** (перен., *Кому наука в пользу, а у кого только ум путается.* Чехов); **запутаться** (перен., *... [он] позволил бы своим вялым, сонным мыслям еще больше запутаться.* Чехов); **разбрасываться** (перен., *И сколько бы я не думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного...* Чехов); **скакать** (перен., *мысли, образы, впечатления*) и многие другие.

Перечень групп глаголов с качественно-характеризующими значениями может быть продолжен. Но уже из приведенных иллюстраций видно, что значения этих глаголов, несмотря на их преобразования, тесно связаны с исходными значениями глаголов физического движения. В словарях все они отмечаются как переносные. Границы между метафорическим употреблением и сформировавшимся значением у них размыты и очень подвижны. Глагол словно стремится снова вернуться в пространство метафорического поля, к своему исходному значению, вновь обрести образность метафоры. Ср., например, метафорическое употребление глаголов, значение которых уже стало узусным. В этой части статьи использован ряд иллюстраций, содержащихся в книге [Н. Павлович 2007, т. II, с. 587]: **мелькать**: *И помыслы мои, как резвый хор русалок, / То вновь мелькнут, то вновь уйдут на дно.* (Павлова К.); *...тут же мелькнула змейкой мысль...* (Булгаков); **бродить**: *мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж ди-*

ванов и людей, окутанных в ночную мглу. (Чехов); **ползать** (и его производные): *Безобразная черная мысль, как змея, **проползла** в голове его.* (Достоевский); *И о самоубийстве мысль **вползла** / в меня из дырок телефонной трубки, / как та змея, из черепа коня, / в своих зубах скрывая смерть Олега.* (Евтушенко).

В ряде случаев метафорическое употребление таких слов превращается в целую картину. Ср.: *И подобные мысли, легкие и расплывчатые, какие приходят только в утомлённый, отдыхающий мозг, стали **бродить** в голове Евгения Петровича, являются они неизвестно откуда и зачем, недолго остаются в голове и, кажется, **ползают** по поверхности мозга, не заходя далеко вглубь* (Чехов); *А — было в голове как бы два коридора рядом... По одному коридору без задержки **проскакивали** деловые мысли...; по другому — **проплывали** сами собой, без подгона, ничем не торопимые, независимые и даже друг с другом не связанные: вообще о прошлом...* (Солженицын).

Возможно «возвращение» в метафорическое поле значений даже тех слов, которые уже прочно утвердились как значения в языковом узусе: *пройти, плыть, лететь, бежать* и др.

В то же время метафорическое поле глаголов наполняет большое число индивидуальных глагольных метафор. По наблюдению Н. Павлович, мысли *летят, парят, кружатся, выются, носятся в воздухе, идут, бредут, бродят, шагают, крадутся, бегут, пробегают, движутся, торкаются, прыгают, выпрыгивают, проскакивают, шевелятся, колышутся, копошатся, возятся, теснятся, кишат, ерзают, ворочаются, переворачиваются вверх ногами* и др. Ср., например: *В идеях непочто класть на природу пени, / Они в моей главе, как в царстве мертвых тени, / **Теснятся, давятся, копышутся, кишат** / И сами **выскочить** из тьмы на свет спешат* (Петров П.).

Таким образом, метафорическое поле глаголов движения отражает их высокий порождающий потенциал. Класс глаголов физического движения является потенциальным носителем значений почти всех других глагольных классов, характеризуя

их как динамические подсистемы языка. Метафорическое поле представляет процесс порождения и становления значений слов как сложное взаимодействие и взаимообусловленность классов, порождающих и воспринимающих. Само метафорическое поле выступает как живая, находящаяся в постоянном движении, в динамике структура языка, обуславливающая внутренние смысловые преобразования слов, ведущие к формированию нового значения.

Список литературы

Апресян А. Д. 2006. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. — М., 2006.

Апресян А. Д. 2009. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. — М., 2009.

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. — М., 1997.

Бюлер К. Теория языка. Репродуктивная функция языка. — М., 1993.

Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. — М., 1997.

Лосев А. Ф. Логика символа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. — М., 2004.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 2. — М., 2007.

Падучева Е. В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. — М., 2004.

Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. Глагол. — М., 2007.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка. Глагол. — М., 1989.

Ю. И. Чайкина
(Вологда, Вологодский государственный
педагогический университет)

**Переписная именная книга г. Вологды
последней четверти XVII века
как особый вид деловой документации Московской Руси**

Переписная именная книга г. Вологды была составлена по Царскому указу «в лета 7202 году ноября в 22 день». Основная цель такого документа состояла в следующем: «А кто на Вологде в посаде посадские люди в тягле по окладным сороковым книгам во 195 году явились которые ис того ж числа оскудали и обнищали и за скудостью с Вологды сошли, что писано в сих именных книгах по сорокам». Составляли писцовые именные книги «вологодской земской староста Осип Поляник да ларешной Дмитрий Березин с товарищи» [Кн.Пер.Им., 239].

Для доказательства того, что именные книги — особая разновидность переписных, активнейшего типа деловой письменности Московской Руси, рассмотрим вначале особенности обычных переписных книг. Обратимся к материалам Переписной книги г. Вологда 1678 г., того же временного периода, в течение которого была составлена и именная книга.

В Переписной книге 1678 г. «в городе и на посаде, и в слободах дворы у посадских людей и бобылей, и у помещиков, и у вотчинников, и у всяких иных людей, и на дворничестве дворников, и во дворах людей по имяном и с отцом и с прозвищи переписали» [Кн.Пер.,79]. В рассматриваемом источнике в составе именованья отмечаем личное имя, патроним, в ряде случаев — фамильное прозвание или фамилию: «Двор *Ивана Савинова сына Неелова*. У него дворник посадской человек *Ивашко Васильев сын*, у него сын *Васка* десяти лет, у него же костромитин государева дворцового села Красного крестьянин *Андрюшка Вавилов сын* двадцать лет, у него же Ферапонтова монастыря крестьянин *Дейко Тимофеев сын*» [Кн. Пер., 81].

В данном документе наблюдается четкое различение личных имен по социальному положению именуемых. Полные

личные имена отмечаем только лишь у духовенства и привилегированной части населения, у остальных жителей – полуимена: «Двор казанского Богородицкого попа *Ивана* Борисова сына» [Кн. Пер., 81], «Двор боярина *Петра* Михайловича Сняtkова. На нем живет дворник посадский бобыль *Гришка* Иванов сын, у него два сына *Ивашко* десять лет, *Конанко* семи лет» [Кн. Пер., 81], «Двор осадной суконной сотни *Михаила* Белавинского» [Кн. Пер., 81] и т. д.

Состав именований не упорядочен: отмечены как двучленные, так и трехчленные имена. Двучленное обычно состоит из личного имени и простого патронима, отчества: «посадской бобыль *Федка Микитин сын*» [Кн. Пер., 81], «Двор съезжей избы *Евсейеика Медведева*, у него же подворник *Ганка Леонтьев сын*» [Кн. Пер., 84].

В составе трехчленных именований представлен сложный патроним, восходящий по происхождению к личному имени и фамильному прозвищу отца или деда: «Двор россыльщика *Антонка Васильева сына Рогунова*» [Кн. Пер., 81], «Двор посацкого человека *Федотка Васильева сына Чюскина*» [Кн. Пер., 84] и т. д.

Иногда третий компонент являлся прозвищем: «Двор съезжей избы сторожа *Корнилка Аникиева сына Лоскута*» [Кн. Пер., 84], «Двор ... бобыля *Ивашка Нефедьева сына Березы*» [Кн. Пер., 92] и т. д. В ряде случаев третий компонент указывает на профессию именуемого: «Двор посацкого человека *Афонка Осипова сына красильника*» [Кн. Пер., 86], «Дворник посацкой человек *Петрушка Иванов сын шапошник*» [Кн. Пер., 87], «Дворник посацкий человек *Демка Остафьев сын, плотник*» [Кн. Пер., 82] и др.

В составе Переписной книги 1678 г. включены женские именованья, обычно вдов: «Двор посадской вдовы *Каптелинки Ульяновской жены Ермолина*» [Кн. Пер., 80], «На дворе ... дворница *Марьица Флорковская жена*» [Кн. Пер., 80], «Дворница вдова *Софьица Степановская жена* Кириллова монастыря крестьянка» [Кн. Пер., 81] и др.

В переписной книге 1678 г. приводятся названия строений: «Двор посацкого человека *Федки Яковлева сына*» [Кн. Пер., 81], «*Изба квасная* посацкого человека *Митки Тимофеева сына*

Толкачева» [Кн. Пер., 81], «*Келья-двор* вдовы Парасковьицы» [Кн. Пер., 88], «*Двор съезжей избы* сторожа Корнилка Ананьева сына Лоскута» [Кн. Пер., 81] и т. д.

Обратимся к материалам Переписной именной книги 1686/87 гг. В ней представлены только мужские именованья, женские полностью отсутствуют, не отмечены также и названия строений. Жители описывались по сорокам (районам) города, а не по улицам, как в Переписной книге 1678 г., причем в каждом сороке выделялись две группы горожан: в первой – более состоятельные, платившие оброк – «тяглые люди», во второй – «вологжаня посадские люди бобыли, скудные работные люди и нищие». Отметим, что и в той и в другой группе именованний первый компонент выражен полным календарным именем, некалендарные и полуимена отсутствуют (исключение — *Третьяк* Поликарпов [Кн.Пер.Им., 225]).

Подавляющее большинство именованний вологжан первой группы трехчленны, причем возможны два случая: а) в составе именованний находим личное имя + патроним + фамильное прозвание (фамилию): *Григорей Артемьев сын Комаров* [Кн.Пер.Им., 239], *Федор Поликарпов сын Дружинин*, *Захар Карпов сын Конев*, *Иван Филипов сын Попов* [Кн.Пер.Им., 252] и др.; б) третий компонент отсутствует, его заменяет название профессии: *Андрей Дементиев сын свешник*, *Селиван Кондратьев сын*, *мясник*, *Иван Артемьев сын*, *красилник* [Кн.Пер.Им., 239], *Михаил Исаков сын*, *судоплат* [Кн.Пер.Им., 240] и др.

С большей долей вероятности можно говорить о том, что третий компонент именованья является уже фамилией, поскольку он одинаков у родных братьев. Ограничимся следующими примерами: *Федор Поликарпов сын Дружинин*, *Иван Поликарпов сын Меншой Дружинин* [Кн.Пер.Им., 252]; *Григорей Артемьев сын Комаров*, *Алексей Артемьев сын Комаров*; *Матвей Иванов сын Махаев*, *Андрей Иванов сын Махаев* [Кн.Пер.Им., 235]; *Назар Филипов сын Чувавшин*, *Матвей Чувавшин* [Кн.Пер.Им., 252]; *Никифор Никонов сын Оконнишников*, *Нестер Никонов сын Оконнишников*, *Василь да Семен Никоновы дети Оконнишниковы* (259); *Михайло да Петр Анофреевы дети Аргуновы* [Кн.Пер.Им., 244].

Если именованя «тяглых людей», платящих оброк, трехчленны, поскольку фамилия уточняет именование и необходима при сборе налога, то именованя «скудных людей» как правило двучленны: *Егор Макаров, Иван Яковлев, Василий Иванов* [Кн. Пер. Им., 240], *Петр Нефедьев* [Кн. Пер. Им., 241] и др. Иногда посадские бобыли именуется очень кратко: личное имя + название профессии или прозвище: *Иван, плотник; Андрей, скорняк; Микула, красилник; Козма Ляма; Марко, татарин* [Кн. Пер. Им., 259] и др.

Так что же такое переписные именные книги? Это своего рода список мужских именованй по районам (сорокам) города. Составлялся он для московских приказов, поэтому вологодские писцы старались приспособить его к московским нормам делового языка. С эти связана большая степень упорядоченности именованй. В чем она состоит? Во-первых, первый компонент именованя представлен уже только полными календарными именами. Во-вторых, именованя тяглых людей, платящих оброк, в подавляющем большинстве случаев трехчленные, причем третий элемент именованя ближе к фамилии, нежели к фамильному прозванию. Именованя посадских бобылей (скудные люди и нищие) остаются пока двучленными или даже состоят из одного компонента. Как видно, формирование третьего компонента именованй городского населения протекало неравномерно и зависело от социального статуса именуемых.

Таким образом, переписные именные книги последней четверти XVII века – документ, отражающий постепенное становление современной модели именованя мужского населения на Русском Севере.

Источники и сокращения

1. Переписная книга г. Вологда 1678 г. // Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 2. — М., 2008.
2. Переписная именная книга г. Вологда 1686/87 гг. // Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 2. — М., 2008.

Т. В. Бахвалова
(Орёл, Орловский государственный университет)

Лично-индивидуальные образные и необразные прозвища

Прозвища, являясь частью лексико-семантической системы языка, обладают особенностями, свойственными лексическим единицам. В то же время, занимая определённое место в онимическом пространстве, они отличаются от апеллятивов признаками, общими для всех типов антропонимов. Индивидуальные, дифференцирующие признаки прозвищ отграничивают их от других типов антропонимов.

Совокупность интегративных (общих с апеллятивами, онимами, антропонимами) свойств и дифференциальных, «собственно прозвищных», создаёт неповторимый облик неофициального антропонима – одного из компонентов онимической системы русского языка. Интегративные признаки по-своему преломляются в системе прозвищ, наполняются здесь новым содержанием и таким образом вносят свою лепту в создание специфичности прозвищных именований.

Как известно, образность – одно из ярких свойств многих лексических единиц. По мнению И.А. Королёвой, «в XX веке проблема образности и эстетичности прозвищ выходит на один из первых планов в их изучении совместными силами лингвистов и фольклористов» [4, с. 27]. В традиционном понимании образность – это семантическая двуплановость номинативных единиц. Образность свойственна словам с метафорической внутренней формой. В системе неофициальных антропонимов прозвища, возникшие в результате метафоризации, составляют большинство, что объясняется активностью употребления в функции прозвищ названий реалий окружающей действительности. Названия предметов быта, одежды, названия животных, растений и др. – богатейший источник пополнения корпуса неофициальных образных антропонимов.

Почти каждый предмет окружающего мира включает в себе огромные возможности использования его в качестве сравнения с человеком по тем или иным особенностям, общим для данной реалии и идентифицируемого лица. В основе возникновения образных прозвищ лежат как разные признаки одного и того же предмета, так и одинаковые свойства, характерные черты разных предметов. Известно, что «человек может выступать не только как мера всех вещей, не только как код, используемый для обозначения других предметов, явлений и отношений, существующих в мире, – он может и сам быть объектом восприятия, номинации и дескрипции средствами других кодов...» [6, с. 338]. При этом маркируются наиболее характерные, сущностные черты или особенности, привлекающие внимание своей необычностью, неординарностью.

Чаще всего в основе прозвищ достаточно известные и распространённые переносные значения апеллятивов, ср. *лиса* «о хитром, лукавом человеке, лъстеце» (БАСРЯ:9:214) и *Лиса* – прозвище хитровой, лъстивой женщины, *жердь* «об очень высоком и худом человеке» (БАСРЯ:5:613) и *Жердай* – прозвище высокого худого человека и др. Подобные прозвища встречаются в разных регионах, в разных социальных группах. Нередко один и тот же апеллятив выступает в качестве производящего для прозвищ с разными мотивационными основами. Приведём примеры прозвищ, представленных в Региональном словаре лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области [3], а также зафиксированных в других районах области: *Колобок* – прозвище женщины маленького роста, очень полной, ср. *Колобок* – прозвище мужчины с лысой головой круглой формы, *Копеечка* – прозвище мужчины очень маленького роста, ср. *Копеечка* – прозвище женщины, которая собирала все денежки до копейки и несла всё на сберкнижку. Одно и то же слово, используемое в качестве прозвища, в каждом конкретном случае наполняется своим собственным содержанием: *Лопух* – прозвище мужчины, имеющего большие уши, ср. *Лопух* – прозвище мужчины, который легко поддаётся на обман, всё принимает за чистую монету, ср. *Лопух* – про-

звище мужчины, с которым в молодости произошел курьёзный случай, а друг обозвал его лопухом, сказав: «Ну ты и лопух!»; *Колдун* – прозвище мужчины, который всем в деревне предсказывает предстоящие события, ср. *Колдун* – прозвище мужчины, являющегося большим мастером в кузнечном деле, ср. *Колдун* – прозвище мужчины, который мог достать всё дефицитное, *Колдун* – прозвище мужчины, который ходит по ночам по деревне.

Как видим, даже в одном, довольно ограниченном регионе, формально совпадающие образные прозвища могут носить несколько человек, но в каждом случае мотивационная основа является разной, известной тому коллективу, в котором живёт, работает именуемый. Подобно местоимениям, содержание которых становится ясным лишь в контексте, ситуации, прозвища (прежде всего это относится к образным прозвищам) наполняются смыслом лишь при отнесении их к конкретному лицу, при установлении их мотивационной основы.

Нельзя не отметить, что при образовании прозвищ онимизация сопровождается изменением денотативного содержания базового апеллатива, при этом реализуется семантический потенциал слова, получают экспликацию скрытые возможности его семантического развития, которые не нашли своего выражения на уровне апеллативного развития лексической единицы.

Степень «прогнозируемости» смыслового наполнения прозвищ в процессе онимизации, точнее антропонимизации, апеллативов намного выше у необразных прозвищ: их содержание довольно часто совпадает со значением производящей базы. Значительную группу среди необразных прозвищ составляют единицы, в основе которых классифицирующие имена существительные. Такие антропонимы именуют человека

— по месту постоянного и временного жительства, пребывания: Паша *Москвич*, Петька *Сибиряк*, Новосёл, *Пушкарь* (из д. *Пушкарёво*);

— по профессии, занятию: *Кузнец*, *Мельник*, *Повар*, *Моряк*, *Рыбак*, *Боцман*, *Танкист*;

— по национальной принадлежности: *Немец, Ингуш, Белорус*.

Возможно образование необычных прозвищ с отсутствующей семантической двуплановостью и на базе агентивных оценочных существительных, например, *Блондин* – прозвище человека со светлыми волосами (ср. *блондин* «белокурый, светло-волосый мужчина»), *Трус* – прозвище очень трусливого человека (ср. *трус* «трусливый, робкий человек»). Однако число таких субстантивных онимов невелико: высокий удельный вес характеризующей функции у апеллятивов и обобщенная семантика затрудняет выполнение идентифицирующей функции, очень важной, необходимой для неофициальных антропонимов. Небезынтересно в связи со сказанным отметить и то, что в роли прозвищ практически не используются существительные общего рода, содержащие, как правило, очень общую характеристику человека, что препятствует выполнению ими идентифицирующей функции – основной функции всех антропонимов, в том числе и прозвищ.

Необычными являются и прозвища, возникшие в результате субстантивации имён прилагательных с их последующей антропонимизацией. Чаще всего в основе подобных прозвищ качественные имена прилагательные, обозначающие различные физические характеристики людей. У таких прозвищ ярко проявляется характеризующая функция. По своему семантическому содержанию они довольно разнообразны, передают характеристику человека

— по росту: *Высокий, Длинный, Дробный*;

— по полноте: *Гладкий, Дробненький Тонкий, Худой*;

— по цвету лица, волос: *Белый, Рыжий, Седой*;

— по характерным особенностям волос, волосяного покрова на голове: *Вихрастый, Волосатый, Кучерявый, Лысый*;

— по выделяющейся чем-либо (чаще размерами) какой-либо части тела, лица: *Головастый, Губастый, Лобастый, Ушастый*;

— по физическим недостаткам: *Горбатый, Косоротый, Кривой*;

— по чертам характера, особенностям поведения, особенностям голоса: *Сиплый, Хмурый, Хрипатый, Шустрый*; и др.

Неофициальные антропонимы, образованные в результате субстантивации и онимизации имён прилагательных, как правило, употребляются не самостоятельно, а в составе наименований, включающих в себя личное имя и прозвище. Такие прозвища хотя и являются в большинстве случаев семантически прозрачными, не всегда позволяют сделать однозначный вывод о характере их мотивационной основы, о чем свидетельствуют следующие факты:

- имея одну и ту же форму выражения, прозвища нередко имеют разные мотивационные основы, например, *Белый* – прозвище мужчины, имеющего волосы белого цвета (с рождения), *Белый* – прозвище мужчины, покрасившего волосы в белый цвет, *Белый* – прозвище мужчины, рано поседевшего, *Белый* – прозвище мужчины, болевшего белой горячкой;

- затрудняет установление мотивационной основы прозвища и тот факт, что они могут быть образованы на базе не прямых, а переносных значений имени прилагательного, например, *Медный* — прозвище мужчины, имеющего рыжие волосы, ср. *медный* «имеющий цвет меди, красно-желтый» (БАС-РЯ:9:652), *Ржавый* — прозвище мужчины, имеющего темно-рыжие волосы, ср. *ржавый* «красно-бурый, цвета ржавчины».

В состав необразных прозвищ наряду с возникшими в результате антропонимизации имен прилагательных и имен существительных входят и прозвища, содержащие в своей структуре словообразовательные аффиксы со значением лица, такие, как *Беляк, Белянка, Белун, Белушка, Рыжак, Рыжуха, Рыжон, Кучерявка, Картавник Болтуха* и др.

Несмотря на существенное различие образных и необразных прозвищ резкой границы между ними нет. Об этом свидетельствует следующее:

- 1) целый ряд прозвищ можно отнести и к образным, и к необразным. Это касается прежде всего онимов, имеющих множественность словообразовательной мотивации, которые квали-

фицируются и как семантически производные от омонимичных апеллятивов, и как суффиксальные дериваты;

2) степень «ощутимости» мотивационной основы, а значит, и степень образности у прозвищ может быть различной. Мотивационный признак, являясь живым, ярким в момент наречения, нередко со временем утрачивает свою яркость, угасает. Известно немало случаев, когда человека до глубокой старости именуют тем или иным прозвищем, хотя давно уже не помнят, что послужило причиной для возникновения дополнительного неофициального именования. Утрате мотивации прозвищем способствуют как внешние факторы (забвение членами коллектива, в котором функционирует прозвище, основы именования; длительность употребления прозвища, «выветривающая» его этимологию), так и лингвистические (семантическое словообразование, не связанное с изменением морфемной структуры слова, т.е. «не поддержанное» материально выраженными аффиксами со значением лица; диалектный характер производящего апеллятива и др.). В процессе функционирования у таких прозвищ «редуцируется семантика нарицательного, послужившего для него основой» [5, с.256]. Эта редукция сводится до минимальной информации, которую несёт неофициальный антропоним. Так, например, прозвища *Кыра*, *Труян*, *Хван* и под. утратили внутреннюю форму, их содержание ограничено лишь самыми общими сведениями об именуемом: мужчина. Утрачивая мотивационный признак, становясь необразными, передавая минимум информации, подобные онимы сближаются с личными именами, с типичными собственными именами, у которых, как правило, внутренняя форма отсутствует и которые являются «стандартом идентифицирующих слов» [1, с.342].

Как видим, среди необразных прозвищ выделяются две группы единиц по соотношению выполняемых ими функций: прозвища, в которых ведущей является идентифицирующая функция (*Кузнец*, *Ингуш*, *Сибиряк*; *Хван*), и прозвища, в которых характеризующая функция преобладает над идентифицирующей (*Белый*, *Белун*).

Занимая свою нишу в языке, прозвища образуют системно организованное пространство. В центре этого онимического пространства прозвища, которые способны наиболее полно выполнять характеризующую функцию. К ним относятся образные прозвища и необразные, образованные на базе признаков слов. Преобладание роли идентифицирующей функции, что наблюдается у необразных прозвищ, образованных на основе классифицирующих онимов, снижает степень «прозвищного начала» у этих имён и сближает их с апеллятивами: порой трудно различить прозвище и имя нарицательное, относящиеся к одному и тому же лицу, ср. *Москвич* и *москвич*, *Кузнец* и *кузнец*. Отсутствие у прозвищ способности давать характеристику человеку, что свойственно необразным прозвищам с отсутствующей мотивационной основой, сближает их с типичными именами собственными.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976.
2. Большой Академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. — Т. 1-12. — М., СПб.: Наука, 2004-2009 (БАСРЯ).
3. Неврова Т. И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области. — Орёл: ОГУ, 2007.
4. Королёва И. А. Материалы к словарю смоленских прозвищ. — Смоленск: Смядынь, 2009.
5. Суперанская. А.В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973.
6. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М.: Индрик, 2008.

Р. В. Разумов
(Ярославль, Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

Названия кинотеатров в современном русском языке

Последние два десятилетия, по мнению многих ученых, характеризуются настоящим ономастическим взрывом: активно создаются имена коммерческих объектов: названия магазинов, предприятий общественного питания, малых предприятий, развлекательных учреждений. Подобные собственные имена в ономастике принято обозначать термином *эргонимы*, под которыми понимаются собственные имена делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [4, с. 151]. Развитие группы коммерческих названий происходит не только за счет создания названий для новых типов объектов (торговых центров, развлекательных заведений, жилых комплексов), но и переосмысления традиций создания названий для типов объектов, сложившихся в советское время (аптек, кафе, ресторанов и т.п.). Одной из таких групп является группа названий кинотеатров.

Одним из первых в СССР к исследованию эргонимов обратился С. А. Копорский. Его статья «О лексико-семантических особенностях наименований (названий кинотеатров)» [2] появилась в 1969 году на заре формирования ономастики в нашей стране. В данной работе была предпринята попытка рассмотреть отдельную группу названий внутригородских объектов не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте. В качестве материала для исследования автор использовал названия кинотеатров Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), а также названия ряда других городов. Проанализировав около 180 названий, С. А. Копорский отметил, что среди подобных имен слабо представлены имена-ориентиры, а также имена, определяющие назначение кинотеатра, его своеобразие, на-

правление репертуара, зато широко распространены абстрактно-символические имена [2, с. 25—26]. Автор выделил три периода формирования группы названий кинотеатров: (1) довоенный, в который устранялись названия типа «Арс», «Модерн» и давались названия типа «Аврора», «Ударник», «Смена» и т.п., (2) послевоенный, характеризующийся использованием слов, семантически связанных с понятиями эпохи Великой Отечественной войны (*Слава, Знамя, Победа, Родина* и др.), созданием названий, связанных с именами городов-героев («Ленинград», «Киев», «Москва» и др.); (3) период мирного строительства, в который создавались названия, восхваляющие ценности мирной жизни («Весна», «Встреча», «Дружба», «Мир» и др.), названия, возникшие на базе собственных имен («Россия», «Украина», «Ангара», «Одесса» и др.) и т.п. [2, с. 29]. Отмеченные С. А. Копорским закономерности формирования группы названий кинотеатров очень интересны. К сожалению, в дальнейшем эта группа названий не привлекала внимание ономастологов и лингвистов.

В настоящей статье мы рассмотрим группу названий кинотеатров на примере названий Москвы (далее – М), Санкт-Петербурга (СПб) и ряда других городов Российской Федерации: Архангельская (Арх), Барнаула (Ба), Владивостока (Влад), Волгоград (Волг), Екатеринбурга (Екат), Иванова (Ив), Ижевска (Иж), Иркутска (Ирк), Казани (Каз), Краснодара (Краснод), Красноярска (Краснояр), Липецка (Лип), Мурманска (Мурм), Нижнего Новгорода (НН), Новокузнецка (Новок), Новосибирска (Новос), Перми (Пер), Ростова-на-Дону (Р-н-Д), Рыбинска (Ры), Самары (Сам), Саратова (Сар), Сыктывкара (Сыкт), Твери (Тв), Тольятти (Тол), Ульяновска (Ул), Хабаровска (Хаб), Челябинска (Чел), Ярославля (Яр). Материал для статьи собирался с помощью телефонных справочников, поисковых систем Интернета и данных сайта «Все кинотеатры России» [1].

Статья С. А. Копорского, как мы уже упоминали, основана на анализе названий кинотеатров Москвы и Ленинграда. В ней практически не использовались данные о подобных онимах в провинциальных городах, поэтому наш анализ мы начнем с

выявления особенностей названий кинотеатров провинциальных городов.

В отличие от столичных городов, в провинциальных городах представлено меньшее количество типов названий кинотеатров. Как и в Москве и Ленинграде, среди них преобладали названия с абстрактно-символическим значением и названия, образованные от топонимов (названий городов и рек). В Ярославле из 12 названий кинотеатров лишь 2 эргонима были связаны с обозначаемыми ими объектами. Кинотеатр «*Парус*» был расположен в здании речного вокзала на берегу реки Волги, а репертуар кинотеатра «*Горн*» был ориентирован на детскую аудиторию. Все остальные названия имели абстрактно-символическое значение: «*Аврора*», «*Волга*» (кинотеатр расположен довольно далеко от берега Волги), «*Дружба*», «*Заря*», «*Мир*», «*Октябрь*», «*Победа*», «*Родина*», «*Чайка*». Заметим, что, в отличие от Москвы, в Ярославле сохранилось название кинотеатра «*Арс*», которое было утрачено в Москве еще в довоенное время. В Рыбинске в это время существовало три кинотеатра. Название лишь одного из них (кинотеатр «*Центральный*») отражало особенности объекта, а все остальные названия могут быть отнесены к числу символических названий: «*Волга*», «*Космос*». Собственные кинозалы имели и многие заводские дворцы и дома культуры, но, в отличие от кинотеатров, кинозалы не имели собственных названий: кинозал Дома культуры «*Радуга*» (Ры), кинозал клуба имени Кустова (Ры), кинозал Дворца культуры и техники «*Авиатор*» (Ры). Как мы видим из приведенных примеров, для названий кинотеатров в провинциальных городах были характерны те же особенности, что и для названий кинотеатров столичных городов, отмеченные в статье С. А. Копорского.

Переосмысление традиций создания названий для кинотеатров произошло, как и в других типах эргонимов, в 1990-2000-е гг.

В постсоветскую эпоху во многих городах произошло сокращение количества кинотеатров. Например, в Рыбинске в настоящее время сохранился лишь один кинотеатр, построен-

ный в советское время (кинотеатр «Космос»), а в Ярославле – 5 кинотеатров («Аврора», «Волга», «Октябрь», «Победа», «Родина»). Следствием подобных изменений стала утрата многих названий, возникших в советское время. В некоторых случаях старые эргонимы были сохранены в качестве названия тех заведений, которые появились на месте кинотеатров: *кинотеатр «Центральный»* → *торговый центр «Центральный»* (Ры).

В 1990-2000-е гг. в группе названий кинотеатров для обозначения статуса заведения стали использоваться новые эргонимические термины. Помимо терминов *кинотеатр* и *кинозал*, употреблявшихся в советское время, нам встретились термины *кинозрелищный центр*, *киноцентр*, *кинопарк*, *кино клуб*, *кинокомплекс*, *кинокафе*, *DVD-кафе*, *кинопаркинг*, *мультиплекс*, *киноплекс*, *мегаплекс*. Термин *мультиплекс* заимствован из английского языка. Л.П. Крысин приводит следующее объяснение происхождения данного слова: «мультиплекс, а, м [англ. multiplex < multiple составной, сложный] — многозальный кинотеатр» [3, с. 508]. В «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия», выпущенном под редакцией Г. Н. Складчиковой, указывается иная этимология этого слова: «Мультиплекс, а, м [мульти + (ком-)плекс] — крупный кинотеатр с множеством залов» [5, с. 479]. Эта версия, на наш взгляд, является примером словообразовательного переосмысления структуры данного слова, происшедшего уже в русском языке. Вероятно, именно под влиянием осмысления элемента *-плекс* как части слова *(ком)плекс* в русском языке возникли термины *киноплекс* и *мегаплекс*, не имеющие аналогов в английском языке.

Большинство кинотеатров, созданных в советскую эпоху, сохранили свои прежние названия. Анализируя данные сайта «Все кинотеатры России» [1], содержащего сведения о кинотеатрах 36 городов Российской Федерации, мы можем отметить, что среди рассматриваемой группы онимов по-прежнему широко распространены эргонимы с абстрактно-символическим значением: «Аврора» (Иж, Краснодар, М, Новос, Чел, СПб, Яр), «Галактика» (Влад, Омск), «Горизонт» (Краснод, Новос),

«Дружба» (Иж, СПб, Хаб), «Звезда» (Сам, Тв), «Искра» (Арх, Ив, М, Тв, Уфа), «Колизей» (Екат, М, СПб, Тол), «Космос» (Екат, М, Новос, Рыб, Омск), «Мир» (Ба, Каз, НН, Сар, Тв), «Октябрь» (Лип, М, НН, Новок, Пер, Ржев, Яр), «Пионер» (М, Новос, Сар), «Победа» (М, Орел, Сар, Уфа, Яр), «Родина» (Ба, Ирк, Каз, Краснояр, М, Мурм, Сар, СПб, Уфа, Яр), «Художественный» (Ирк, Сам, СПб, Ул), «Чайка» (Краснояр, Ирк).

В 1990-2000-е гг. проводилось строительство новых кинотеатров, для которых стали создаваться ранее не отмеченные типы названий.

Во-первых, среди названий кинотеатров появились сетевые эргонимы – названия кинотеатров, принадлежащих одной компании и расположенных в разных городах или разных районах одного населенного пункта. Это явление не было характерно для советского периода истории страны и получило распространение в 1990-2000-е гг. В Российской Федерации, согласно данным поисковой системы «Яндекс», в настоящее время существуют следующие сети кинотеатров: «Иллюзион», «КАРО Фильм», «Киномакс», «Киномечта», «Киноплекс», «Кронверк Синема», «Люксор», «Магия кино», «Пять звезд», «Синема Парк», «Синема Стар», «Формула кино», «ЦентрФильм», «Very Velly», «Kinostar De Lux» и др. Например, с названием «КАРО Фильм» известно более 10 кинотеатров в Москве, 5 кинотеатров в Санкт-Петербурге, кинотеатр в Казани. Название «Синема Стар» встречается, помимо Москвы, в Перми, Уфе, Ярославле и т.д., а название «Кронверк Синема» – в Магнитогорске, Мурманске, Новосибирске, Санкт-Петербурге и Харькове. Появление сетевых кинотеатров привело к необходимости использования рядом с сетевым названием указания на месторасположение кинотеатра: кинотеатр «КАРО Фильм» в ТЦ «Капитолий» на Каширке (М), «Кронверк Синема Академический», «Кронверк Синема Балканский» (СПб), «Пять Звезд – Бирюлево», «Пять Звезд – Щелково», «Пять Звезд на Павелецкой» (М) и др. Иногда в название сетевого эргонима вводится старое (советское) название кинотеатра: «Кинотеатр Формула Кино Европа» (М), «Кинотеатр Формула Кино Ладо-

га» (М) и др. Как мы видим, на смену однословным названиям, существовавшим в советское время, приходят многословные названия.

Во-вторых, в данной группе, как и среди других эргонимов, в постсоветскую эпоху появились названия, созданные на латинице: «*New wave cinema*» (Влад), «*Grand Cinema*» (Каз), «*Port Cinema @ IMAX*» (Каз), «*Very Velly*» (Пер), «*Hollywood*» (Хаб), «*Kinostar De Lux*» (Мос), «*KinoStar*» (СПб) — или сочетающие элементы латиницы и кириллицы: «*Citmi deluxe*» (Краснод), «*3D Меганполис*».

В-третьих, в 1990-2000-е гг. в названия кинотеатров, в отличие от советского периода, стали активно вводиться элементы кино или *синема*: сети кинотеатров «КАРО Фильм», «**Кино**-макс», «**Кино**мечта», «**Кино**плекс», «Кронверк **Синема**», «Магия кино», «**Синема** Парк», «**Синема** Стар», «Формула кино», «*Kinostar De Lux*», кинотеатры «Диамант-**Синема**» (Волг), «Титаник **Синема**» (Ек), «Дом кино» (Ирк), «Планета кино и развлечений» (Новос), «**Кино** имени **Кино**» (Новок), «Атриум-кино» (Омск), «**Кино**дром» (Пе), «Плаза-**синема**» (Р-н-Д), «**Кино**мир» (М), «**Кино**паркинг» (М), «**Кино**сфера» (М), «Романов **Синема**» (М), «Час кино» (М)

В-четвертых, в качестве названия кинотеатра стали использоваться разнообразные прецедентные имена, ассоциирующие с миром кино: «**Титаник Синема**» (Екат), «Люмьер» (Сыкт), «Матрица» (Мос), «Солярис» (Липецк, М), «Фитиль-Клуб» (М), «Чарли» (Р-н-Д), «*Hollywood*» (Хаб) и др. Прецедентное имя может указывать на руководителя заведения: руководителем киноклуба (киноцентра) «Эльдар» (М) является известный кинорежиссер Эльдар Рязанов, а кинотеатр «Ролан» был открыт фондом Ролана Быкова.

Развитие группы названий кинотеатров, несомненно, будет продолжаться, поэтому необходим ее дальнейший анализ. Одним из перспективных направлений в исследовании данного вида эргонимов является сопоставительное рассмотрение наименований кинотеатров столичных и провинциальных горо-

дов, малых и крупных провинциальных городов, дореволюционных, советских и постсоветских названий.

Список литературы

1. Все кинотеатры России [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – [М.]: Все кинотеатры России. — Режим доступа: <http://www.kinoteatri.com> [Дата обращения: 01.05.2010]
2. Копорский С. А. О лексико-семантических особенностях наименований (названия кинотеатров) // Мысли о современном русском языке / Под ред. В. В. Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. — С. 24—30.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2007..
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1989.
5. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складчиковской. — М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001.

Л. Н. Новикова
(Тверь, Тверской государственный университет)

С. А. Копорский и тверские говоры

Трудно переоценить тот вклад, который внес в изучение тверских говоров С. А. Копорский. Будучи заведующим сначала кафедрой языкознания, а затем кафедрой русского языка Калининского педагогического института, Сергей Алексеевич возглавил работу по собиранию диалектных материалов Тверской области.

В 30—40-е годы, особенно в послевоенный период, русская диалектология вступила в новый этап своего развития: началось систематическое изучение русских народных говоров под общим руководством Академии Наук СССР по единой «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» [5]. Эта работа носила массовый характер, она объединила всех диалектологов и историков языка. Создание ДАРЯ (Диалектологического атласа русского языка) было реализацией принципов лингвистической географии на практике и имело большое не только научное, но и государственное значение.

С.А.Копорский лично возглавлял экспедиции 1936—1953 гг. в районы Калининской области. Собранный под его руководством большой фактический материал лег в основу трех фундаментальных трудов: монографии «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» (1945), получившей высокую оценку в научной литературе [4]; большого исследования «Цоканье в Калининской области» (1949) и «Лингвистического атласа района озера «Селигер» под редакцией Ф.П.Филина (1949). Это был первый опыт картографирования диалектного материала.

Исследование «Цоканье в Калининской области» посвящено изучению одной из важнейших особенностей севернорусского наречия – цоканья. Источниками исследования послужили све-

дения, собранные по особой анкете, составленной автором, кроме того, были использованы материалы Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР. На основании этих данных составлена любопытная карта распространения цоканья, на которой нанесено свыше 1000 населенных пунктов Калининской и Великолукской областей. Список районов и обследованных пунктов с небольшими комментариями к каждому из них помещен в конце работы.

Автору удалось убедительно обосновать следующие положения.

Цоканье представляет собой весьма сложное образование, складывавшееся в разные эпохи под влиянием различных исторических условий. На территории Калининской области цоканье, проявлявшееся в совпадении согласных [ц] и [ч] в звуке [ц] твердом, принадлежит, как считает автор, к западному типу и генетически связано с цеканьем и шепелявостью. В работе делается вывод, что в прошлом почти вся территория Тверской области была «краем едва ли не сплошного цоканья»[3,с.155]. Об этом свидетельствует, во-первых, существование цоканья в 450 населенных пунктах, расположенных в разных районах области; во-вторых, сохраняющиеся в различных местах следы цоканья. По мнению автора, рефлексам бывшего цоканья является произнесение [ч] твердого, разложение аффрикат (*отет, лиситка* вместо *отец, лисичка*), своеобразное произношение отдельных слов (*ушодцы, пришодцы*). В начале XX века цоканье еще сохранялось в 12 км к северу от Твери, в сёлах Васильевском, Михайловском, деревнях Орудове, Яковлеве, Стрельникове, Жорновке, в кушалинских говорах. Н.М.Каринский писал в 1931 году: «Цоканье у старшего поколения ярко, особенно последовательно у некоторых старух, местных уроженок» [1, с.83].

Цоканье во время исследования Тверской области С. А. Копорским было распространено «островами». Оно сохранялось на территории бывших монастырских и старых барских вотчинных владений, которые являются «наиболее древними поселениями нашего края», и преимущественно у стариков 60—

70-ти лет. Члены экспедиции отмечали, что местные жители научились скрывать цоканье: «...они с вами будут говорить, а вам цоканья не заметить» [3,с.164]. Автор делает вывод, что цоканье – явление отмирающее: «Пройдет десяток лет, исчезнут последние его носители... Цоканье так быстро исчезает, в особенности после Великой Отечественной войны, что бывает трудно отыскать его следы и свидетелей, помнящих его существование» [3, с.154]. Из факторов, способствующих в прошлом исчезновению цоканья, особенно большое значение имело отходничество. Крестьяне, уходившие в город, не только сами утрачивали цоканье, но и приносили с собой отрицательное отношение к нему. В конце работы автор делает очень важный для описательной диалектологии того времени вывод, что говоры Тверской области в XX веке уже нельзя считать цоканьскими, сохранились лишь остатки, или «острова» цоканья.

Монография «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» была издана в 1945 году. «В основу настоящего очерка, — пишет автор, — легли наблюдения над говором Осташковского района Калининской области, произведенные в июле месяце 1936 г. студентами факультета языка и литературы Калининского педагогического института им. М. И. Калинина под руководством автора».

Экспедиция была частью общей работы, организованной Институтом языка и мышления имени академика Н. Я. Марра АН СССР. В её состав входили, помимо преподавателей института, учителя и студенты Московского, Смоленского и Горьковского педагогических институтов.

Калининскому институту был отведен участок, находящийся между северным и северо-западным протоками Селигера, в составе сельсоветов: Жегаловского (обследовано Залучье), Машутино-Горского (Машутина гора), Заозерского (Заозерье, Тереховщина, Межники) и Задубского (Волоховщина, Бородино, Павлиха).

В предисловии автор пишет о практической значимости издания: «Перед читателем язык старой деревни. Кроме специального, диалектологического интереса, он представляет инте-

рес для краеведа и историка, так как многое объясняет в истории нашего края. Интересен он и для учителя русского языка: в борьбе за культуру речи, за освоение массами литературного языка нужно знать диалектизмы в языке учащихся, уметь отобрать из них ценное, обогащающее язык, устранить ненужное, отжившее, препятствующее развитию в языке трудящихся такого необходимого качества, как общепонятность». [2, с.4] Опубликованию рукописи сразу после экспедиции помешала война и оккупация Калинин. Первый набор и отпечатанные листы погибли в пожаре. Рукопись в большей части сохранилась в черновике, по ним и была напечатана монография. Необходимо отметить, что материалы, представленные в ней, актуальны и сейчас и дают основание для изучения типологии диалектных различий, истории их формирования, а также для выяснения процессов, происходящих в современных диалектах.

Отметим основные особенности, описанные С. А. Копорским.

Обследованный говор акающий – к такому выводу приходит автор. Случаев оканья не зарегистрировано. Оканье, по свидетельству Московской и Ленинградской групп, существует на северо-западе, в Демянском районе Ленинградской области. С аканьем связано яканье, причем сильного типа, при котором [а] после мягких согласных произносится на месте гласных неверхнего подъём в первом предударном слоге при любых фонетических условиях: перед ударными гласными любого подъёма и перед твёрдыми и мягкими согласными. Например, в существительных: *зямля, зямли, дявчонка, мядведи, дисятины, дятишки, плямянница* и др.; в прилагательных: *пясчаная, зялёная, сярдитая, сярэбрыный*; в местоимениях: *у мяня, тябя, сябе, яво*; в числительных: *чатыре, шастой, сядьмой*; в глаголах: *бяжали, бяру, ляжат, хлябал, тряпали, дяржу, атвячай*; в наречиях: *цяпер, спярва, яшчо* и др.

В работе приводятся конкретные примеры, подтверждающие устойчивость яканья в обследуемом говоре: «Якают старики и молодежь, оно встречается в языке сельской интелли-

генции – уроженцев данной местности, в языке колхозного актива. Так, учитель – местный житель, окончивший когда-то Новоторжскую учительскую семинарию, временами якает. Акушерка, недавно окончившая техникум, работающая два года в районе, икает, но в оживленном разговоре с подругами-колхозницами – якает, тут же иронически посмеиваясь над стремлением подруг икать: «Ну, зачивокали». [2,с.7]. Яканье исчезает медленно, двумя путями: или оно исчезает совсем, как определенный признак языковой системы, у людей, долго живших в Ленинграде и других культурных центрах, или постепенно, сохраняясь лишь в отдельных словах. Постепенное исчезновение происходит таким образом: а) уменьшается количество слов с якающей огласовкой, б) ослабевает гласный [а], принимая закрытый характер [ае], переходит в [е] или [ие]; впрочем, он никогда не достигает закрытости соответствующего звука литературного языка, а предшествующий согласный не имеет палатализации перед [и].

Следующей характерной чертой обследуемого говора является произношение ударного [о] с призвук [у]: *дуочки, пальтуо, жуолтый* и др. Имеются случаи, когда [о] уподобляется ударному и предупредительному [у], а также соседним губным и задненёбным согласным: *пузурёк, плувунец, пустухи, бушмачки, мужуки, кумар, кушёлка* и др. И все же лабиализация [о] в данном говоре определена ограниченным количеством слов. В Спировском и Вышневолоцком районах она имеет фонетический характер. По свидетельству студента-заочника Калининского пединститута Д. В. Куприянова, в Выдропужске (Спировский район) в 1909—1914 годах говорили: *курова, уошко, порусёнок, пупович, гуох, угурцы*; по описанию студентки-заочницы Вьюровой в д. Никифорове (Вышневолоцкий район) говорят: *удной, су мной, пухлебка, Вулучок* (Волочок).

В вокализме были отмечены случаи перехода ударного [э] в [и] между мягкими согласными: *динь, витер, дисять, тапирь*. Автор объясняет это явление влиянием северного типа произношения старого ять как [и]. В осташковских говорах этот пе-

реход ограничивается корнями слов, которые не имеют богатого словопроизводства.

Таким образом, явления аканья, яканья, редукции, лабиализации гласных отличают вокализм изучаемого говора от вокализма других диалектов в следующем: 1) ударные гласные имеют устойчивый характер; 2) редукция не имеет четко выраженной законченности, особенно в заударных слогах, в ряде случаев сохранение гласных поддерживают флексии слов; 3) яканье сильное и встречается только в предударном положении; 4) в говоре отсутствует иканье, проявляющееся в других акающих диалектах; 5) в слове отсутствуют интонационные черты, присущие многим русским диалектам: долгота конечного, предударного и ударяемого гласных; в связи с этим предударный [а] не имеет открытого характера, типичного для московского и многих южнорусских диалектов. Этим же объясняется и отсутствие яканья в заударных слогах, развившегося в ряде говоров под воздействием интонации.

В консонантизме осташковских говоров самой яркой особенностью является цоканье – совпадение аффрикат в одном звуке, причём как в [ц], так и в [ч]: *цай, стаканчик, дяцонка, доцка, уцилась, цатыре, ницаво, выплацу, ноц, захацу, оцинь, вециром, атвячают и др.; крыльчо, авча, курица, чена, пальчи и др.* Автор отмечает, что цоканье исчезает, но в недалеком прошлом цокало всё население обследуемого участка: об этом свидетельствует наличие в говорах [ч] твердого. Цоканье отступало на северо-восток, остатки его были в Заозерье, в Хрестени; эти деревни соприкасаются с Сосницкими говорами, где цоканье последовательно сохранялось. Наличие цоканья в Осташковском районе, отмечает С. А. Копорский, далеко не исключение для Калининской области: исследования последних лет зафиксировали его остатки в Оленинском, Торжокском, Лихославльском, Рамешковском, Кимрском, Калининском районах.

Другим звеном осташковского консонантизма, отличающим его от литературного языка и других говоров, является твердое произношение долгих шипящих: *ашишо (ещё), извоишык (из-*

возчик), *ишака (щека), пачишишы (почище), ишука (щука), дажжа (дождя), падажжы (подожди) вожжы (вожжи) и др.* Пожалуй, этот вариант произношения долгих шипящих наиболее последовательно распространен в Осташковском районе Тверской области и сейчас. Помимо твердого произношения долгих шипящих, в монографии отмечены случаи шепелявости мягких зубных [з] и [с] – приобретения ими шипящих призывков: *сиябя (себя), фсиё (всё), носиит (носит), сиидит (сидит), зжимы (зимы), зжятю (зятю), вазжми (возьми) и др.* Цеканье и дзеканье отмечены как особенность, почти исчезнувшая, то есть единичные случаи: *дзядзя (дядя), дзеньги (деньги), зайдзи (зайди), тсябя (тебя), тсётся (тётя), тсихо (тихо) и др.*

Из позиционных изменений согласных отмечены случаи перехода групп согласных бм в [мм] и дн в [нн]: *амман (обман), аммерил (обмерил), анна (одна), ланна (ладно), халонная (холодная), галонная (голодная), бинняк (бедняк), трунна (трудно), винна (видно) и др.*

В словообразовании наиболее яркой особенностью является частое употребление слов с суффиксами субъективной оценки: «В архаической речи роль уменьшительных суффиксов велика. Вот перечень имён и других частей речи из ответов старика А. Д. Баранцеву: *полушубочки коротенькие; у печки – шостик, нёбушко в печке, муравочка – маленький горшок; пуляшечка детская – маленький кашник; карзиночка, плетёночка – з бяресты плетут; пияницы (ягоды), кубаваستنенькие, гарянки – красненькие, балваньк кругленький растёт на горы, пястки, пясточки – ребята едят. К этой палке из ремяшка (объясняет устройство цепа) такой хамуток. Зарежется шеечка. Хомуток на шеечке ходит... Аткрою акошечко – мне палегче. Между пашен праливенка, рёлочка, где трава – пожёное местечко... Я выразился матюжском крепким».[2, с.27]*

Автор отмечает сравнительно меньшее, чем в севернорусских диалектах, распространение собирательных существительных, но основы, от которых они образованы, не всегда совпадают с литературным языком: *хрпъё (старики), пенъё*

(пни), *кирпичьё (кирпичи), грудьё (грудь) и др.* С другой стороны, в осташковских говорах набор формантов для образования собирательных существительных также существенно отличается от литературного языка. Например, в осташковских говорах распространены суффиксы собирательности, отсутствующие в литературном языке, -уг(-юг), -аг(-яг): *в берязнягу (березняк), в ильняге (ильняк), в асиняге (осинник), в малиняге (малинник), берязнягу нет, прутнягом бьют (прутьями), маладюгом росла (молодняком).* В названиях ягод распространены суффиксы – иц, -ич: *чарница (черника), куманича (куманика), брусница (брусника), земляница (земляника) и др.* От вещественных существительных образуются сингулятивы, которые невозможны в литературном языке: *молоко – мьлачина, мясо – мясина, навоз – навозина.*

Из наблюдений над лексикой интересны следующие моменты в монографии: тематические группы лексики выделяются в соответствии с исконными занятиями местных жителей: рыболовством и земледелием. Именно эти группы лексики отличаются большим многообразием наименований. Но, к сожалению, собранный исследователями материал по терминологии рыбного промысла был по какой-то причине утрачен. Сохранились названия ветров, отмеченные В. И. Далем, - *север, полудень, восток, меженец, зимняк, мокрик, крестовый запад.* Автор отмечает, что селигерские рыбаки знают двенадцать ветров Балтийского моря, поскольку ловят корюшку в нём. Но применение этой терминологии на Селигере не является необходимостью, т.к. везде видны берега островов с селениями, по ним и определяют ветра: «с Радохова», «с Николы», причем ветер «с Радохова» может быть западным, когда ловят на восток от него, и восточным, когда ловят в районах, лежащих на запад от Радохова. Вместо единой точной терминологии моря, Селигер даёт неустойчивую, конкретную, «нетерминологизировавшуюся» лексику, она служит дополнением к общим терминам. В этом случае общие названия служат не столько распознаванию направления, что необходимо при движении на

парусах, сколько определению погоды; направление же определяют названия населенных пунктов.

Второй по численности является тематическая группа, в которую входят слова, относящиеся к природе. Разнообразны названия леса, в которых зафиксированы признаки по породе, по возрасту, по хозяйственному назначению: *берестняг, шеленяг, олешняг, осинняг, вересняг, брыжжелевник, бредняг, бред, кустари, прутняг, хрепняк-поросток, порусняжка, дровяник, ломьё, лапушка (вид берёзы), дровяник- прутушек, вершняг, пёнушек, чургашка, береста, лесина, деревина, подстоина*. Иногда название отражает признаки тех предметов, которые изготавливаются из этого леса, например, *жердзина, островина, поворина, столоб, глоба, бобина, заворка, заворина, хлупец, нашесть, клеч*. В названиях грибов, насекомых и животных встречаются обычные для диалектной лексики явления, когда при общераспространённом слове для родовых понятий наблюдаются расхождения в названиях видовых понятий. Так, в названиях грибов: *поплавочки, подосиновик, волнушка, горянка, маслёнок, моченики, обабок, подорожник, груздь* – отражены как общерусские, так и местные названия. В этой группе лексики наиболее развита синонимия: белый гриб – *боровик, пичура, коровник*; подосиновик – *красноголовик, боровик и др.* В названиях растений местных наименований больше, чем общерусских, например, *балабольник, богатинка, дедовина, желтуха, кислица, лягушатник, загадка, стрекива, пестошник, кочеток, моркова, калитика, мышатник, куманица* при общем названии *травы-подсед, суволок, некое*.

Третья тематическая группа включает наименование почвы, земли по разным критериям: по составу, например, *гнила, сугнилок, белозобина, песчаница, мочивище, болоташка, каменка*; по отношению к обработке: *целыжень, чищеник, ветча, дербина, залежь, орка, пожняк, выгарь*; наименования участков по характеру растительности и характеру использования: *гороховище, гречевеище, клюковошник, пустыри, порусняжка, прутняг, ухожь, ухотьба*; по рельефу местности: *кряжевина, сопка, уревы*; по отношению к селению: *усадьба, будворицы, загувенье*; по конфигурации и величине: *заклюки, балабошак, халужка, рёлка, наволоок*.

Лексика, связанная с жизнью человека, с его бытом, нравственными критериями, с отношением к труду, также образует разветвленную сеть синонимических рядов разных частей речи. Например, разнообразны наименования посуды: *гусятница, кузов, набирашка, шалгун, кадушинка, лоханка, кубан, чугу́н, квасник, пуляшка, кубышка, сулейка*; наименование одежды и обуви: *портки, шопотень, коверзень, отопки, обсоюзок, обобувка, денички, обжимочка, обороточка, фальшонки, шушун, шугай, укрутка, украса, сряда, труньё*. Существительные, обозначающие качества человека, чаще носят отрицательную окраску: *растопша, рассулай, развара, лында, захлюстка, мочуга*.

Прилагательные, как и в других диалектах, немногочисленны и разделены на две группы. К одной группе принадлежат относительные прилагательные, обозначающие признаки предметов, окружающих человека: *полойный (дождь), крушивые (палки), кужлёвые (сети), кучное (сено), лесливые (места), натяжная (кофта), каляный (ситец)*. Часто такие прилагательные конкретизируют общее понятие, выступая вместе с определяемым в роли термина. К другой группе принадлежат качественные прилагательные, обозначающие непосредственно качества человека: *башковатый, благой, возгрывый, кляповый, недолукый, стадный, таскащий, отменитый, настойчистый*.

Среди глаголов автор выделяет слова, входящие в описательные выражения и носящие характер терминов, относящихся к рыбной ловле: *подбирать, норостовать, опружить, облякивать, защемить, отливать*; к сельскохозяйственным работам: *ворошить, шевелить сено, натрусить, распокаться*; к действиям, производимым животными или направленным по отношению к ним: *котениться, забодать, завоять, навазыкивать, состреножить*; к действиям в детских играх: *зачуракнуть, закильнуть, ковылнуться, копыряться, нашептывать, перехораниваться*. Ряд глаголов обозначают внутреннее состояние человека: *веньгаться, гурковать, угунуть, прибулгатить, вязгаться, двошадь, закостенеть, закапуститься, взрадоваться, обрешетиться, сгаснуть*. Часть глаголов обозначает социальные взаимоотношения: *кориться, поздоров-*

каться, обманить, сулить, нянькаться, отишишать, подклинивать, полахать. Синонимичные ряды в глагольных лексемах доходят до четырнадцати членов в осташковских говорах, например, к глаголу *бить*: *бутить, волтузить, задрать, жарнуть, клубнить, луснуть, мутовать, нажелвачивать, ошелапутить, плохнуть, садануть, толкнуть, хвыстануть, хряпнуть.* Глагол *говорить* имеет в говоре восемь синонимов: *баять, брехать, гуторить, заборонить, затарандить, зыкать, набарабошить, гайнуть.*

В заключение автор воспроизводит высказывания диалектоносителей о своём говоре, что очень важно для его точной характеристики. Двумя способами говорящий постигает свой диалект: 1) сопоставлением его с соседними говорами (пространственное); 2) сопоставлением нового языка с языком старым (временное). Характер сопоставлений самый разнообразный, но чаще всего он ограничивается установлением различий в словаре и в фонетике. Залучье противопоставляет себя Петровщине (расстояние между деревнями один-два километра: «В Петровщине скажут *куковка*, а в Залучье – *кочерга*» (Залучье); «в Петровщине – *судница*, в Залучье – *чулан*» (Залучье).

Деревни Большие и Малые Межники, когда-то разделявшиеся ручейком, теперь слились, но жители до сих пор отличают себя: «Двое Межника – свая наречия: Б.Межники – зеркла, Малые – зерькила». Название Межники выразительно. Деревня когда-то была пограничной между Тверской и Новгородской губерниями, сейчас ею оканчивается Тверская область в Осташковском районе. Следующая деревня на север – Воздухи – Новгородской области Демянского района. Пограничное положение между пунктами, несколько отличающимися в диалектологическом отношении один от другого, обострило наблюдательность к языку: «Пултара километры – наречие разнаа». Межниковцы обособляют свой говор от юго-восточных Машугино-Горского сельсовета: «В Машугиной Горе больше на *ш* и *ч*, они грубо выносят *ш* и *ч*. «*У нас – смеркло, а там – мерцывиш. Засуха, у них дожжу нет, а у нас – дажжа нет*» (Межники). В суждениях о говоре Новгородчины сквозит обычно оценка. Говоря о Воздухах, отмечают там иканье. Одни

его осуждают: «*Не люблю, когда русский язык ломают*», другие дают положительную оценку: «*Лекши там говорят*». Подобного рода замечания и отзывы о говоре помогают сразу же обратить внимание на характерные особенности. Пусть иногда оценки неточны, факты случайны, но уже одно противопоставление своего говора другим свидетельствует о значительных различиях, которые видны даже не специалистам.

Не меньший интерес представляют сопоставления языка старого и нового. Как правило, старое наречие осуждается: «*Мы вываратим так, что и надправить нязья*» (Межники). В характеристике старого наречия иногда отмечают исчезнувшие фонетические явления: «Старики говорят *ййчо, кузничча, курича*; ещё иногда говорят на ц: *цай, доцка*». Много ценного в характеристике старого языка дают замечания о словаре: «...раньше *чищенник*, теперь *раскорчовка*»; «... *мутит* – говорили в старину, если где виделось, казалось»; «...*орка* – это пашня, давно говорили»; «... *сватёха* (сватья), теперь это всё потеряно»; «...*теребить лён* только теперь начали говорить, а раньше – *таскать лён*».

Заканчивая обзор монографии «Архаические говоры Осташковского района Калининской области», необходимо отметить, что основная часть особенностей, зафиксированных С.А.Копорским, сохраняется до сих пор. Об этом свидетельствуют материалы экспедиций в Осташковский район в конце XX – начале XXI века в связи со сбором материала для «Лексического атласа русских народных говоров» и для словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии» [6].

В период работы С. А. Копорского в Калининском педагогическом институте были обследованы свыше 300 населённых пунктов. Материалы по тверским говорам, собранные в это время, вошли в «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» и в «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы», в которых чётко представлены изоглоссы фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей диалектов. Углубленное изучение этих материалов, а также результаты специальных диалектологических обследований, проведенных аспирантами, дали воз-

возможность приступить к монографическому описанию отдельных говоров и диалектных объединений на территории Тверской области. Под руководством С. А. Копорского были подготовлены и защищены кандидатские диссертации В. А. Флоровской «Лексика говоров Старицкого района Калининской области. К вопросу об отношении диалекта к общенародному языку»; В. П. Строговой «Лексика говоров по течению реки Мсты (Бологовский и Удомельский районы Калининской области)»; Т. В. Кирилловой «Народные говоры Калининского района Калининской области». В 40-50-е годы монографическому изучению подверглись говоры семи районов Калининской области: Осташковского, Старицкого, Бологовского, Удомельского, Калининского, Кимрского и Завидовского.

С. А. Копорский внёс большой вклад в изучение лингвистического ландшафта одного из самых сложных регионов России, положил начало новому научному направлению исследовательской работы кафедры русского языка Тверского государственного университета.

Список литературы

1. Каринский Н. М. Очерки из области русской диалектологии // Учен. зап. / РАНИОН. — Т. IV. — М., 1931.
2. Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. / Калинин. пед. ин-т. — Т. 10. — Вып. 3. — Калинин, 1945.
3. Копорский С. А. Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. — М., 1949.
4. Кузнецов П. С. [Рец. на кн.:] Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. / Калинин. пед. ин-т. — Калинин, 1945. — Т. 10. — Вып. 3. // Бюллетень диалектологического сектора ин-та рус. яз. АН СССР. — Вып. 3. — М., 1948.
5. Программа собирания сведений для составления «Диалектологического атласа русского языка». — М.; Л., 1947.
6. Селигер: материалы по русской диалектологии. — Вып. 1-3. — СПб., 2003-2007.

Т.В. Габлина
(Тверь, Тверской государственный университет)

**Типология вариантных явлений
в говорах Тверской области
(на материале имен существительных)**

В диалектах репрезентация действительности происходит значительно шире, чем в литературном языке. Открытость диалектной системы как к литературному языку, так и междиалектному взаимодействию приводит к развитию вариантных явлений на всех уровнях языка. В говорах Тверской области варьирование языковых единиц подчинено общерусским тенденциям, однако в силу специфики их географического расположения на появление дублетов влияет в немалой степени и фактор экстралингвистический. В способности языка отражать явления мира в его вариантных знаках заложена не только идея преемственности, но и схема движения всей языкотворческой деятельности человека. При этом появление варианта не является случайным, оно предопределено видением, пониманием, культурологическими установками и формой жизнедеятельности диалектного общества.

В литературе последних лет проблема разграничения вариантов неоднократно рассматривалась в различных аспектах. Как правило, грамматическое варьирование оказывалось сопряженным со словообразовательными вариантами и проблемой тождества слова [1, с. 214—215].

При систематизации вариантов в говорах Тверской области выявлено, что они подразделяются на две большие группы: *морфологические варианты* и *лексико-морфологические*. Вторую группу вслед за Л.А. Глинкиной правильнее назвать *морфологическими дублетами*, т.к. они «связаны с синонимией словообразовательных аффиксов у однокоренных лексем и обладают большей потенцией к лексической самостоятельности, чем грамматические варианты» [3, с. 55].

Морфологические или грамматические варианты представляют собой «однокорневые лексемы с тождественным лексическим значением, различающиеся либо аффиксальными морфемами, либо грамматическими показателями, либо теми и другими одновременно»[2, с. 113]. Среди данных вариантов можно выделить две основные группы слов.

Первая группа включает в себя варианты, различающиеся формами числа:

Головяшка – головашки – «передок в санях, образуемый загнутыми кверху концами полозьев» [4];

Гороховина – гороховины – «стебли гороха»;

Каракуля – каракули – «железные вилы с загнутыми концами для стаскивания с телеги навоза»;

Крошня – крошни – «плетеная корзина для переноски на спине разной поклажи»;

Крюк – крюки – «железные вилы с загнутыми концами»;

Нарядка – нарядки – «праздничная одежда»;

Ночва – ночвы – «деревянное выдолбленное корытце с ручками, употребляемое для разделывания крупы»;

Черница – черницы – «черника (ягода)».

Вторая группа грамматических вариантов объединила формы, противопоставленные по родовой специализации:

Голбец – голбица – «деревянная дощатая пристройка к печи с дверью, ведущей в подполье; полка на печке»;

Жнива – жниво – «остатки стеблей сжатого хлеба»;

Забор – завора – «проезд в изгороди»;

Засек – засека – «царапина у лошади около копыта»;

Карзин – карзина – «ход в подполье, представляющий собою ящик на полу длиной около двух метров, расположенный у русской печи и открывающийся сверху»;

Копыл – копыло – «сидение прялки»;

Лёз – лёза – «лезвие косы»;

Ляд – лядо – ляда – «низкое болотистое место, заросшее кустарником, непригодное для пашни»;

Пелёд – пелёда – «боковая стена в передовине или просто щит из прутьев, соломы, защищающие от ветра площадку, где молотят»;

Подволок – подволока – «чердак»;

Шорош – шороша – «мелкий лед, который идет по реке весной после большого льда».

Основные причины в появлении грамматического партнерства кроются в самой системе диалектного языка, а именно в отсутствии строгой нормированности. Стихийный характер территориальных диалектов не позволяет лексической, грамматической и другим системам производить строгий отбор дублетов. Нередко грамматическое варьирование возникает из-за неясной этимологии заимствованного слова, обозначающего какую-либо реалию сельского быта.

Родовая вариантность часто появляется и в процессе нечеткого произношения слова, в условиях редукции, широко распространенной в говорах. Наконец, варианты единицы возникают из-за ярких процессов языковой аналогии, столь сильно подчиняющей себе многие явления как литературного, так и диалектного языка. Таковы, например, формы, противопоставленные по числовым показателям.

Группа лексико-морфологических вариантов (морфологических дублетов) наполнена значительно шире и включает в себя несколько разрядов слов, объединенных в тематические группы. Анализу подверглись дублеты трех тематических групп, представленных в говорах Тверской области большим количеством примеров и претендующих на явное отражение системности в появлении вариантов.

Все проанализированные единицы отражают дублетность суффиксального типа. Они характеризуются лексико-семантической общностью и в большинстве случаев абсолютной взаимозаменяемостью.

Варианты со значением «корзины»

Беркун – беркушка – «большая корзина из прутьев для переноски сена, мякины, картофеля».

Данные варианты различаются суффиксами -ун\ -ушк, при этом любопытно, что в литературном языке суффикс -ушк стилистически маркирован и включает в себе деминутивное значение. В исследуемых говорах суффиксальный сегмент -ушк не несет значения уменьшительности и является абсолютно нейтральной морфемой со значением предметности. Десемантизация суффиксальных единиц отражается и в следующих примерах:

Кужель – кужня – куженька – «большая плетеная корзина из прутьев для сена, картофеля».

Тройственный союз оформляют морфемы -ель\ -н\ -еньк, где суффикс -еньк также не маркируется значением уменьшительности.

Трехвариантность поддерживается в следующих лексемах:

Набирка – набирашка – набирушка – «маленькая корзиночка для ягод»;

Плетень – плетуха – плетёнка – «корзинка из ивовых прутьев или дранки».

Интересно функционирование таких вариантов на синтагматической оси. Словообразовательные отношения в данных иллюстрациях пересечены грамматической семантикой: помимо суффиксов-вариантов, в примерах наблюдается родовое различие (беркун – беркушка, плетень – плетуха), следовательно, семантически не обусловленные родовые модели атрибутивно дифференцируются.

Варианты со значением «жилые и хозяйственные строения и их части»

Сельник – сельница – «кладовая при доме»;

Сарай – сараюшка – «бревенчатая пристройка к задней стене двора для сельскохозяйственных нужд»;

Пуня – пунька – «сарайчик или пристройка ко двору для сельскохозяйственного инвентаря и разных отходов, сена, соломы»;

Придворок – придворня – «небольшой сарайчик для дров»;

Подпол – подпольник – подполье – «подполье»;

Подпечек – подпечка – «пространство под русской печью, иногда с овальным – отверстием для ухватов; зимой здесь держат кур, кладут дрова»;

Шиш – шишок – «пристройка ко двору для дров»;

Шалаш – шалашка – «сарайчик для дров или сельскохозяйственного инвентаря».

Различия данных вариантов в основном на уровне формальных обозначений. Так же, как и в предыдущих группах, суффиксальные сегменты характеризуются значением предметности и имеют широкое распространение в тверских диалектах.

Варианты со значение «предметы домашнего обихода»

Лагун – лагунка – «деревянная посуда для дегтя»;

Мот – мотуха – «моток пряжи»;

Одёр – одрина – «телега с плоским верхом и решетками сзади и спереди, предназначенная для перевозки сена, соломы»;

Половник – половница – половня – «большая разливательная ложка»;

Посудник – посудница – «полка для посуды, висящая на стене и состоящая из трех досок, соединенных друг с другом, расположенных одна над другой»;

Растворка – растворник – «опарник»;

Рукотёрка – рукотерник – «полотенце для рук»;

Скалка – скальница – скальня – «приспособление для наматывания ниток на шпульку»;

Сновалка – сновальник – «сновальный станок»;

Туес – туесок – «берестяной сосуд цилиндрической формы»;

Чапела – чапельник – «сковородник».

Как видно из примеров, данные варианты имеют различия и в формах рода, и в словообразующих элементах. Интересно, что обеим характеристикам свойствен признак статичности.

Небезынтересно рассмотреть родовые варианты в системе классифицирующих признаков.

Для существительных род является несловоизменяющей категорией, между тем говоры на формальном уровне отражают систему родовой изменчивости. Так, пара копыл – копыло представляется оппозиционными партнерами в отношении рода, но не в отношении лексической семантики. Разумеется, диалектная вариантность не нарушает категориальных признаков имени существительного, но в парадигматический ряд вносит свой коррективы.

Родовая специализация находится в смысловой корреляции с суффиксальными составляющими. Дублетность словообразовательных аффиксов вызвана различными причинами, еще недостаточно изученными в науке. Специфика вариантности в диалектном языке обусловлена прежде всего устной формой его существования. Диалектоноситель не производит сознательного отбора языковых средств, поэтому образование новых элементов подчинено наиболее употребительным схемам словообразования и формообразования.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957.
2. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: Уч. пособие. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973.
3. Глинкина Л. А. Морфологическая вариантность и неморфологическое словообразование в истории русского языка // Исследования по историческому словообразованию. — М., 1994.
4. Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. — Калинин, 1972.

О. Б. Власова
(Тверь, Тверской государственный университет)

Периферийная мотивация в словообразовательной паре

Вопросы семантической мотивации не имеют в лингвистической литературе достаточной проработки и не относятся к числу общеизвестных.

Как показывает практика, в ряде случаев значение производного слова полностью обусловлено значениями компонентов словообразовательной структуры, например: прямое значение узуального прилагательного *глухаринный* формируется на основе значения существительного *глухарь* ‘крупная промысловая птица из семейства тетеревиных’ и суффиксального форманта *-ин*; значение узуального существительного *домиц* формируется на основе значения существительного *дом* и суффиксального оценочного форманта *ик*; значение узуального существительного *лесостепь* – формируется на основе значения слов *лес* и *степь*. Такую семантическую мотивацию в словообразовательной паре мы назовем **п о л н о й**,

В оппозиции полной семантической мотивации находится мотивация **ч а с т и ч н а я**, когда семантика производного слова не полностью обусловлена компонентами словообразовательной структуры.

Частичную мотивацию можно усмотреть в примерах этимологически сложных слов, описанных Л.В.Рацибурской [4]: *белобрысый*, *курносый*, *колченогий* и т.п. Вторые части этих слов осознаются как корни на фоне корней в словах *белый*, *нос*, *ноги*.

Морфемная характеристика частей *брыс*, *кур*, *колч* с современной точки зрения остаётся не вполне неясной. Вместе с тем очевидно, что основное вещественное (корневое) значение этих элементов пусть и в затемненном виде, но сохраняется:

Белокожий – с белой кожей; *беловолосый* – с белыми волосами; *белобрысый*. – с белым чем-то; *белокурый* – с белым чем –то;

Длинноносый - с длинным носом, *толстоносый* – с толстым носом, *курносый* – с каким-то носом;

Хромоногий – с хромыми ногами, *длинноногий* – с длинными ногами, *колченогий* – с какими-то ногами.

Наличие соединительной гласной, как в сложных словах, и сохранение элементами *брыс*, *кур*, *колч* основного вещественного значения пусть и в затемненном виде позволяет говорить о корневом статусе этих элементов, а значит, о том, что прилагательные *белобрысый*, *курносый*, *колченогий* являются сложными словами частичной мотивации. Частичную мотивацию такого рода назовем *п о л о в и н н о й*.

Как представляется, частичная мотивация может быть не только половинной, но и *п е р и ф е р и й н о й*. Периферийную мотивацию обычно выделяют, если значение деривата осложнено семантическим компонентом, не обусловленным значениями компонентов словообразовательной структуры[3, с. 52], ср.:

В структуре деривата *рыжик* закреплены только периферийные значения: общекатегориальное значение субъекта ‘что-то’ и значение пассивного признака ‘рыжее’. Основное субъектное значение ‘гриб’ структурой не обусловлено.

Обусловленные структурой периферийные компоненты	<i>Что-то</i>	<i>Рыжее</i>
Не обусловленный структурой основной компонент	<i>Гриб</i>	

В структуре деривата *неваляшка* закреплены только периферийные значения: общекатегориальное значение субъекта ‘что-то’ и значение активного признака этого субъекта ‘не валится, не падает’. Основное субъектное значение ‘игрушка, кукла’ словообразовательной структурой не обусловлено.

Обусловленные структурой периферийные компоненты	<i>Что-то</i>	<i>не свалить</i>
Не обусловленный структурой основной компонент	<i>Игрушка определенного вида</i>	

При периферийной мотивации узуальных слов содержание основного компонента значения, не обусловленного структурой слова, определяется фоновыми знаниями, традицией и не зависит контекста: Такие дериваты называют обычно словами с фразеологичной, или идиоматичной семантикой [1, с. 9], [3, с. 53].

Поскольку обусловленный компонент значения ('что-то рыжее') во многих случаях оказывается менее важным в коммуникации, чем необусловленный компонент ('гриб'), ему отводят периферийное место в семантической структуре слова. Видимо, в силу этого стандартная семантическая мотивация такого типа и получила название периферийной.

Надо иметь в виду, что иногда вопрос о периферийном месте в структуре слова решается не столь однозначно. Например, в структуре возвратных глаголов *умыться*, *собратся*, *подняться*, *целоваться* закреплены значения конкретных действий 'умыть', 'собрать', 'поднять', 'целовать' и значение направленности на себя. Не обусловлены словообразовательной структурой объектные компоненты значения: 'свое лицо', 'свои вещи', 'всего себя', 'друг друга'. Можно ли утверждать, что глагольное значение основы является периферийным, а необусловленные значения объекта основные? Вряд ли. В этом смысле термин периферийная мотивация представляется не самым удачным.

Целесообразно, на наш взгляд, выделять разные виды периферийной мотивации: 1) обстоятельственную, 2) признаковую, 3) процессуальную, 4) сравнительную.

1. В случае **периферийно-обстоятельственной** мотивации обусловлено обстоятельное значение.

Так, в структуре деривата *перстень* закреплены только периферийные значения: общекатегориальное значение предмета 'что-то' и значение места приложения 'на палец'. Основное предметное значение 'украшение' структурой не обусловлено.

В структуре деривата *наперсток* закреплено общекатегориальное значение предмета 'что-то' и значение места 'на палец'. Предметный компонент 'металлический колпачок' и целевой

компонент ‘для защиты от повреждений’ структурой не обусловлен.

В структуре деривата визитка закреплено общекатегориальное значение предмета ‘что-то’ и значение цели, предназначения ‘для визита’. Основное предметное значение ‘карточка’ структурой не обусловлено.

2. В случае **периферийно-признаковой** мотивации обусловлено значение признака — процессуального, например, неваляшка или непроцессуального, например горбуша. Периферийно-признаковая мотивация возможна у существительных со значением а) неживых предметов, б) птиц и животных. Например:

а) В структуре отсубстантивного деривата волнушка закреплено периферийное значение непроцессуального признака ‘с волной’ и общекатегориальное значение предмета ‘что-то’. Основное предметное значение ‘гриб’ структурой не обусловлено.

В структуре отадъективного деривата сушка закреплено общекатегориальное значение предмета ‘что-то’ и периферийное значение непроцессуального признака ‘сухое’. Основной предметный компонент ‘выпечка определенного свойства’ структурой не обусловлен. В структуре деривата сушняк закреплено общекатегориальное значение предмета и периферийное значение непроцессуального признака ‘сухое’. Основной предметный компонент ‘упавшие ветки’ структурой не обусловлен. В структуре деривата белок закреплено общекатегориальное значение предмета ‘что-то’ и периферийное значение непроцессуального признака ‘белое’. Основной предметный компонент ‘часть яйца’ структурой не обусловлен. В структуре деривата медовуха закреплено общекатегориальное значение предмета и периферийное значение непроцессуального признака ‘медовое’. Основной предметный компонент ‘алкогольный напиток’ структурой не обусловлен.

б) В структуре отсубстантивного деривата горбуша закреплено общекатегориальное значение субъекта ‘что-то’ и значение непроцессуального признака ‘с горбом’. Основное субъект-

ектное значение 'рыба' структурой не обусловлено. В структуре деривата глухарь закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и периферийное значение признака 'глухой'. Основной субъектный компонент 'птица' структурой не обусловлен.

3. В случае **периферийно-процессуальной** мотивации обусловлен процессуальный компонент значения. Среди дериватов такой мотивации много глаголов. Например, в структуре деривата выделать закреплено значение конкретного действия 'делать'. Объектный компонент 'кожа' структурой не обусловлен. В структуре деривата умыться закреплено значение конкретного действия 'умыть' и значение возвратности. Объектный компонент 'лицо' структурой не обусловлен.

В структуре деривата взятка закреплено общекатегориальное значение предмета 'что-то' и значение конкретного действия 'взять'. Предметный компонент 'мед' и субъектный компонент 'пчелы' структурой не обусловлен.

В структуре деривата пойло закреплено общекатегориальное значение предмета 'чем' и значение конкретного действия 'пить'. Основной предметный компонент 'скот' и признаковый компонент 'питательное' структурой не обусловлен.

В структуре взятка закреплено общекатегориальное значение предмета 'что-то' и значение конкретного действия 'взять'. Основной предметный компонент 'деньги или подарок', а также целевой компонент 'в оплату' и компонент образа действия 'незаконно' структурой не обусловлены.

Многие дериваты периферийно-процессуальной мотивации имеют значение лица. В этом случае появляется еще один целевой необусловленный компонент значения — 'по роду служебной, профессиональной деятельности'. Приведем примеры:

В структуре деривата переписчик закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и значение конкретного действия 'переписывает'. Объектный компонент 'служебные бумаги' и целевой компонент 'по роду служебной деятельности' структурой не обусловлен. В последнее время у деривата *переписчик* появился еще один необусловленный объектный ком-

понент 'население' и целевой компонент 'в рамках Всероссийской переписи по роду служебной деятельности'. В структуре деривата писатель закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и значение конкретного действия 'пишет'. Объектный компонент 'книги' структурой не обусловлен. В структуре деривата водитель закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и значение конкретного действия 'водит'. Объектный компонент 'машина' структурой не обусловлен. В структуре деривата кашевар закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и значение конкретного действия 'готовить'. Объектный компонент 'еда' структурой не обусловлен. В структуре деривата комментатор закреплено общекатегориальное значение субъекта 'кто-то' и значение конкретного действия 'комментировать'. Объектный компонент 'матч' или 'политика' структурой не обусловлен.

4. Как разновидность периферийной мотивации выделяем также периферийно-сравнительную мотивацию. В этом случае значение производного слова определяется по сравнению с производящим словом и конкретизируется на основе фоновых знаний или в контексте. Для дешифровки значения производного при периферийно-сравнительной мотивации нужно сравнить предмет рассуждений и предмет, называемый производящим словом. В результате периферийно-сравнительной мотивации значение деривата приобретает переносный характер [2, с. 61—69].

Например, узуальный глагол змеиться мотивирован существительным змея 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами'. Суффикс *-и-* вносит значение действия, постфикс *-ся* — значение безобъектности: (Ср.: ветвиться 'пускать от себя ветви' — *ветвь*. СЗ действия по объекту). Сумма значений составляющих компонентов — безобъектное действие, связанное со змеей. Однако значение глагола змеиться шире: глагол характеризует действие не при помощи змеи и не самой змеи, а другого объекта, который ассоциативно напоминает змею (словообразовательное значение действия по объекту сравнения: действовать, как змея). Таким

образом, в структуре деривата *змеиться* закреплено общекатегориальное значение действия и значение сравнения ‘змея’. Конкретное значение действия ‘простирается изогнутой линией, извиваться, как...’ (а не убивать ядом, не душить) структурой не обусловлено и определяется посредством сравнения с производящим словом на основе фоновых знаний.

Глагол *ввинтиться* периферийно мотивирован прямым значением существительного *винт* ‘металлический стержень с резьбой’. Суффикс *-и-* вносит значение действия, постфикс *ся* – значение безобъектности. Однако глагол характеризует действие не винта, а объекта, который ассоциативно напоминает винт. В структуре деривата *ввинтиться* закреплено общекатегориальное значение действия и значение сравнения ‘винт’. Конкретное значение действия ‘изворотливо, применяя хитрость, проникнуть куда либо, как...’ структурой не обусловлено и определяется посредством сравнения с производящим словом на основе фоновых знаний.

Аналогично: однокоренные слова *ежиться* и *ёжик* периферийно мотивированы существительным *ёж* ‘небольшое животное с иглами на теле’ и приобретают в результате этого метафорический характер: глагол *ёжиться* и существительное *ёжик* характеризуют действие и внешний вид не ежа, а объекта или даже субъекта, который напоминает ежа. Компоненты, не отражённые в структуре слова, – ‘сутулясь, сжиматься всем телом, как...’; ‘мужская причёска в виде коротко остриженных стоячих волос, как...’ – определяются на основе фоновых знаний посредством сравнения (как *ёж*, как у *ежа*).

Существительное *школярство* мотивировано существительным *школяр* ‘школьник’. Не обусловленный структурой слова компонент ‘несамостоятельный подход к чему-то’ устанавливается по сравнению с производящим словом (как *школяр*, как ребёнок школьного возраста) на основе фоновых знаний.

Существительное *щука* ‘хищная пресноводная рыба’ мотивирует глагол *щучить*, приобретающий в результате периферийно-сравнительной мотивации (как *щука*) необусловленный компонент значения ‘ругать, пробирать’.

Собственное существительное *Эзон* мотивирует прилагательное *эзоновский*, приобретающее в результате сравнения с производящим (как *Эзон*) необусловленный компонент значения ‘полный иносказаниями, недомолвками’.

Существительное *бисер* ‘мелкие стеклянные цветные зёрнышки, бусинки’ мотивирует прилагательное *бисерный*, приобретающий в результате периферийно-сравнительной мотивации (как *бисер*) необусловленный компонент значения ‘мелкий’ (бисерный почерк).

Существительное *бирюза* ‘драгоценный камень голубого цвета’ мотивирует прилагательное *бирюзовый*, приобретающее за счёт периферийно-сравнительной мотивации (как *бирюза*) необусловленный компонент значения ‘цвет’.

Существительное *бич* ‘длинная плеть, кнут’ мотивирует глагол *бичевать*, приобретающий в результате сравнения с производящим (как бичом) необусловленный компонент значения ‘подвергать суровой критике’.

В представленных случаях идея сравнения имплицитна и заключена в периферийном компоненте:

В других дериватах идея сравнения выражается эксплицитно, посредством аффиксов и содержится в обусловленном компоненте, а периферийный компонент имеет только характеризующее значение. Например: наречие *петушком* семантически мотивировано прямым значением существительным *петушок* ‘маленький, невзрослый самец курицы’, но характеризует действие не петушка, а субъекта, который повадками напоминает петушка. Суффикс *-ом* имеет значение сравнения. Компонент, не отражённый в структуре слова ‘о движении куда-н.: семена сбоку или позади кого-н. с заискивающим видом’), определяется при сравнении (как *петушок*) на основе фоновых знаний.

Заметим в заключение, что обычно периферийная мотивация возможна только на основе прямой мотивации. Среди новообразований возможна также периферийная мотивация переносным значением. Например, новообразование *лопухоид* (Д.Емец) семантически мотивировано вторым переносным значением существительного *лопух* ‘о глупом человеке, простаке’

и имеет не обусловленный структурно компонент значения 'не владеющий искусством магии'.

Список литературы

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973.
2. Козинец С. Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. — № 2. — 2007. — С. 61—69.
3. Пастушенков Г. А. Современный русский язык. Структура слова: морфемика, формообразование, словообразование. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004.
4. Рацибурская Л. В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. — М.: Наука, 2009.

Л. Г. Яцкевич
(Вологда, Вологодский государственный
педагогический университет)

Неизменяемые прилагательные в русских народных говорах¹

Процесс увеличения неизменяемых слов и словоформ нарастает в истории русского языка и в современном его состоянии в связи с несколькими факторами [1; 3; 5, с. 166—174; 7; 8]. Одним из этих факторов являются процессы деморфологизации в русском языке, которые исследованы недостаточно. Сам этот термин употребляется в научной литературе неоднозначно и используется в основном для описания неиндоевропейских языков [4, с. 66—74]. Проявления деморфологизации в русском языке трактуются в типологическом плане по-разному. Преобладает мнение о нарастании аналитизма в русском языке. Но возможна и иная типологическая интерпретация, согласно которой в русском языке развиваются черты, характерные для изолирующих языков [5, с. 171—173].

Процессы деморфологизации характерны не только для литературного русского языка, но и для русских народных говоров. В данной статье рассматриваются неизменяемые прилагательные в русских народных говорах. В большей степени этот тип прилагательных изучен на материале литературного языка и в меньшей – на материале диалектной лексики.

Далее речь пойдёт об одном из разрядов неизменяемых гибридных слов, по своей семантико-синтаксической функции подобных прилагательным, но являющихся морфологически неизменяемыми.

По данным СРНГ, СВГ и Д, существует несколько тематических групп диалектных аналитических прилагательных.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 08-04-00-268а.

1. Обозначения оттенков цвета у предметов:

сала ‘близкий к алому цвету’ *Купила ситчу на кофту, эдакой розовой, пожалуй, сала будет. Баб.* [СВГ, вып. 10: 86];

сбела ‘с белым оттенком’ *Мздра у него чиста, так сбела така. Том.* [СРНГ, вып. 36: 168];

сбуса ‘с сероватым оттенком’ *Боровик сбуса, как мох, така курчава [шляпка] Том.* [СРНГ 36: 196];

сголуба ‘с голубым оттенком’ *У меня глаза сголуба. Арх. У Манчи косынка маленечко сголуба. Иркут.* [СРНГ, вып. 37: 31]

сзелена ‘с зелёным оттенком’ *Кора у дыни сзелена, быдто не поспела. Хабар.* [СРНГ, вып. 37: 262];

сжелта ‘с жёлтым, желтоватым оттенком’ *Морошка сжелта така. Свердл. Сырой груздь – он сжелта, а сухой - он белый. Новосиб. Осина по цвету сжелта, а листа зелёненькие. Краснояр.* [СРНГ, вып. 37: 259]; *У белянки там скрасна ли, сжелта ли. Плес.* [СРГК, вып. 6: 82];

скрасна ‘с красным оттенком, красноватый’ *Рубашку купила, скрасна такая. Баб. Еловики-те – они скрасна. К-Г.* [СВГ, вып. 10: 31]; *Масляки желты, волнушки скрасна немного. Плес.* [СРГК, вып. 6: 130];

скоричня ‘близкий к коричневому цвету, коричневатый’ *Команица? Такие они скоричня, низенькие веточки. Тот.* [СВГ, вып. 10: 27];

ссера ‘с сероватым оттенком’ *Небо-то сѣдни сера, неуж дождь будет? Баб.* [СВГ, вып. 10: 113];

сукрасна ‘напоминающий по цвету красный, красноватый’ *Есь черника, мелковата. Дак это они зелёны, ягоды-ти, сукрасна. Сямж.* [СВГ, вып. 10: 156];

избела ‘беловата’ *Избела она земля-то. Челяб.* [СРНГ, вып. 12: 91];

изголуба ‘с голубоватым оттенком’ *Изголуба-серый, изголуба-зеленоватый отлив пера.* [Д, II: 19];

изжелта ‘желтоватый, с жёлтым отливом’ [Д, II: 22];

иззелена ‘зеленоватый’ [Д, II: 19].

В словаре В. И. Даля место фиксации неизменяемых прилагательных не указано.

2. Обозначения масти животных:

сбура ‘с бурым оттенком’ *Хорёк-то сбуре, а колонок, тот лучшие.* Том. Змеи: чёрная – лесная, серы – луговые и сбуре. Свердл. Арх. Красна-красна – сбуре лисица. Плоть жёлтая, а касатка сбуре. Амур. Хабар. [СРНГ 36: 194];

сбуса ‘с сероватым оттенком’ *Лошадь была сбуса.* Ср. Урал. [СРНГ 36: 196];

сбела ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т.п.)’ *Встречаются изредка и белые маралы или сбела.* Горно-Алт. У ей брюшко сбела, и горбушка серая, черноватая. Амур. Хабар. [СРНГ 36: 168];

сбелёса ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т.п.)’ [СРНГ 36: 168];

скрасна ‘с красным оттенком’ *Марал бусый сбелёса, летом он скрасна* [СРНГ 36: 168];

сворона, счерна ‘с чёрным оттенком’ *Сворона не конь, счерна не медведь.* Том. [СРНГ 36: 327];

скаря ‘с оттенком карего цвета (о масти лошади)’ *Коней не видали? - А каких? – Один гнедой эдак скаря, другой серой.* Тобол. [СРНГ 37: 392];

счерна ‘черноватый’ *Карой конь, он счерна и маленько скрасна смотрит.* Киров. [СРНГ 38: 125].

исседа ‘с беловатой шерстью (о шкурках животных)’ *Шкурки-то у них исседа.* Свердл. [СРНГ, вып. 12: 250].

3. Обозначения цвета волос человека:

сруса ‘русоватый’ *Девочка-то у Марии хорошенькая, беленькая, волосики чуть сруса.* Баб. [СВГ, вып. 10: 111];

срыжа ‘рыжеватый’ *Волосы-то у него не русые, а, пожалуй, даже срыжа.* Баб. [СВГ, вып. 10: 111];

4. Обозначения характеристики внешности человека, черт характера:

сприкоса ‘страдающий небольшим косоглазием’ *Сприкоса matka у него была: глаз косил.* Вож. [СВГ, вып.10: 105];

впродоль ‘продолговатой формы’ *У неё ... нос впродоль. Такая высокая женицина, лицо такое впродоль.* Карг. [СРГК, вып. 1: 240];

спроста ‘простодушный, глуповатый’ *Девка-то её младшая была вроде спроста?* (д. Квасюнино, Шексн., Волог. обл.)

5. Обозначения температурных и иных физических характеристик предметов:

впрогорячь ‘не очень горячее’ *Сукно нагревается, чтобы было впрогорячь. Впрогорячь – это не сильно горячее и не сильно остывшее* Свердл. [СРНГ 5: 178];

впросух ‘не совсем сухой’ *Торцовая сторона не даётся огранке ни на сухом, ни на мокром. Надо впросух.* Свердл. [СРНГ 5: 179];

впросыр ‘сыроватый’ *Сено-то ещё впросыр. Хлеб-от впросыр, не испёкся в печи.* Свердл. [СРНГ 5: 180];

впрохолодь ‘холодноватый’ *Впрохолодь покушали щи-то.* Челяб.; [СРНГ 5: 190];

невпросушь ‘о чём-либо недосохшем, влажном’ *Не буду белё убирать, ещё неvwпросушь. Ждали-ждали, да так неvwпросушь и загребли сено-то. Сямж. Сено-то сёдни неvwпросушь, так тяжело носить далеко, поэтому и стог здесь ставим.* Шексн. [СВГ 4: 88];

измокра ‘о подмоченном сыроватом (хлебе)’ *Когда хлеб измокра, он заплесневает.* Новосиб. [СРНГ, вып. 12: 148].

Следует отметить, что в различных исторических и диалектных словарях данный тип слов характеризуется по-разному: в одних словарях как наречия, в других – как прилагательное, а в отдельных случаях грамматическая помета вообще отсутствует. «Такое разнообразие связано в определённой мере с характером материала, которым располагали лексикографы, и, по-видимому, с теоретическими установками, принятыми составителями словарей» [6, с. 159].

Однако нам представляется, что причина кроется в характере самих слов, подвергшихся деморфологизации. Например, в СРНГ слово *скрасна* ‘с красным оттенком’ квалифицируется как наречие, однако приведённые примеры вызывают сомнения: *Карой конь, он счерна и маленько скрасна смотрит.* Киров. *Краснокоренка – маленькая травка, её от сердца и от печени пьют: цветёт беленьким цветочком, комелёк-от и ли-*

стья-то скрасна. Перм. *Полевые дикie козы летом-то они скрасна*, зимой *серы*. Свердл. *Одно худо – рыжий, скрасна даже*. Урал. [СРНГ 38: 125]. В этих примерах неизменяемые слова семантически соотносятся с прилагательными (*беленькие цветочки – листья скрасна, летом козы скрасна – зимой серы, рыжий – скрасна*), что говорит о том, что эти неизменяемые слова также являются прилагательными. Л.М. Кознева так доказывает принадлежность подобных слов к прилагательным: «Контексты с этими образованиями, зафиксированные в вологодских говорах, отражают функциональную общность данных лексем: они выступают в качестве предиката в предложениях характеристики. Коммуникативной целью этих высказываний является находящаяся в предикативной части характеристика субъекта, имеющего референтную определённость. В таких предложениях предикат выражает признак, свойство предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, и обычно обозначается качественным прилагательным» [6, с. 159]. Автор делает вывод о том, что данные неизменяемые слова являются аналитическими прилагательными [6, с.159]. Эти доказательства и выводы являются убедительными, поэтому мы присоединяемся к мнению Л.М. Козневой и также считаем данные образования аналитическими прилагательными. Следует отметить в связи с этим интересный случай, когда в словаре неизменяемое прилагательное представлено как одна из форм обычного прилагательного: *Сбелой и сбелый*, прил. ‘беловатый’ *У обыкновенной берёзы листочки кругленьки да зелененьки, а у гладыша лист сверху зелёный, а снизу сбела сторона*. Канд. [СРГК, вып. 6: 5].

Аналитические прилагательные современного литературного языка (*беж, электрик, хаки, бордо* и др.), выделенные в 1950—1970-е годы в особый лексико-грамматический класс А. А. Реформатским и М. В. Пановым [7], возникли в русском языке в результате заимствований, а также в результате развития тенденции к деморфологизации именных частей речи. Однако истоки этого процесса, столь характерного для языка XX века, кроются в древнем языке: «Какие-то неизменяемые имен-

ные лексемы могли быть унаследованы и из праславянского языка. Ещё А. Вайан отмечал наличие неизменяемых прилагательных в старославянских текстах: *испынь, свободу, сугубь, оудобь* [2, с. 156-157]. Есть грамматическая помета *прил. нескл.* и в ССС. Но вопрос о круге слов, которые в древности могли быть квалифицированы как неизменяемые прилагательные, требуют специального рассмотрения» [6, с. 160].

Как отмечает Л.М. Кознева, слова типа **сбела** исторически восходят к предложной форме родительного падежа краткого прилагательного. «На древность данной модели обращает внимание Н.В. Чурмаева, отмечая, что образования «с...а» встречаются уже в старейших памятниках. По её наблюдениям, наречия, обозначающие оттенки цвета, активно образовывались по этой модели в языке XVI – XVII вв. [9, с. 115]. Такого рода примеры, датируемые XVII в., представлены и в «Словаре русского языка XI – XVII вв. (вып. 24: 116): *сжелта* (*Сжелта*, нареч. В сочетании с прил. Желтоватого оттенка, с желтизной. — ... *бархат травчатой красной, окладка дорги полосатые сжелта с кистьями шелковыми*. Кн. П. Уст 1683 ... *руда сжелта красновата*. ДАИ X. 1683 -1698)» [6, с. 157].

В отличие от аналитических прилагательных современного литературного языка диалектные неизменяемые прилагательные имеют древнее происхождение, и можно предположить, что их появление относится к эпохе формирования наречий как особой части речи, когда в текстах встречались различные образования синкретического характера. Е.И. Янович, исследователь истории наречий в русском языке, считает, что первоначально образования *с....а*, ставшие затем наречиями, появились на базе субстантивации прилагательного с предлогом. Она приводит такой пример: *А которые дела дадут дъяки подъячим с черна начисто переписывати* (Суд. 1550. л. 18), а затем указывает, что «в этом контексте словосочетание *с черна на чисто* связано с глаголами отношения управления, а не примыкания в связи с чётким пространственным значением предлогов. По этой причине формы *с черна* и *на чисто* следует определить как субстантивы, формирование которых должно

было происходить в условиях атрибутивно-именной конструкции» [10, с.72]. Исторически субстантивированные прилагательные с предлогом встречаются и в современных говорах, например: существительное *сбуса* ж. ‘примесь другого цвета в масти лошадей’ Свердл. [СРНГ 36: 196]. Важно подчеркнуть, что во всех рассмотренных выше примерах диалектные неизменяемые прилагательные употребляются в предикативной позиции. По всей видимости, употребление исходных форм прилагательных с предлогом в позиции сказуемого в двусоставном предложении и привели к образованию аналитических прилагательных, в то время как их употребление в обстоятельственной позиции привело к образованию наречий. Существенную роль сыграла и лексическая семантика прилагательных, обозначающих цвет предметов, цвет волос человека или масть животных, не предполагающая обстоятельственной семантики, а только атрибутивную или предикатную. Общим семантическим признаком, объединяющим все структурные типы диалектных неизменяемых прилагательных, является значение неполной степени качества. Эти аналитические прилагательные мотивированы обычными прилагательными и относятся к модификационному типу словообразования. С современной точки зрения, для их образования используются в основном два способа словообразования: префиксально-суффиксальный – с помощью конфикса *с...а* (*бурый* → *сбура*, *белый* → *сбела*, *белёсый* → *сбелёса*, *красный* → *скрасна*) и *из...а* (*белый* → *избела*, *жёлтый* → *изжелта*, *мокрый* → *измокра*, *седой* → *исседа*), а также префиксальный – с помощью исторически производного префикса *впро-* (*горячий* → *впрогорячь*, *сухой* → *впросух* и *впросуш*, *сырой* → *впросырь*, *холодный* → *впрохолодь*). Словообразование в этих моделях сопровождается морфологическими процессами усечения флексии и во втором случае - чередованиями конечных согласных основы.

Судя по данным СРНГ и СВГ, неизменяемые прилагательные употребляются в севернорусских и сибирских говорах.

Список литературы

1. Астен. Т. Б. Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты : Дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д, 2003.
2. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. — М., 1952.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2001.
4. Идиатов Д. И. Частичная антиморфологизация: пример из глагольной морфологии языка тура // Вестник языкознания. 2009. — № 2. — С. 66—74.
5. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. — М.: 2007.
6. Кознева Л. М. Неизменяемые прилагательные в вологодских говорах и их лексикографическое представление // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. Сб. научных статей. — Вологда, 2006. — С. 156-163.
7. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М., 1999.
8. Тираспольский Г. И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. — Сыктывкар, 2003.
9. Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. — М., 1989.
10. Янович Е. И. Наречие в истории русского языка: Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий. — Минск: Изд-во БГУ, 1978.

Словари

Д — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978. — Т. 1—4.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12 / Ред. Т. Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. — Вологда, 1983-2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1-23), Ф. П. Сороколетов (вып.24-39). — М., Л.; СПб.: Наука, 1965-2005.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. — Вып. 1, 1994. — Вып. 6, 2005.

Л. С. Головина
(Псков, Псковский государственный
педагогический университет им. С. М. Кирова)

Лингвокультурологическое комментирование онимов учебников русского языка для иностранцев

В последнее время, в условиях глобализации и становления мультикультурного общества, закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам межкультурной коммуникации. Язык как один из видов человеческой деятельности оказывается составной частью культуры. Оба этих явления представляют собой две самостоятельные семиотические системы: знаками языка являются слова, в то время как знаками культуры – ритуалы, символы, эталоны, ментальные образования. Однако в зоне их наложения и взаимопроникновения складывается третья семиотическая система – лингвокультура, в которой, по мнению В.Н.Телии, знаки языка выступают как тела знаков культуры [5, с. 118]. В лингвокультуре языковые единицы наделяются дополнительными культурными коннотациями – функционально значимыми для культуры смыслами, для адекватной дешифровки которых человек должен обладать культурно-языковой компетенцией.

В лингвокультурологии язык рассматривается как путь, по которому человек может проникнуть в современную ментальность нации. По словам В.А. Масловой, отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, онимах [2, с. 14].

Культурно-историческая ценность имен собственных доказана многими исследователями, занимающимися ономастикой. Так, уже в 1993 г. в материалах к серии "Народы и культуры» год был сделан вывод о необходимости теоретического обоснования ономастики как науки, теснейшим образом связанной с человеком: в ономастической картине мира воплощается ха-

ракти культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя" [3, с.3].

Однако декларирования данного факта недостаточно. Для иностранцев, изучающих русский язык и не имеющих фоновых культурных знаний, необходимы дополнительные лингвокультурологические комментарии, поясняющие роль обозначаемой онимом реалии с возможных культурных позиций.

Рассмотренные нами несколько учебников русского языка как иностранного (РКИ) содержат достаточное количество имён собственных для воссоздания полноценной картины «русского мира»: от 89 единиц культурно маркированных онимов (учебник В. Е. Антоновой и др. «Дорога в Россию» [1]) до 146 в книге Ю. Г. Овсиенко «Русский язык для начинающих» [4]. Большая их часть проиллюстрирована с помощью текстового описания обозначаемой реалии, построенного по типу лингвострановедческого комментария, и посредством метода остенсивного комментирования. Объём учебника, рассчитанного на определённый курс обучения, конечно, не позволяет авторам раскрыть культурный потенциал всех соответствующих имён собственных в основном тексте. Но эта необходимая для реципиента информация могла бы содержаться в лексикографическом комментарии (редко встречающемся в учебниках РКИ), размещаемом в конце книги или в сносках внизу страницы. Приведём несколько примеров такого комментария, разработанных нами для урбанонимов, встречающихся в учебниках для продвинутого этапа обучения.

Улица Арбат (от тюркского «арба» — ‘застрывать’: по причине бурной торговли на этой улице было грязно и здесь часто застревали телеги) — старейшая улица Москвы (XIV—XV вв.), находящаяся в одном из ее исторических районов. Первоначально здесь селились ремесленники и купцы, но к концу 18 века их вытеснили дворяне: в 19 веке жить на Арбате считалось престижно и модно. Именно поэтому с названием этой улицы связано огромное количество фамилий, оставшихся в русской истории: Толстые, Гагарины, Долгорукие... В конце XX века на Арбате была создана пешеходная зона с обилием маленьких магазинов и кафе, оживлённой уличной торговлей. Здесь работают

художники, выступают уличные певцы, продаются русские сувениры.

Сенатская площадь (с 1925 — Площадь Декабристов) — одна из центральных площадей Санкт-Петербурга. Сенатская площадь была названа так в 1763 году после размещения на ней правительственного учреждения Сената. Является одной из самых старых и культурно значимых площадей города. Здесь располагается кафедральный Исаакиевский собор, в 1782 году открыт памятник Петру I ("Медный всадник"). В декабре 1825 года у его подножия произошло исторически значимое восстание Декабристов, жестоко подавленное властью. В 1925 году к 100-летию этого события площадь стала называться Площадь Декабристов.

Таким образом, лексикографическое комментирование имени собственного является приемлемым и информативным способом его культурной семантизации в учебниках РКИ, в результате которой знаки национальной культуры, отраженные в языке, будут представлены иностранцу наиболее полно и широко.

Список литературы

1. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). — В 2 т. — 3-е изд. — СПб.: Златоуст, 2009.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов вузов. — Изд. 2-е. — М.: Академия, 2004. — 208 с.
3. Материалы к серии "Народы и культуры". — Вып. 25: Ономастика. — Кн. 1. Имя и культура. — М.: ИЭА РАН, КМЦ, 1993.
4. Овсиенко Ю. Г. Русский язык для начинающих: Кн. 1: Учебник для говорящих на английском языке. — Изд. 13-е, испр. — М.: Русский язык, 2003.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

А.М. Неволина
(Вологда, Вологодский государственный
педагогический университет)

Особенности именования посадских людей и крестьян в Писцовой книге Тотьмы начала XVII века

Писцовые книги – это сводные документы хозяйственных описаний, систематически и централизованно проводившихся в Московском государстве в XV—XVII вв. «Писцовая и межевая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Коллюпанова 1623—25 гг.» [1] относится к первой после событий Смутного времени общегосударственной переписи.

Формуляр писцовой книги включал в себя три части: вступление, основную часть и заключение. Основная часть, в свою очередь, делилась на описание посада (торгово-ремесленного центра уезда) и волостей (объединений из сел и деревень, формирующих основную территорию уезда). Посад населяли посадские люди, население волостей составляли крестьяне и полovníки; особое положение и на посаде и в деревнях занимали бобыли.

Посадское описание и описание волостей имели ряд характерных особенностей (различались объемом, композицией и т. д.), в том числе и антропонимических. «Как свидетельствуют наказы писцам, принципы описания посадских людей и крестьян в писцовых книгах были различны» [2, с.103]. Проследим, как реализуются эти принципы в именовании посадских и деревенских жителей в «Писцовой книге гор. Тотьмы с посадом и уездом 1623-25 гг.».

К концу XVI – началу XVII вв. двухкомпонентная антропонимическая формула прочно закрепилась за именовании людей в документах деловой письменности. Однако односложные антропонимы, представленные одним только личным именем, не ушли из памятников письменности бесследно. Об этом сви-

детельствует и наш документ. Во-первых, однокомпонентные имена в Писцовой книге Тотмы называют представителей духовенства: во дв. Рождественской *поп Иван* (л. 32), во дв. *дьякон Давыд* (л. 61об), во дв. *просвирница, черноризица Марья* (л. 65).

Во-вторых, одночленные антропимы регулярны в подворных описаниях с указанием нескольких жителей данного подворья. В этом случае одним только личным именем назывался сын (дети) или брат (родной брат) дворовладельца: во дв. Васка Олексеев да *сын его Первушка* да *брат Васкин Сидорка* (л.607об), во дв. худой человек Степанко Кузмин с. Кусков да *дети иво Федоска* да *Иванко* (л.56), во дв. Фомка Васильев с. Евдокимова да *брат ево родной Иванка* да двоюродный брат Микитка Пятого (л.73).

Если двор был записан за женщиной (как правило, вдовой), рядом с ее именем обязательно записывались имена ее детей: дворище вдовы Овдотицы Третьяковы жены Гурелева да *сына ее Марка* (л.52); дворище Предотеченского попа Ивана Прокофьева, а владеет после попа попадья его Улита з *дочерю з девкою Марицею* (л.38об-39). Как правило, именно дети дворовладельца, а не его жена получали право наследования, в связи с чем их именованья обязательно фиксировались составителем документа.

Таковы основные условия появления однокомпонентных именованний в тексте Писцовой книги. Заметим, однако, что эти условия не всегда соблюдались составителями документа. Так, Писцовая книга Тотмы 1623-25 гг. дает нам немало примеров двухкомпонентных имен церковнослужителей. Например, понамарь *Иванко Сергеев* (л.38), поп *Иван Прокофьев* (л. 38об), дьячок церковной *Ондрюшка Яковлев с. Попов* (64об, 92), поп *Офонасей Дорофеев* (л.106), дьякон *Шумилка Максимов* (л. 46), понамарь *Безсонка Иванов* (л. 845об). Подобные имена называют церковнослужителей посада и наиболее крупных волостей. Здесь мы сталкиваемся с явлением сближения-влияния светского именника на церковный. Условием для этого могла стать активная экономическая, промысловая, социальная жизнь наиболее крупных центров тотемского уезда, где дело церков-

нослужителей воспринималось в ряду других профессий и занятий населения, теряя ареол святости. Впрочем, имена священнослужителей, живших в миру, всегда более последовательно отражали мирской именник, чем монашеские имена [3, с.212].

Не однокомпонентные, а двухкомпонентные именования близких родственников встречаются только в описании Тотемского посада: во дв. вдова Федотья Петрова жена Пахирева да дети ее *Митрошка* да *Макарка Пахиревы* (л. 54), во дв. Сенка Дружинин с. Нечаев да брат его *Пятунка Нечаев* (л. 565). На месте второго компонента в них, как правило, стоит не патроним, а фамильное прозвание, более точно указывающее на семейные, родовые связи именуемых (дв. Пятунки *Зонова* да *детей иво* Вахрушка да Кондрашка *Зоновых* (л. 31об-32)), записанных за одним двором. Таким образом, в посадском описании мы наблюдаем более прогрессивные принципы номинации лица, проявившиеся в вытеснении традиционно однокомпонентных именовании двухкомпонентными.

Впрочем, появление двусоставных именовании на месте традиционно односоставных вполне закономерно. «Для писцовых, дозорных и сотных книг XVI в. общим стандартом было использование двухкомпонентной антропонимической формулы (личное имя + патроним, образованный от личного имени отца при помощи притяжательного суффикса *-ов/-ев/-ин*)» [2, с.102].

В описании посада двухкомпонентной формулой выражено 47,3 % антропонимических единиц: худой человек тюремной сторож *Федка Басарыгин* (л. 81), худой человек *Филка Костентинов* с. судовой ярыжной (л. 77об), бобыль *Першка Нелюбин* (л. 13об), молотчей человек площадной дьячок *Микифорко Тимофеев* да зять его худой человек *Сенка Суслов* (л. 56). Однако далеко не всегда второй компонент – это отчество, образованное от личного имени отца. У 12% посадских именовании второй компонент – прозвище (*Иванко Губан* (л. 122), *Федка* да *Ондрюшка Веселые* (л. 91об)), у 29% – фамильное прозвание (*Степка Роспотин* (л. 83об), *Родя* да *Конд-*

ратей да Григорей *Сусловы* (л. 71об)), в 58,8% случаев – патроном как таковой.

В описании тотемских деревень двусоставные именованья в среднем составляют 54, 5% (от 45% до 60% в различных волостях) антропонимов, что в целом соответствует тому же показателю в посадском описании Тотемской Писцовой книги. Однако, в отличие от именованья посадских людей, состав двухкомпонентных именованья сельских жителей более однороден: второй компонент в подавляющем большинстве случаев (от 92% до 100%, в зависимости от волости) выражен отчеством, прозвища и фамильные прозвания здесь единичны. Волостная антропонимия в большей степени отличается стандартностью и традиционностью, посадская – гибкостью антропонимических норм.

Обратимся к вопросу о месте, функциях, отношении двухкомпонентных и трехкомпонентных именованья в тексте нашего памятника. Важно определить, как составители документа отвечали на этот вопрос, разграничивали ли они именованья «по имени и отцу» от именованья с фамилией, чем руководствовались при выборе того или другого.

В начале XVII века за трехкомпонентным именованьем, включающим фамилию, еще не был закреплён официальный статус (что произошло только в середине столетия), однако трехчленные антропонимы активно проникали в язык деловой письменности, смешиваясь с двухкомпонентными именами. В начале столетия компонентный состав антропонима был настолько неустойчив и подвижен, что часто имя в тексте памятника встречалось и в форме двух-, и в форме трехкомпонентного сочетания.

В Тотемской Писцовой книге 1623-1625 гг. подобная вариативность характерна прежде всего для имен посадских людей. Посадское описание включает в себя не только описание дворов, но и огородов, хозяйственных построек (амбаров и т. д.), мест торговли (лавок, лавочных мест, прилавков), кузниц, варниц и прочих объектов хозяйственной деятельности городского населения XVII века. Имя жителя посада повторяется в памятнике столь часто, сколь широк был круг его занятий (торговля,

огородничество и т.д.). Неоднократное повторение способствовало появлению нескольких вариантов именования, используемых составителями документа в определенных случаях: лавка *Ивашка Потемы* (л. 2об), во дв. средней человек *Иванко Сидоров с. Потема* (л. 78); место дворовое и с огородом бобыльское *Замятенки Онисимова с. Басина* (л. 21об), дворце Кирилка Оникеева да племянника *Замятенка Басина* (л. 22).

Если об именуемом говорилось как о владельце двора, использовался полный вариант имени: 1) во дворе молотчей человек *Фторышка Степанов с. Булгаков* площадной дьячок (л. 73об), 2) во дворе *Иван Гарламов с. Губин* (л. 70), 3) во дворе худые люди *Семенка да Еремка Тихоновы дети Глызина Корепова* (л. 48об). При описании прочих объектов, записанных за тем же лицом, достаточно было двухкомпонентного именования: 1) хмелник *Фторышки Булгакова* (л. 76об), 2) онбар *Ивана да Никона Харламовых* (л. 2), 3) место лавочное *Семенки Глызина* (л. 111).

Предельная точность в именовании владельцев дворов, по видимому, объясняется тем, что двор был основной единицей поземельного налогообложения Московского государства, а подворная подать составляла важнейшую статью доходов государственной казны. Не случайно имя владельца всегда стоит в начале описания двора: оно не только называет человека (податное лицо), но и маркирует конкретный двор как объект налогообложения.

Почти 20% трехкомпонентных именовании в описании Тотемского посада имеют двухкомпонентные варианты. В описаниях Тотемских волостей встречаются подобные пары, однако они единичны. Причем в описании крестьянских дворов (в отличие от посадских) доминируют двухкомпонентные антропонимы. Трехкомпонентный вариант именования используется тогда, когда крестьянин выступает в качестве поручителя или представителя выборных волостных людей (шире – в качестве юридического лица). Сравним: Деревня Жилина Глушица тож на р. на Тиксне <...> во дв. *Гришка Поздеев* да сын его Демка (л. 60б); а порука по ним – деревни Жилина *Гриша Никифоров с. Поздеев* (л. 610).

Таким образом, трехкомпонентные антропонимы, за которыми юридически (указами) еще не был закреплён статус официального именованья, особенно часто употребляются в Писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. в условиях официальной, юридической номинации лица.

Употребление двухкомпонентных именованья в тексте Писцовой книги также представляется весьма интересным, так как в целом ряде случаев выглядит весьма продуманным, системным.

Так, если об именуемом говорится как о бывшем владельце двора, используется, как правило, двухкомпонентный вариант его имени. Сравним: во дв. средней человек *Богдашко Савельев с. Новоселов* (л. 57); во дв. молотчей человек Карман Викулов *что бывало Истомки Харитонова, а после было Богдашка Новосела* (л. 78-78об).

Указывать не только настоящих, но и бывших владельцев дворов, дворищ, пожней, полянок и других земельных наделов – обязательная составляющая посадского описания. Однако если действительные владельцы представляли для государства реальный интерес (в качестве налогоплательщиков), сведения о бывших владельцах были второстепенны, а для их именованья было вполне достаточно двусложного сочетания. Причём на втором месте именованья могло стоять как прозвище, так и вторая часть сложного патронима или фамильное прозвание. Именно этим можно объяснить большую вариативность второго компонента в посадском описании Писцовой книги Тотьмы 1623-25 гг., о чём говорилось выше.

Таким образом, как к компонентному составу, так и к содержанию именованья бывшего владельца не предъявлялось каких-либо строгих требований. Из 160 имен бывших владельцев Тотемских посадских дворов только семь трехкомпонентных имен (4,3%), остальные имена – двухкомпонентные (95,7%).

С бывшими владельцами дворов на посаде можно сравнить владельцев пустых дворовых мест в деревнях. Пустые места — это земля, некогда закреплённая за каким-либо крестьянином (умершим, обнищавшим или перешедшим в другую деревню,

волость, уезд), а ныне «лежащая в пусте». Имена владельцев пустых дворов в большинстве случаев двухкомпонентны: двор пуст *Безсонка Онтропьева*, убили литовские люди (л. 601); место дворовое пусто *Подосенка Токарева*, Подосенка сшел безвесно (л. 594об); деревня Ивакина на р. на Тиксне <...> место дворовое пусто *Зиновки Васильева*, место дворовое пусто *Васки Попова*, место дворовое пусто *Филипка Михаилава*, дворы погорели со всеми животы, а крестьяне розошлис в тое ж волости по деревням (л. 591).

Нельзя не сказать об именах бобылей и половников. Бобыль – это крестьянин или посадский человек, не включенный в обязанность платить тягло и платящий лишь более легкий бобыльский оброк. Половник государевых податей, как правило, не платил по причине бедности, за выполнение государственного тягла с занимаемых половниками земельных участков отвечал землевладелец: деревня Кондратовская Воронцово тож на речке на Воронцовке, а в ней живут *половники* дв. *Иванка Кононов*, дв. *Сидорка Власов*, дв. *Микитка Васильев* (л. 962).

Имена бобылей в памятнике, как правило, двухкомпонентны, иногда при них имеется указание на профессию именуемого: *бобыль Перша Нелюбин* (л. 13об), *бобыль Первушка Ондре-ев с. дровосек* (л. 31об), *бобыль Максимко Родивонов кабацкой пивовар* (л. 77), *бобыль Федотка Степанов с. кузнец* (л. 942об) и др.

Очевидно, имена бобылей, половников, бывших владельцев связывает их периферийное положение в посадской и волостной антропонимии Писцовой книги, обусловленное меньшей значимостью в сравнении с актуальными антропонимами, теми, которые содержали важную информацию для адресата документа. Важно то, что процесс вытеснения двухкомпонентных именовании на периферию начался еще до закрепления официального статуса трехкомпонентных антропонимов, в силу потребностей самой антропонимической системы, нуждавшейся в более точной, универсальной форме именовании лица.

В целом, можно сказать, что именовании посадских людей и именовании крестьян на разном материале отражают общие антропонимические тенденции начала XVII века, важнейшей

из которых стало постепенное вытеснение двухкомпонентных именований трехкомпонентными.

В то же время посадская и волостная антропонимия тотемского памятника деловой письменности имеют ряд характерных различий. В описании посада традиционно однокомпонентные именованья начинают последовательно заменяться двухкомпонентными. Кроме того, для именований посадских людей характерно явление варьирования их состава, обусловленное разнородностью функций лица в городской среде. Состав патронимической лексики более разнороден (отчество, фамильное прозвание, прозвище, отпрофессиональное прозвище) в антропонимии города, и однороден – в именовании сельских жителей. Вероятно, эти различия можно объяснить экстралингвистически. В начале XVII века Тотемский посад переживал экономический подъем, поселение носило ярко выраженный промысловый (развитие соляного, кузнечного дела) и торговый характер (Тотьма находилась в центральной части Сухоно-Двинского торгового пути). Именования жителей посада, живших более активной хозяйственной жизнью, чем волостные крестьяне, отличает большая дифференцированность, гибкость и в чем-то прогрессивность антропонимической нормы.

Список литературы

1. Писцовая и межевая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1623-1625 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 480.
2. Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Северной Руси XVI-XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. — СПб., 2005.
3. Чайкина Ю. И. Именование духовных лиц на Руси во второй половине XVI в. (на материале прихода-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей) // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). — Вологда, 2005.

**КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКА**

Лексикографические записи А. Н. Островского и его работа над языком

Дебют А. Н. Островского в 1847 г. с комедией «Свои люди — сочтемся» поразил современников небывалым в русской литературе до Островского языком. Речь новых героев драматургии, характеризуя их социальный и индивидуальный облик, придавала им жизненную полнокровность, характерность и достоверность. Современник Островского проф. А. Л. Силин писал: «В комедии Островского («Свои люди — сочтемся») <...> такой язык и стиль и так органически, так кровно связан с характером, что действительные лица изображаемой среды, каждое из них сказало бы: «это кость от костей моих, и плоть от плоти моей» [1]. В первых произведениях Островский использовал свой богатый запас наблюдений над бытом и языком московских купцов, приказчиков и мещан, — наблюдений, которые он мог сделать на службе в «совестном», а потом в коммерческом суде. Вероятно, уже тогда появились у Островского записи специфических слов и выражений, употребляемых этими сословиями и введенных Островским в речь действующих лиц его «Семейной картины», комедий «Свои люди — сочтемся», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись».

Верность речевой характеристики не единственное требование, которое предъявляет Островский к драматургу. «Натуральность не главное качество — оно достоинство только отрицательное; главное достоинство есть выразительность, экспрессия», — так формулирует А. Н. Островский одно из основных положений своей эстетики. Неисчерпаемым источником средств и приемов выразительного, яркого изображения является для художника народный язык.

«Как отказать народу в драматической и тем более в комической производительности, когда на каждом шагу мы видим опровержение этому и в сатирическом складе русского ума, и в богатом метком языке; когда нет почти ни одного явления в

народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким, живым словом: сословия местности, народные типы — все это ярко обозначено в языке и запечатлено навеки» [XII, 14].

Отсюда прямой вывод: изучение своего народа, его языка, его творчества — священный долг художника: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь даёт только энергию, чувство, а содержания не даёт, надобно ещё знать хорошо свой народ: сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение её в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности... Пусть входит он в народную жизнь, в её интересы и ожидания» [XIII, 137].

Основным источником этой работы служит словарь А. Н. Островского в XIII томах Полного собрания сочинений драматурга (1949-1953; здесь и далее ссылки на это издание). Однако ознакомление с лексикографическими записями Островского в ГЦТМ (Государственный центральный театральный музей им. Бахрушина) показало, что опубликованные «Материалы для словаря русского языка» не могут служить исчерпывающим источником для работы — имеются целые тетради с записями слов, оставшихся неизвестными редакторам «Материалов» (около 270 новых слов и заметок), равно как рукопись «Разбор словаря Даля».

Основные материалы, относящиеся к лексикографической работе Островского, собраны в ГЦТМ в папку под общим заглавием «Островский А. Н. Материалы к волжскому словарю и словарю Даля» (под № 164163, 164263, 248888, 248889, 248890, 24889).

Одним из источников работы являются также заметки Островского на полях четырех томов первого издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, вышедшего в 1863—1866 гг. Экземпляр словаря, принадлежавший Островскому, был собственностью акад. В. В. Виноградова.

На страницах четырех книг словаря имеются многочисленные заметки карандашом к словарю Даля — поправки, возражения, дополнения.

Начало систематическому собиранию материалов для словаря положила поездка Островского по Волге в 1856 г. История этой поездки такова.

Великий князь Константин Павлович предписал в 1855 г. Морскому министерству организовать экспедицию с целью изучения экономических условий жизни и быта населения разных районов России, занимающихся морским делом и рыболовством. Предлагалось привлечь к этому делу наиболее способных и молодых писателей, почему эта экспедиция и вошла в историю под названием «Литературной». Были приглашены и приняли участие в ней многие известные литераторы: А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, С. В. Максимов, Г. Филиппов, Михайлов, Г. П. Данилевский и др., а знаменитого уже драматурга «проглядели», по выражению С. В. Максимова, — вероятно потому, что он находился под негласным надзором полиции (за «Свои люди — сочтёмся»). А. Н. Островский вызвался сам и получил командировку с большим трудом лишь благодаря приятельскому соглашению с А. А. Потехиным, предложившим уступить верхнюю Волгу — от истоков её до соединения с рекой Окою — губернии Тверская, Ярославская и части Нижегородской. Программа исследований была обширна.

По инструкции Морского министерства «предлагалось обратить особое внимание на жилища обитателей, их промыслы, с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных; суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображения на рисунке; физический их вид и состояние, преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отличающие их от прочих обитателей той же страны, как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п. [2] Собранные сведения должны были печататься в виде статей в «Морском сборнике».

С апреля по июнь 1856 (Островский сломал в этом году ногу и не закончил своей задачи) и с мая по июль 1857 г. Островский обследовал Тверь, село Городня, Торжок, Осташков, верховья Волги — озеро Стерж, Куковкино, Ржев, Zubцов, Старицу, Корчеву, Кимры, Калязин, Ярославль, Углич, Рыбинск, Нижний Новгород.

Весьма добросовестно относясь к своему делу, Островский изучил массу чужих трудов, статистические материалы, статьи из периодической печати.

Однако несомненно то, что большинство словарного и этнографического материала было собрано самим Островским непосредственно от жителей приволжских городов и сёл. Он посещает фабрики — суконную, прядильную, — кузницы, мельницу, монастыри, осматривает барку, собирает сведения от людей самого различного общественного положения и занятий — встречаясь с губернаторами, председателями статистических комитетов, купцами, ямщиками, священниками, городничими, судьей, винным приставом (который отрекомендовался Островскому «Человек с большими усами и малыми способностями»); эти слова Островский использовал в «Бесприданнице»), собирателем древних рукописей, врачом, предводителем дворянства, кузнецом, пономарем, рыболовами и многими другими [3]. Сведения же, полученные из печатных трудов, Островский проверял собственными наблюдениями или обращался к местным сведущим людям.

Литературная экспедиция положила начало систематической работе над собиранием слов, составлением словаря, в форму которого вылилось и большинство его заметок по судоходству и рыболовству и наблюдения над местным наречием, особенностями говора, своеобразными обычаями, одеждой, бытом. Первые составили «Опыт Вольского словаря. Собира́ние слов, употребляемых на Волге и притоках её относительно дна, берегов, заливов и проч., относительно судоходства, судостроения, рыболовства и других речных и береговых промыслов», Островский предполагал написать ряд статей о местных волжских говорах — об этом говорит примечание Островского к первой и единственной напечатанной его работе.

Новый толчок к словарной работе был дан выходом из печати в 1863—1866 гг. «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Этот словарь вызвал у Островского большой интерес к его составу, методам определения слов, точке зрения автора на пути развития русского литературного языка.

Как видно из заметок Островского на полях словаря Даля, «Толковый словарь» сделался его настольной книгой, которую он не только тщательно изучил с первой до последней страницы, но к которой возвращался в последующие годы не один раз, подготавливая, как можно судить по рукописям Островского в **ПЦМ**, обстоятельный «Разбор словаря Даля». Отдавая должное богатству материалов живой русской речи и её говоров, фразеологического материала, а также этнографической и промысловой оснащённости словаря, Островский подверг критике взгляды Даля **на пути** развития литературного языка, словотворчество его, методы определения слов, дополнил словарь новыми словами и значениями слов.

В 1880 году А. Н. Островский поставил в известность о своей лексикографической работе акад. Я. К. Грота.

16 октября 1880 г. Я. К. Грот доложил отделению языка и литературы Академии Наук, что Островский обещал представить Отделению свои материалы для словаря русского народного языка [4].

28 октября 1880 г. Я. К. Грот написал официальное письмо, в котором просил Островского доставить в Академию Наук для ознакомления составленные им материалы для словаря русского народного языка:

Императорская Академия Наук

Отделение русского языка и словесности

№ 45.

28 октября 1880 года.

Милостивый государь, Александр Николаевич,

Отделение русского языка и словесности, узнав от меня о ваших занятиях по словарю русского народного языка и будучи уверено, что и по этой части труды такого талантливого знатока русской народной речи не могут не заслуживать особо-

го внимания, поручило мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, не изволите ли Вы найти возможным обязательно доставить Вашу рукопись по этому труду или хотя часть её в отделение, которое желало бы ознакомиться с Вашими словарными материалами, без сомнения не лишенными значения для отечественной лексикографии. Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности

Яков Грот. [5]

Как сообщается в примечаниях к этому письму, в бумагах Островского нашелся черновой набросок ответного письма написанный на обратной стороне клочка бумага, на котором набросаны мысли по создаваемой им комедии «Сердце не камень».

Островский отвечал, что письмо Я. К. Грота застало его в самую трудовую и трудную для него пору: «Я всё лето проработал над двумя драматическими произведениями и теперь, не отдохнув нисколько, усталый и больной, тружусь над третьим. Я надеялся быть в декабре в Петербурге; тогда я лично объясню ... план моих работ по русской словесности — и, вероятно, буду в состоянии показать образчики. Теперь же я могу извесить, что ... у меня есть трудолюбие и усердие, одного только мало, а иногда и нет совсем — это досуга...»

А. Н. Островскому так и не удалось самому обработать имевшийся у него материал для словаря. Последние годы жизни он был целиком занят деятельностью по реорганизации театрального дела в России, борясь за создание русского национального театра.

После его смерти брат писателя, М. Н. Островский привел в порядок этот материал и в 1891 году передал его во Второе отделение Академии Наук. В протоколе отделения русского языка и словесности от 30 марта 1891 года (на заседании присутствовали Я. К. Грот, А. Ф. Бычков, М. И. Сухомлинов, А. Н. Веселовский, К. И. Бестужев-Рюмин и Л. Н. Майков) в § 2 записано: «Читано письмо статс-секретаря М. Н. Островского на имя председательствующего с приложением оставшегося после покойного драматурга, члена-корреспондента Ака-

демии Наук Александра Николаевича и расположенного в алфавитном порядке на карточках сборника слов в дополнение к словарю Даля. Положено просить августейшего президента выразить статс-секретарю Островскому благодарность от имени Академии Наук».

Полученный Отделением материал представлял большой интерес для составителей словаря Второго отделения Академии Наук и был указан в числе его источников, под названием «Словарь народного языка, составленный А. Н. Островским» [6]. Впервые материалы для словаря русского народного языка А. И. Островского были напечатаны в XIII томе полного собрания сочинений в 1952 г.

Лексикографические материалы Островского дают возможность сделать вывод о том, какое огромное значение для творчества драматурга имела его работа над словарем Даля.

Как показывают заметки на полях словаря Даля, Островский использовал сам словарь Даля как источник этнографических сведений о народной жизни. Он обращался к нему в процессе работы над драматическими произведениями, проверял свои наблюдения. Изучение словаря Даля, по-видимому, обогащало его знания в области народного быта, старинных и современных народных слов и выражений. Знаком NB драматург отмечает многие слова, использованные им в драмах, например, описание *избы* в словаре Даля, *черной и белой избы*, слова *клеть*, *подклеть*. Эти обозначения он не раз использовал в ремарках, описывающих место действия, например, «дверь в *черную избу*» [IV, 156] в комедии «Бойкое место».

Случаи включения специальной терминологии в речь действующих лиц не так часты и всегда оправданы. Целью включения специальной терминологии может быть воссоздание вещественной обстановки действия. Ср. рассказ Паратова о поездке по Волге («Бесприданница»):

...Мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам «*Шуруй*», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей *муры*: «Если вы, — говорит, — хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит»... [VII, 173].

Подчеркнутые слова объяснены в словаре Островского: «*Шуровать* (на пароходах) подбрасывать дрова. Крик машиниста кочегару «Шуруй!». «*Мурья*. Люк (на судне) для бурлаков. Волга».

В комедии «Сердце не камень» использовано слово «*крючник*». Константин, который разыскивает на потеху дяденьке «антиков, что чудней», решает представить ему проходимца Иннокентия, у которого «и сила, и голос, и выпить сколько хочешь», под видом *крючника*: «Скажем, что ты с Волги, из Рыбинска, из *крючников*».

ИННОКЕНТИЙ. Знаю, случалось кули-то таскать [VIII, 258].

Это название было широко известно (оно включено и в словарь под ред. Д. Н. Ушакова с пометой «Обл., спец.», к тому же следующая реплика Иннокентия поясняет смысл этого слова.

Комический эффект призвано создать образное использование слова *подпуск* в драме «Последняя жертва».

Разносчик вестей: Недавно и смиренницу одну обобрали.

Иногородний: Это кто же?

Наблюдатель: *Подпуском*, как на Волге рыбу ловят. («*Подпуск* — снасть с поплавком на конце, которая пускается с лодки по воде, на бечевке несколько поводков с наживкой...»).

В «Воеводе» («Сон на Волге») не раз употребляется слово *поминки* в устаревшем значении «взятки», как замечает писатель на 248 стр. III тома словаря Даля (в «Словаре к пьесам Островского» это значение неверно толкуется как «подарки»):

«Смирной (посадский о воеводе)

Не до воров ему (воеводе), *поминки* любит

И сысканных-то в люди распускает,

Берет на них и сто рублёв, и больше». [IV, 9]

и Бурый:

... «Воевода от себя на четырех (возах)

поминки шлёт подъячим, чтоб не забыли.

Сам, дескать, кормлюсь, да и вас покармливаю.» [IV, 61].

Воевода, чувствуя, что близок час расплаты, старается успокоить себя:

«Ужли они меня не пожалеют,

Греха не побоятся? Грех великий

Поминки брать задаром» [IV, 125, см. также стр. 123, 155].

Интересно использование слова «сирота» в исторических драмах Островского. Оно употребляется в разных значениях. По-видимому, неправ «Словарь к пьесам А. Н. Островского», когда он говорит только о значении «одинокый, бесприютный». Основное значение было, как определил сам Островский: «Клиент. Сироты имели своих патронов, милостивцев. Сироты имели большое значение в русской истории: милостивцы через них оказывали влияние на народ». Ср. в «Дмитрии самозванце»:

КАЛАЧНИК: Обращаясь к собравшимся в сенях В. Шуйского купцам, подъячим, простому народу, крестьянам, странникам, юродивым, видя, что не в духе Шуйский:

«Ну, сироты,

Не лучше ль нам собираться восвояси

С добра ума, покуда не прогнали?» [VI, 260].

Купец говорит В. Шуйскому:

«Мы — сироты

За спасеньем пришли к тебе, боярин» [IV, 266].

Басманов — Дмитрию:

«Ради сирот твоих, для нашего спокойя,
жалей свою венчанную главу!» [IV, 287].

Здесь, видимо, то же значение: «поданный, зависящий от господина».

Народ: Царица. Мать родная. Ты *сиротам*

Рабам твоим, покров и заступленье [IV, 313].

(см. также стр. 259, 277, 299, 320).

В следующем контексте, возможно, это слово имело значение «одинокый, бесприютный»:

ДВОРЕЦКИЙ. Наехали из Новгорода, Пскова посадские царевича встречать... Убогие и всякие сироты... [IV, 259].

Есть оно и в обычном, современном значении:

ЦАРИЦА МАРФА: Дмитрий, ты *сирота*, без племени и роду! [IV, 312].

В драме «Дмитрий самозванец и Василий Шуйский» нашло применение слово *изымать* в значении «схватить»:

«Мы, боярин Петр Федорович, купчину *изымали*:

Мутил народ...» [IV, 265].

Здесь оно, очевидно, служит для передачи колорита речи XVII века.

В других случаях эти же старинные слова и выражения могут иметь добавочную функцию — усиливать торжественность речи.

Например, в речи Малюты-Скуратова (в драме «Василиса Мелентьевна»), которую он произносит в Грановитой палате в присутствии бояр и царя:

«Велением царя и государя *изыман*, связан и на суд поставлен Великий вор и ворог государев, князь Михаил Иванов Воротынский»... [X, 27].

Островский использует и особо экспрессивные образцы народного словоупотребления, которые отражают народную точку зрения или, как сейчас говорят, его ментальность. Как отмечает он в записной книжке в народе вместо *разбойники* говорят *удалые*, вместо *скоморохи* — *веселые*.

Слово *удалые* употребляется беглым посадским Романом Дубровиным:

«Да не нашел я по сердцу *удалых*,

Все голь кабацкая» [IV, 89]

и Воеводой:

«Говорят вокруг города *удалых*

Поразвелось, так надо попугать их» [«Воевода», IV, 83].

Писатель отмечает также, что слова *черт* не говорят в народе.

В рукописях Островского в ГЦТМ есть такая запись: «Неприятное и враждебное не называется по имени: *чорт* — он, враг, червь, нечистый, не — наш, неверный, безрукий».

Мамка НЕДВИГА. А что в саду? Тут вольная земля,

Ну, значит, он, оборони создатель,

Свободно ходит, долго ль до греха,

На всякий час блюдись» [IV, 39].

Семенов в «Минине» употребляет вместо *черт* — *мурин*:

Не нынче — завтра

Бог по душу пошлёт...

Что злые *мурины* всю жизнь строчили

На всяком месте и во всякий час.

Что сделал худо, черный *мурин* пишет. [7] [т. III, 61].

Ср. в речи именитого купца Курослепова («Горячее сердце»)

«И сон это я видел или что?

Дров будто много наготовлено и

мурины. [V, 179].

Островский отмечает в словаре народное слово *шутило* для обозначения паяца, скомороха, шута и вкладывает его в уста слуги Резвого: «*Шутило* воеводин» [IV, 48].

Услышанное Островским на Волге народное значение слова *простенький* в значении «дурачок» (учтивое) Островский использует в драматической хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Его произносит Калачник, защищая юродивого:

Он *простенький*, с него взыскать нельзя [IV, 258].

Островский включил в исторические пьесы народные собственные названия.

В комедии «Воевода» писатель дает Мамке Марьи и Прасковьи как собственное имя народное название «ленивой женщины», по толкованию Островского, — Недвига. [IV, 34].

В дополнение Далю, драматург сообщает, что *пречистой* называется не только церковный праздник, но и «церковь во имя Успения и Рождества Богородицы и все богородичны праздники». В «Дмитрии Самозванце» Василий Шуйский приказывает дяку:

«Назавтра въезд, так приходи к *пречистой*,

Ко всенощной, молиться за царя!» [IV, 265].

Островский использует в комедии «Воевода» («Сон на Волге») также, очевидно, обычное название поселения: *Красное село*:

Резвый (дает указания слугам Бастрюкова, приплывшего на лодке тайком повидаться с Марьей Власьевной)

На спрос: что за люди? — мол, ждем с базара

Крестьянишек, замешкались в кружалах.

Откуда? — мол, из *Красного села*,

Рыбачим, мол! [IV, 35].

Островский дает такое объяснение этому, видимо, часто встречающемуся названию: «близкое к городу в красивом месте». Ср. свидетельство Макарова в «Опыте русского народного словотолковника»:

«*Красное село* (общн.) или царский увеселительный княжий загородный дом, с дворцовой церковью и принадлежащими тому и другому чинами и служителями. Доказательством о бытности таких сел у нас есть еще и доселе на Руси Красные села по крайней мере, в своих названиях существующие почти возле каждого из древних городов наших. Таковы, например, Красные села под Владимиром, Москвою, Переяславлем Залесским, Пронском, Юрьевым Польским и проч.».

К историческим пьесам близко примыкает по использованию лексических разрядов слов весенняя сказка Островского «Снегурочка».

Островский вводит в песню гусяров старинное *народное* слово *комонь* — *конь*. Даль указывает, что оно поныне употребляется в песнях, особенно свадебных. В словаре Островского слово *комонь* имеет помету «сибирское».

Гусяры (поют)

Чести и славу князьями добывая,
Ловят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут (VII, 59)

Островский ввел в текст весенней сказки слова из устной народной поэзии, народного просторечия.

Сжидаться. Драматург пишет на 237 стр. IV т.: «*сожидаться или сжидаться*. Когда какое-нибудь дело предпринимают сообща — то сожидаются в каком-нибудь условленном месте...».

ЛЕЛЬ. Да здесь ли нам *сжидаться*?

Не там ли вот, смотри! (VII, 100).

Кучиться. Островский определяет в своем словаре как «жаловаться на что-либо».

ОТРОК. (Царю Берендею)

Девушка красная

Просится, кучится

Взнести челобитную. [VII, 67.]

«*Восхожий*» — восходящий. «Солнышко восхожее», — пишет Островский на 223 стр. 1 тома словаря Даля, дополняя его новым словом.

Собираться

На ранней зоре утренней

Караулить, встречать солнце *восхожее*

Кланяться Яриле светлому [VII, 28].

В словаре Островского получило объяснение слово *повинная*: «Подразумевается — голова. Признание в вине и просьба о прощении. С *повинной* приходил».

В «Снегурочке» Брусило:

Покорствуем, *повинную* приносим,

А жалости не видим пред собою [VII, 42].

Наигрыши объясняется как «мотив, последовательность звуков — то же, что напев». С помощью необычного употребления этого слова Островский создает образ Снегурочки.

В сумеречки тебя утешу

Песню под *наигрыши* метели запою

Веселую [VII, 19].

В рукописях Островского в ГЦТМ есть такая заметка: «*Статочный* — употребляется больше в среднем роде. *Статочное* — то, что может состояться: «*Статочное* ли это дело?»»

В «Снегурочке» это выражение встречается дважды:

ЦАРЬ: Не верю я. Ну, *статочное* ль дело

В частых кустах подружку потерять!

СНЕГУРОЧКА: Ну, *статочное* ль дело:

Снегурочка — жена? Какое слово. Нескладное [VII, 87].

Поряду писатель определяет так: «Без выбора». (В «Словаре к пьесам Островского» «поряд, по порядку»).

ЦАРЬ. Сказывай порядку

Что и как деялось,

Чем ты обижена

Кем опозорена [VII, 68].

Там же используется народное обозначение *карачун* — «Рождественский пост, Филипповки»:

Чучело масляницы.

«Потемки, ноги темные

Карачуна проводите» [VII, 23].

Народные названия растений — *чепыжник*.

МОРОЗ. «Снегурочку блюдите! Слушай, леший

Чужой ли кто иль Лель-пастух пристанет...

Мани его, толкай его, запутай

В лесную глушь, в чащу, засунь в *чепыжник*,

Иль по пояс в болото втисни [VII, 21].

Некоторые выразительные образования, возможно, вошли в широкое употребление не без помощи текстов А. Н. Островского. Таково название сильного южного ветра — «*суховея*». Когда создавалась «*Снегурочка*», это слово не было так широко распространено, как сейчас. У Даля его вообще нет, а Островский отмечает его пометой «твр.» — тверское. Прозрачный состав этого слова делал его понятным и выразительным.

ЦАРЬ: — Недоброе сулит Ярилин гнев:

Холодные утра и *суховеи*,

Медвяных рос убыточные порчи [VII, 112].

Особенно интересно использование слов и выражений купеческо-торгашеского жаргона, внесенных Островским в свой словарь.

В пьесах Островского часто употребляется слово *молодец*, обозначавшее прислужника купца в лавке и дома. В первой своей драматической вещи «Семейная картина» писатель несколько раз употребляет это слово, причем считает необходимым объяснить его в примечании: «Сначала *молодцов* напощи»... «*Молодцов* - приказчиков» [8] [1, 13]. В последующие пьесы он включил это слово без специального объяснения — по-видимому, оно было широко распространено (о чем говорит и то, что оно включено в словарь Ушакова с пометой «дореволюц. разг.»).

ХЛЫНОВ: «Эй, *молодцы*, посадите господина Курослепова на дрожки! А ежели мы в нем настоящей крепости не найдем, посадим напротив того *молодца* и будем держать за плечи до самого дому («Горячее сердце» V, 229).

См. также в драмах «Пучина» [IV, 208], «В чужом пиру похмелье» [II, 5], драматической хронике «Козьма Захарьич Минин-Сухорук: «Вот покличем мы “*молодцов*”, перетаскают мигом» [III, 100].

«*Городовой*. Так называются в Москве иногородние купцы, приезжающие за товаром. Слово старое, в прежнее время так называли вообще приезжих из других городов. «Российский театр» ч. XXXVIII, стр. 210».

Вставлено в речь купца Большакова («Свои люди сочтемся»): «С *городовым* лучше не связываться, все в долг, да в долг» [1, 46].

Часто употребляют действующие лица писателя слова *русак* и *русачка*. Как определяет сам Островский, это означало: «купец» и «купчиха», которые не носят немецкого платья.

Кухарка Матрена в драме «Праздничный сон до обеда» объясняет: Какая-то старуха, *русачка*, вас спрашивает [II, 115].

В драмах Островского эти слова во многих случаях приобретали значение характеристики человека, мало подвергавшегося влиянию городской цивилизации, сохранившего деревенские привычки в житейском обиходе, одежде, обращении (определение «Словаря к пьесам А. Н. Островского»). В зависимости от взгляда говорившего слова *русак* и *русачка* могли означать одобрение:

«А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого *русачка*» (Праздничный сон до обеда III, 4).

или неодобрение, презрение:

«Ваши-то, ведь, как есть *русаки*. Ведь, вы по будням-то из одной чаши едите (Утро молодого человека. 1, 96).

Заломить. Запросить большую цену. В пьесе «В чужом пиру похмелье»:

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА. Давай три тысячи целковых, вот и квит.

ТИТ ТИТЫЧ. Ишь ты *заломила*! [II, 20].

См. также в «Путине» в речи купца Воронцова:

«*Заломил* ты много с купца, он упирается — ты его к себе позови да угости хорошенько [VI, 215].

(«Не все коту масленица», VI, 144).

Большой выразительностью обладают часто употребляемые действующими лицами драм Островского местоимения *сам* и *сама*. В словаре Даля указывается, что они могут иметь значение «барин и барыня». Писатель дополняет на полях (118 стр. IV тома): «*Сам* — хозяин, *сама* — хозяйка». Эти слова характерны прежде всего для слуг. В «Семейной картине» горничная Дарья так обозначает купца Антипа Антипыча Пузатова: «Никак, матушка, *сам* приехал... (Подходит к окну) Так и есть. На крыльцо лезет» [1, 11]. Здесь звучит и страх, и почтительность, и известная доля фамильярности. В комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» садовник Глеб досадует, что не может унести украденные яблоки из сада: «То *сам* тут путается, то *сама* толчется». Употребляют эти местоимения и другие зависящие от купцов люди. Жмигулина («Грех да беда на кого не живет»), живущая с замужней сестрой, говорит о купце Краснове, ее муже: «Ах, кто-то идет, неужто *сам*» [III, 299].

Характеризуя домостроевский уклад купеческой жизни, это слово часто обозначает купца в устах его жены (и не разу не попадает в речи купцов по отношению к жене). Выразителен в этом отношении диалог из 1 действия комедии «Сердце не камень»:

ВЕРА ФИЛИППОВНА. Я поджидаю, когда *сам* выедет.

АПОЛИНАРИЯ ПАНФИЛОВНА. Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «*сам*» называете!

ВЕРА ФИЛИППОВНА. Мы с Потап Потапычем люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да и не все ли равно? Как его не называй: муж, хозяин, *сам*, — все он большим в доме.

АПОЛИНАРИЯ ПАНФИЛОВНА. Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко: у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет: а и «*сам*» — даже разве уж которые еще в платочках ходят». Эта пьеса была написана в 1880 году, отражала более поздний период русской жизни — здесь слово *сам* уже встречает протест.

Местоимения *сам* и *сама* купцами употребляется и по отношению к посторонним, равным по положению людям.

В «Семейной картине»: «Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей. А я еще тогда *самой-то* говорила: Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани» [1, 16].

Наконец, в высшей степени униженно и подхалимски, лакейски звучит вопрос чиновника Белогубова о начальнике его Вышневецком («Доходное место»), благодаря употреблению для обозначения его местоимения *сам*, да еще во множественном числе: «А *сами-то* как сегодня? Ласковы-с?» [II, 41].

В словаре Островского отмечено просторечное *чертит* в значении «вести разгульную жизнь». «Опять *зачертить*».

В «картинах московской жизни» «Не сошлись характерами!» купец Толстогаздов о брате:

«Где Онисим-то? Загулял. Вот уж пятый день *чертит*» [II, 154] [9].

Введение в речь действующих лиц просторечных слов и выражений всегда преследует особую цель, характеризуя само лицо, а также часто играя заметную роль в движении действия пьесы.

Язык пьесы «Без вины виноватые» отличается правильно-стью, в нем нет ни «старинных», ни диалектных, ни искаженных грубых иностранных выражений.

Островский вводит только два просторечных, но необыкновенно выразительных слова: *подзаборник* и *бесписьменность*. В словаре Островского: *подзаборник*. Подкидыш. Бранное слово. Вообще незаконнорожденный. *Бесписьменность*: неимение вида, паспорта. «Ведет за бесписьменность в полицию». Первого слова вообще нет у Даля; второе также отсутствует в этом значении. Оба они объяснены и в тексте пьесы:

ДУДУКИН (передает Кручининой слова одного из «почтенных обывателей» Мухобоева о Незнамо́ве): ... Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то *подзаборник*, еще смеет отказываться.

КРУЧИНИНА. Что такое «*подзаборник*»?

ДУДУКИН. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору [IX, 169].

Кручинина узнает, что ее сын, которого она считала погибшим, жив, она потрясена этим известием, поглощена мыслями

о сыне — и в этот момент перед ней предстает Незнамов. Следует его рассказ о мучительном положении, в котором он находится со дня своего рождения, брошенный своими родителями:

НЕЗНАМОВ: Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

ШМАГА. За *бесписьменность*, виду не было [IX, 175].

Рассказ этот, как чувствует зритель, волнует Кручинину, она думает, что также могла сложиться судьба ее сына. С особой болью она слышит теперь эти слова, в которых как будто заключено обвинение бросившей его матери.

Итак, словарные материалы Островского дают интересный пример творческой работы писателя, у которого одно слово может вызвать целый ряд образов и жизненных положений. И в этом отношении особенно ценной была его деятельность по собиранию словарных богатств родного языка. «Родную речь он любил до обожания и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или неслыханного им такого выражения, в которых рисовался новый порядок живых образов или за которыми скрывался неизвестный цикл новых идей» [10].

Примечания

[1] Критическая литература о произведениях Островского, составил Н. Денисюк, в. 3, стр. 83.

[2] С. В. Максимов. Литературная экспедиция (по архивным документам и личным воспоминаниям) «Русская мысль», 1898, стр. 24.

[3] См. Дневник путешествия по Волге. 1856 г. (XIII, 217—237).

[4] «Вестник АН СССР», № 4, 1948 г., стр. 57.

[5] «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.-Л., 1932, стр. 92.

[6] Комментарии Н. Т. Панченко (XIII, 385).

[7] Примечание Островского. «То же, что “нечистый”».

[8] В словаре Островский уточняет: *Молодец*. Должность у купцов, прислужник в лавке и дома; 1-й приказчик; 2-й — мо-

лодец, 3-й — мальчик. Жить в *молодцах*, в *мальчиках* (в мальчиках может жить и совершеннолетний и пожилой).

[9] См. также след. диалог в пьесе «Светит да не греет», написанной Островским в соавторстве с Н. Я. Соловьевым:

РЕНЕВА. Что же вы делали, где пропадали?

ЗАЛЕШИН. *Чертил*.

РЕНЕВА. Это что же значит?

ЗАЛЕШИН. Вот видите ли, где людям есть развлечение, есть постоянная работа для ума, там они и живут по-человечески, а мы здесь, в глуши, прозябаем, прозябаем, да вдруг и зачертим [X, 347].

[10] С. В. Максимов. «Русская мысль». 1898. Ч. 1. С. 21.

Словари

1. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 1 изд., М., 1863—1866 и 2 изд., СПб.—М., 1880—1882.

2. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. — Т. 1—4. — СПб., 1852.

3. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. — СПб., 1852.

4. «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — Т. 1—4. — М., 1935—1940.

С. С. Ваулина
(Калининград, Российский
государственный университет им. И. Канта)

«Строевая» роль модальной лексики в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова) [1]

Модальность как широкая семантическая категория, определяющая смысловую структуру предложения (высказывания) и обеспечивающая его живой контакт с внеязыковой действительностью, является объектом неослабевающего внимания исследователей, которое стало особенно заметным в последние десятилетия в связи с интенсивной разработкой функциональной грамматики, а последовательная антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований закономерно вызвала активный интерес к модальности текста, в первую очередь художественного.

Данный факт отнюдь не случаен, поскольку художественный текст, являясь материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса, передает определенную картину мира и обладает высокой силой эмоционального и социального воздействия [2, с. 75–76]. «Вершину иерархии семантических компонентов содержания художественного текста, – отмечает Л. Г. Бабенко, – составляет индивидуально-авторская концепция мира, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности... Как законченное речевое произведение, художественный текст пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение [3, с. 66–67].

Впервые модальность как текстовую категорию обозначил, как известно, И. Р. Гальперин, указавший на то, что в тексте она носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь в разных фрагментах текста и выражаясь

через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализацию отдельных частей текста и т.д. [7].

В плане сказанного несомненно важным представляется исследование текстовой функции языковых средств выражения модальности и прежде всего модальной лексики как наиболее регулярного экспликатора модальных значений возможности, необходимости, желательности, поскольку именно через реализацию данных значений, заключающих в себе важные аксиологические понятия, в значительной степени выявляются нравственно-философские позиции писателя, автора художественного произведения.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере нескольких рассказов А.П. Чехова, относящихся к последнему периоду его творчества, когда в чеховских произведениях, с одной стороны, наиболее ярко проявился авторский пафос обличения пошлости и низменных сторон человеческой жизни, а с другой, — затрагиваются глубинные философские проблемы смысла человеческого бытия, органично связанные с вопросами любви и счастья.

Так, несомненна важность роли лексических экспликаторов модального значения необходимости в создании сатирического образа «молодого» мужа главной героини рассказа «Анна на шее» Модеста Алексеича, который, стремясь предстать в обществе «как человек с правилами», религиозный и нравственный, использует в своей речи исключительно «долженствовательные» конструкции. Ср.: «Каждый человек *должен иметь* свои обязанности!» (14) [2]; «*Не могу не припомнить* теперь одного обстоятельства...» (15); «*Не могу не напомнить* вам общеизвестного факта...» (15); «Ты *должна сшить* себе бальное платье» (14). Однако именно эти и подобные церемонно-назидательные фразы весьма выпукло подчеркивают лакейскую сущность персонажа, которая отчетливо проявляется как в его непомерно угодливом чинопочитании, так, в конечном счете, и в отношениях с молодой женой, быстро усвоившей порочные правила ее новой жизни и превратившейся из запуганной и робкой девушки из обедневшей учительской семьи в циничную светскую хищницу.

Не менее колоритна по своей насыщенности подобной модальной лексикой речь другого сатирического персонажа – учителя греческого языка Беликова из рассказа «Человек в футляре», ставшего классическим воплощением породившей его футлярной жизни. Ср.: «... *жениться необходимо* каждому человеку, но... все это, знаете ли, произошло как-то вдруг... *Надо подумать*» (89); «Разве преподавателям гимназии и женщинам *прилично ездить* на велосипеде?» (91); «Считаю своим *долгом уверить* вас, что я тут не при чем...» (там же); «И еще я *имею кое-что сказать* вам» (92); «Я *должен* только *предупредить* вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я *должен буду доложить* господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я *обязан* это *сделать*» (93).

Важную оценочную функцию выполняют лексические экспликатеры значения необходимости также в рассказе «Дом с мезонином», одном из самых проникновенных лирических рассказов Чехова, поведавшем о трогательной любви девушки Жени и художника. Но нежная лирическая мелодия рассказа составляет лишь внешнюю линию, в которую вплетаются громкие голоса героев, размышляющих о важных общественно-политических и нравственных проблемах: о жизни народа, о социальной неустроенности и несправедливости, об отношениях народа и интеллигенции. Эти размышления представлены в рассказе как столкновение двух позиций: позиции художника, убежденного в том, что главное зло – в невыносимых условиях жизни большинства людей и что «нужно освободить людей от тяжкого физического труда», – и позиции старшей сестры главной героини рассказа Лиды, убежденной в том, что «нельзя сидеть сложа руки», и проповедающей правду «маленькой пользы». Верный своему принципу «никакой особой морали, которую нужно было бы извлечь, и никакой особой идеи, которую нужно было бы уяснить» [8, с. 337], Чехов не дает прямой оценки позициям героев, но самоуверенная категоричность высказываний Лиды, в значительной степени создаваемая активным использованием в ее речи слов с модальной семантикой, не оставляет сомнения в том, что автор, как, впрочем, и читатель, отнюдь не на

стороне героини. Ср.: «Весь наш уезд находится в руках Балагина, – продолжала Лида, обращаясь ко мне. – Сам он председатель управы и все должности в уезде роздал своим племянникам и зятям и делает что хочет. *Надо бороться*. Молодежь *должна составить* из себя сильную *партию*, но вы видите, какая у нас молодежь. Стыдно, Петр Петрович!» (51); «Извините, я все забываю, что для вас это *не может быть интересно*» (53); «И господа пейзажисты, мне кажется, *должны бы иметь* какие-нибудь *убеждения* на этот счет» (55); «“Я спорить с вами не стану”, – сказала Лида, опуская газету. – “Я уже это слышала. Скажу вам только одно: *нельзя сидеть* сложа руки”» (там же); «“Ах, боже мой, но ведь *нужно же делать* что-нибудь!” – сказала Лида с досадой, и по ее тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их» (56).

Не менее важную текстовую функцию выполняют в рассказах Чехова рассматриваемого периода лексические экспликативы значений возможности и желательности, и этот факт также представляется не случайным. «Последнее десятилетие жизни Чехова, – пишет Э. А. Полоцкая, – отмечено остротой социальных и политических конфликтов в стране, вышедших наружу, новым общественным настроением. В эти годы начался сдвиг в соотношении идей и эмоционального тона чеховских произведений. Еще сильнее, чем прежде, симпатии писателя были обращены ко всякому проявлению протеста против несвободы, социальной несправедливости, появилось желание приветствовать грядущие перемены хотя бы словами героев» [9, с. 404]. Именно поэтому во многих его рассказах и повестях рассматриваемого периода основной конфликт разворачивается между желанием и возможностью его осуществления, делающий отношения героев глубоко драматическими, а иногда приводящий и к трагедии. Наглядным примером такой трагедии может служить рассказ «В овраге», где его героиня – кроткая, работающая Липа, живущая в зажиточной семье мужа, – не претендует ни на богатство этой семьи, ни на какое-то исключительное положение в ней; она желает только одного – спокойно жить и растить своего ребенка, но это скромное и робкое желание сталкивается с другим, иступленным, всепоглощающим желанием богат-

ства, власти со стороны другой героини – Аксиньи, которая для того, чтобы исполнение ее желания стало возможным, не останавливается ни перед чем, даже перед убийством грудного младенца, сына Липы, которого Липа не может уберечь, как бы она того ни желала.

В рассказе нет прямых авторских оценок, писатель, верный своему принципу объективной манеры повествования, предоставляет «преимущество в эмоциональной оценке изображаемого читателю» [5, с. 73], которая создается у последнего благодаря мастерскому использованию писателем лаконичных средств характеристики персонажей, в том числе и лексических средств выражения модальных значений.

Показательно в этом отношении использование модальной лексики в речи Липы и Аксиньи. Если в речи Липы употребляются глаголы *хотеть*, *желать* в утвердительном значении и глагол *мочь* с отрицанием, создавая тем самым трагическое по своему характеру модальное противопоставление «хочу, но не могу», то в речи второй героини используются лишь отрицательные формы глаголов *желать*, *хотеть* и предикатива *надо*, образующие противопоставление иного, агрессивного и глубоко безнравственного по своей сути характера: «я не желаю, мне это не нужно, а стало быть, я могу (имею право) совершить все остальное, даже преступление». Ср.: «Липа стояла у двери и как будто *хотела сказать*: “*Делайте со мной что хотите*: я вам верю”, а ее мать Прасковья, поденщица, пряталась в кухне и замирала от робости» (422); «Маменька, отчего я его так люблю? Отчего я его жалею так?– продолжала она дрогнувшим голосом, и глаза у нее заблестели от слез... Вот он ничего *не может, не говорит*, а я все понимаю, чего он своими глазочками *желает*» (VIII, 430); «Мой сыночек весь день мучился, – сказала Липа. — Глядит своими глазочками и молчит, и *хочет сказать и не может*» (433); «Липа *хотела перестать, но не могла*, и зарыдала еще громче». — «*Не желаю я больше служить!*... Отдали каторжанке Бутекино, – продолжала кричать Аксинья. – отдайте ей теперь все, – мне от вас ничего *не надо!* – К моему отцу, к матери поедem, с арестантами я *не хочу жить!*» (436).

Весьма ярко и последовательно прослеживается столкновение конфликта между желанием и возможностью в любовных сюжетных линиях произведений Чехова («Три года», «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «Ионыч», «О любви»). Важно отметить, что для Чехова проблема личного счастья не существует изолированно, она неотделима от социально-нравственных проблем, поэтому столь драматичен конфликт героев между желанием счастья и возможностью достичь его. Одних героев (Лаптев, Никитин, Алешин) он приводит к разочарованию, других (Старцев) – к приспособлению и деградации личности, третьих (Гуров, Анна Сергеевна) – к душевным страданиям и мучительным поискам счастливого исхода. В каждом конкретном случае Чехов с ювелирным мастерством вычерчивает психологическую линию динамики этого конфликта, чему в значительной степени способствует активное использование им модальных экспликаторов со значением желательности и возможности.

Показателен в плане вышесказанного рассказ «Дама с собачкой», в котором описывается история превращения банального курортного любовного флирта в большую, настоящую любовь. Так, представляя читателям главного героя рассказа, Дмитрия Дмитриевича Гурова, Чехов рисует его как ординарного, хорошо обеспеченного человека, не затрудняющего себя философскими размышлениями о смысле человеческого бытия и воспринимающего женщин как «низшую расу». И с этим первоначальным образом героя, лениво размышляющим о возможности курортного знакомства с Анной Сергеевной, психологически точно коррелирует несобственно модальный модификатор желательности *не лишнее*, употребленный Чеховым в конструкции с формой сослагательного наклонения, который писатель в данном случае предпочитает собственно модальному экспликатору *хотелось* или *можно*. Ср.: «Если она здесь без мужа и без знакомых, – соображал Гуров, – то *было бы не лишнее познакомиться* с ней» (394). Ср. также психологически точное употребление безлично-предикативного наречия *можно*, подчеркивающего, в силу своего безличного характера, «дезактивность субъекта» [1, с. 74]: «Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожидан-

ное и неуместное; если бы не слезы на глазах, то *можно было бы подумать*, что она шутит или играет роль» (395). Но по мере того как у Гурова крепнет и разрастается любовь к Анне Сергеевне, как «из счастливого, довольного, беззаботного москвича, умевшего пользоваться радостями жизни, он превращается в глубоко неудовлетворенного человека, вставшего перед трагически неразрешимыми для него вопросами» [4, с. 451 – 452], писатель, показывая этот мучительный процесс очищения героя любовью, прибегает преимущественно к собственно модальным модификаторам *хотеть, хотелось, желать*, фиксирующим повышенную психологичность желания, связанного со сферой эмоциональных переживаний, а также к модальным глагольно-именным сочетаниям с повышенной экспрессивной тональностью. Ср.: Дети ему надоели, банк надоел, *не хотелось* никуда *идти*, ни о чем *говорить*» (397); «И уже *томило сильное желание поделиться* с кем-нибудь своими воспоминаниями» (398); «Ему *хотелось повидаться* с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если *можно*» (там же); «Гуров *хотел позвать* собаку, но у него вдруг забилося сердце, и от волнения он не *мог вспомнить*, как зовут шпица» (399); «...он понял ясно, что для него теперь на свете нет ближе, дороже и важнее человека... она была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь *желал для себя*» (401); «Прежде в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, *хотелось быть искренним, нежным...*» (402).

Совсем иначе выглядит динамика модального рисунка в рассказе «Ионыч», в котором показывается эволюция героя Дмитрия Ионыча Старцева из молодого романтически настроенного земского врача в обыкновенного обывателя, ничем, кроме денег и недвижимости, не интересующегося человека. И история любви Старцева к Екатерине Ивановне (Котику), демонстрирующая движения души героя по нисходящей, является одним из главных фрагментов такой эволюции. Поэтому, в отличие от предыдущего рассказа, конфликт здесь разворачивается не между желанием и невозможностью его осуществления, а между возможностью и нежеланием ею

воспользоваться. Ср.: «... *нет* никакой *возможности* поговорить с вами. Дайте мне хоть четверть часа умоляю вас» (324); «Я не видел вас целую неделю, я не слышал вас так долго. Я *страстно хочу*, я *жажду* вашего голоса» (324); «Мне *необходимо* поговорить с вами, я *должен* *объясниться*...» (там же); «... *хотелось* *закричать*, что он *хочет*, что он ждет любви во что бы то ни стало» (326); «Наконец вошла Екатерина Ивановна... и Старцев залюбовался и пришел в такой восторг, что *не мог* *выговорить* ни одного слова...» (327); «Как же вы поживаете? – спросила Екатерина Ивановна. – Ничего, живем понемножку, – ответил Старцев. И ничего *не мог* больше *придумать*» (329); «Мне необходимо поговорить с вами. Ваша Е.Т. – Он прочел это письмо, подумал и сказал Паве: “Скажи, любезный, что сегодня я *не могу* *приехать*, я очень занят. Приеду, скажи, так дня через три» (330); «Как-то, проезжая мимо дома Туркиных, он вспомнил, что *надо бы* *заехать* хоть на минутку, но подумал и... не заехал»; «У него много хлопот, но все же он не бросает земского места; жадность одолела, *хочется* *поспеть* и здесь и там» (331).

Как известно, процесс авторского воздействия на читателя художественного произведения весьма сложный, ведь «читатель не только «читает» писателя, но и творит вместе с ним, подставляя в его произведения все новые и новые содержания» [6, с. 8]. Проведенный нами анализ использования модальной лексики в рассказах Чехова с достаточной наглядностью, как нам кажется, позволяет увидеть ее несомненную «строевую» роль как одного из действенных текстовых средств в осуществлении данного процесса.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. — М.: Просвещение, 1968.
2. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. Б. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000.
3. Базалина Е. Н. Художественный текст и модальность // Научная мысль Кавказа. — 2000. — № 7.

4. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. — Л.: Художественная литература, 1970.
5. Бердников Г. П. Чехов в современном мире // Вопросы литературы. — 1980. — № 1. — С. 65–93.
6. Виноградов В. В. О теории художественной речи. — М.: Высшая школа, 1971.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
8. Набоков В. Лекции по русской литературе (Чехов, Достоевский, Гоголь, Толстой, Тургенев). — М.: Независимая газета, 1996.
9. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. — М.: Наследие, 2001.

Примечания

1. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-00172-а.
2. Здесь и далее примеры приводятся по: А. П. Чехов, Собр. соч.: В 12 т. М., 1954 – 1956. Т. 8. В круглых скобках указывается страница, на которой находится пример.

В. В. Викулова
(Самара, Самарский государственный университет)

Акустический аспект смеховой ситуации через призму метафорической образности

Смех – сложное, многогранное явление, связанное с различными сферами человеческой жизни: психофизиологической, эмоциональной, коммуникативной, эстетической. Его называют «особого рода рефлексией, свойственной только человеку» [1, с.56].

В процессе образного моделирования метафора фиксирует внимание на наиболее актуальных, значимых для носителей языка аспектах смеховой ситуации: акустическом, процессуальном, психофизиологическом, мимическом, эмоционально-оценочном, коммуникативном. Каждый из этих аспектов эксплицируется в речи посредством широкого круга метафорических моделей. При этом границы аспектов едва ли можно считать четко очерченными, так как онтологическая многомерность смеха порождает диффузию смыслов в процессе метафорической интерпретации смеховой ситуации.

Покажем это на примере анализа акустического аспекта смеховой ситуации. Звуковая составляющая смеха является его базовой характеристикой. Это находит свое отражение в словарном толковании: например, у С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой смех определяется как «короткие, характерные **голосовые звуки**, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» [2, с. 735] или у В. Дала: «смех - невольное **гласное** проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» [3, с. 242]. В работе Ю.А. Кузнецова, посвященной анализу лексико-семантического поля смеха, лексемы, вербализующие акустическую сторону смеха, помещаются в ядро поля [4].

Как показывает наш материал, посредством метафор разнопланово моделируются следующие акустические характеристики смеха:

- степень громкости (*смех грохотал/ гремел; взрывы/ раскаты смеха; смех шелестел/ шуришал*);
- тембр (*смех лился/ журчал; звонкий смех, звенеть/ скрежестать/ лаять / каркать от смеха*);
- четкость - нечеткость (*булькать / хлюпать от смеха*).

Рассмотрим подробно каждую из характеристик.

Звучание смеха образно интерпретируется с точки зрения **громкости**: смех может быть как сильным и интенсивным звуком, так и слабым, приглушенным. В нашем материале через призму метафорической образности чаще преломляется громкий смех, чем тихий. Громкий, интенсивный звук смеха моделируется посредством *природных метафор (раскаты/гул/рев смеха/ хохота)*; *милитарных метафор (залп/взрыв смеха)*. Слабое проявление звучания смеха образно отображается при помощи предметных метафор (*шелестеть/шуришать смехом*).

Метафоры, моделирующие интенсивный, громкий звук, построены базе лексем, акцентирующих в своем значении семантику силы и громкости звука (гром, гул, рев, залп, взрыв, вал и т. п.).

В **природных метафорах** звучание смеха образно соотносится со звучанием стихий и звуками, которые издают животные. Наиболее типичным является сопоставление звука смеха со звучанием грома: *Волад рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим не удивил (М. Булгаков); .... громовой мужской смех* долетал, кажется, прямо до квартиры Черномырдина на соседней Осенней улице (В. Баранец); ... отозвался Петров и *засмеялся раскатисто*, маскируя в смехе сальность (Д. Липскеров). Мальчишки – тоже здесь, отдельными стайками, с матерными анекдотами и **ревом смеха**: чтобы девчонкам было слышно, какая нескучная у них, какая значительная жизнь, какие тайны им открыты (Т. Набатникова).

Природные метафоры отличает семантическая недифференцированность. Многие из них можно отнести и к предметной сфере: *И тогда ее (Маргариты) хохот загремел над лесом, смешавшись с хохотом Наташи (М. Булгаков); Там, за тем столиком направо, опять громыхнули смехом («Домовой»);*

В классе гул смеха, а ты, краснея, садишься (если уже можно) и еще ко всему прочему получаешь оценку «два» или в лучшем случае «три» (В. Бессонова).

В **милитарных метафорах** звучание смеха образно соотносится со звуками, которые издают военные орудия: *В соседней комнате раздался взрыв хохота, кто-то стукнул кулаком в стену и крикнул (Ю. Трифонов); ... на барьер лезли любопытные, слышались адские взрывы хохота, бешеные крики... (М. Булгаков); Последовал второй залп смеха, причем на этот раз громче всех смеялись друзья и ставленники Левенвольде (К. Букиша); Узко переплетенные стекла дребезжали от артиллерийского смеха (А. Босарт).*

Помимо семантики интенсивности, мощности звучания в природных и милитарных метафорах часто акцентируются и другие смыслы. Такие метафоры нередко могут косвенно (с помощью лексических конкретизаторов) указывать на количество смеющихся (*Войско грохнуло дружным смехом/ В классе гул смеха / За столиком громыхнули смехом* и т.д.); сигнализировать о характере протекания процесса: одноактности или многоактности (*взрыв / взрывы смеха; залп / залпы смеха; артиллерийский смех*); нести значение внезапности возникновения смеха.

Кроме того, в милитарной метафоре, наряду с собственно звуковой семантикой, характеризуется и интенсивность проявления смеха: *Кругляно аж застонал от смеха. Он вообще очень странно смеялся – его словно взрывало изнутри хохотом, и казалось, однажды он может погибнуть от такого приступа смеха (А. Матвеева).*

Звук смех, подобно другим явлениям звуковой сферы, обладает **определенной тональностью и тембровыми характеристиками**, которые варьируются в зависимости от пола и возраста смеющихся, его / их психического и физического состояния, а также оценочной позиции наблюдателя. Данные характеристики образно осмысляются посредством предметных метафор (*звонкий/ серебряный/ медный / ржавый / скрипучий смех*); зооморфных метафор (*лающий/каркающий/ кудахтающий смех*); метафор жидкости (*смех лился/ журчал; заливаться смехом*).

Различные тембровые характеристики звучания смеха могут образно интерпретироваться с помощью обширного поля **предметных метафор** (*звонкий/серебряный/ лязгающий/ дребезжащий смех*). Метафорические образы создаются на основе представлений о звуках металлических, деревянных, бумажных предметов. В рамках этих метафор тембр смеха может образно оцениваться с противоположных позиций (с одной стороны, — приятный для слухового восприятия *звон смеха*, с другой — неприятные звуки *дребезжащего и лязгающего смеха*):

Она смеялась своим милым **звонким смехом** и делала ему головкой знак, что он угадал (Л. Толстой); Но почему-то ни разу ему не удавалось пригласить на танец Маришку — девушку с солнечным взглядом и **звонящим смехом** («Лиза», 2005); **Смех** ее снова **зазвенел колокольчиком** (А. Берсенева); ... **трель серебряного смеха** (А. Ахматова); И вдруг послышался **серебристый смех**, тихий, как шелест ветра, и звучный, как ропот речки (Л. Чарская); Раздеваясь в прихожей, Козырев уловил в глубине комнаты **серебристый смех** - как будто шаловливый ручеек перекатывался по камешкам («Лиза», 2005).

Применение таких метафорических выражений как *серебряный смех*, *звонящий смех* обусловлено гендерной спецификой: в языковой системе подобные метафоры закрепились как постоянные номинации молодых, привлекательных для рассказчика женщин, иногда — детей.

Метафорические образы, созданные на базе лексем с семным компонентом «неприятное звучание» (скрип, лязг, дребезжание), как правило, используются для характеристики лиц мужского пола, а также лиц преклонного возраста: В мае Иертр впервые пошутил: стал называть серую в яблоках кобылу Красная Горка, при этом неумело, **скрипуче, механически смеялся ржавым клекочущим смехом** (Н. Галкина); Его смех был как **лязг ржавых доспехов** (Д. Емец); — Нет, — **задребезжал смехом** Иван Иванович. — Мимо шел (Г. Щербакова); Игорь неожиданно захохотал. **Трескучим прерывистым смехом** (Б. Васильев).

При моделировании тембра предметные метафоры, как и

метафоры жидкости, могут актуализировать дополнительные смыслы, относящиеся к области других аспектов смеховой ситуации. В частности, в метафорических выражениях типа *смех зазвенел и зазвякал, трескучий смех, смех зазвенел колокольчиком* находит свое воплощение процессуальный признак дискретности.

В сфере моделирования тембровых характеристик смеха, его эстетического восприятия активны **зооморные метафоры**. Через призму этих метафор звук смеха метафорически соотносится с лаем собаки, ржанием лошади, карканьем вороны и другими звуками животного происхождения: *На эстраде какой-то человек лаял стихи непристойного и злоеющего содержания. <...> Это жеребьячье ржание сбивало графа, он встряхивал волосами и подливал коньяку (А. Толстой); Всякий раз, когда я пытался вставить слово, Шура начинал отрывать гавкать – это был смех (А. Волос); Павел засмеялся каким-то лающим смехом... (Ю. Нагибин); Раздался смех, больше похожий на голодные вопли черноморских чаек (М. Елизаров); Ирина Павловна вдруг рассмеялась злым, каким-то каркающим смехом (А. Троицкий); Со страхом смотрел я на Алешу, который будто гасил на себе огонь, прижимаясь к земле то боком, то грудью, и в кудахтающем смехе его было безумие (А. Азольский).*

Зооморфные характеристики смеха обычно свидетельствуют о различных аномальных состояниях смеющегося (болезни, дефектах произношения), объективно аномальных (*в кудахтающем смехе было безумие*) либо воспринимаемых наблюдателем как таковые (засмеялся *хриплым лающим смехом*). Как «животный» может быть расценен неестественный или неуместный в коммуникативном плане смех (например, чрезмерно громкий и интенсивный). Поэтому в контекстах, в которых звук смеха соотносится со звуками собачьего лая, рыка, ржания и т.п., актуализируется, как правило, негативная (реже – ироническая) оценочная семантика. Причем оценка носит, как правило, эстетический характер, что приводит к созданию сниженного образа смеющегося. Н.О. Кириллова отмечает аналогичную особенность зооморфных метафор в сфере модели-

рования акустической стороны речи. В своей работе, посвященной метафорическому моделированию речевой ситуации, она пишет, что зооморфные метафоры способны передавать не только собственно акустические особенности речи, но и с их помощью создавать комплексный образ человека (часто негативный), основываясь на нравственных категориях национальной культуры [5].

Метафорические образы, воплощенные лексемой *ворковать*, чаще встречаются при описании женщин, чем мужчин и иллюстрируют различные «игровые» аспекты взаимоотношений полов: *Женщина засмеялась воркующим голубиным смехом*. – Дурачок, – ласково сказала она, – мне не такие нравятся (В. Пелевин); *Тут она засмеялась таким воркующим смехом, что можно было подумать – она сама готова в первый раз стать участницей конфиденциальной встречи...* (Ф. Искандер); – Будем снимать кино. – Он засмеялся *воркующим* смехом лесного витюня (А. Проханов).

Через призму **метафор жидкости** восприятие тональности и тембра смеха образно соотносится с восприятием звучания движущейся жидкости: *Федор посидел рядом с девочкой, напряженно прислушиваясь к громкому пыхтению, визгливым всплескам женского смеха, тоненькому, жалобному всхлипыванию чиновника и гулким ударами собственного сердца* (Б. Васильев); – *Писатель!* – сказал Балаганов, *заливаясь смехом* (И. Ильф, Е. Петров).

Метафоры жидкости создают образное представление о смехе как о плавном, спокойном, негромком или не очень громком звуке, приятном на слух: – *И все залились тихим, журчащим смехом* (Р. Солнцев); *А потом из его большого красного рта <...> полились звуки, называемые в просторечии смехом* (Ю. Мамлеев). Данные метафоры, как правило, характеризуют смеющегося безотносительно его половой принадлежности: *Дама смеялась журчащим смехом, била Филю перчаткой по руке* (М. Булгаков); – *И даже если конфетки сладкие? – зажурчал тихим смехом* Белендеев (Р. Солнцев).

При передаче тембровых особенностей метафоры жидкости могут актуализировать смыслы, связанные с другими акусти-

ческими признаками смеха (степенью громкости) или даже с другими аспектами смеховой ситуации (процессуальным, коммуникативным). К примеру, в метафорических выражениях типа *смех полился* актуализируется процессуальный признак дискретности – недискретности: создается образное представление о смехе как непрерывном, акустически однообразном действии. С другой стороны, в выражениях типа *всплески смеха* – явное семантическое указание на прерывистость процесса. В метафорических выражениях с лексемой *заливаться* моделирование тембровых характеристик коррелирует с моделированием признака фазовости: *залиться смехом* предполагает начинательное значение аналогично *покатиться со смеху* (см. в словарном толковании «заливаться – начать петь, также издавать какие-либо залиvistые звуки») [2, с. 210]. В ряде случаев семантика положительного восприятия звучания уходит на второй план, нивелируется отрицательно-оценочными лексическими конкретизаторами: *Алеша сделал паузу и вдруг залился каким-то диким и неуместным смехом* (В.Белоусова); *Трясется весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлебываясь от смеха:...* (В. Медведев); *...мы шумно переговаривались, долго ловили такси, заливались нервным смехом...* (И. Муравьева); *Люблю, когда человек побеждает, — и он снова залился откровенным смехом* (Ю. Азаров).

Ясность, четкость звучания смеха

Звук смеха может характеризоваться в аспекте четкости, который эксплицируется в языке метафорическими моделями жидкости, созданными на базе лексем с семантическим компонентом «нечеткость», «невнятность» проявления звука: *булькать, хлюпать* и т.п.

– *Семен Семенович, вы что, на солнце перегрелись, что ли? — отряхиваясь, пробулькал от смеха Карандаш* (В. Постников); *Кортома булькает смехом, медные скулы разъезжаются всё шире* (Е.Замятин); *Бердников засмеялся странно булькающим смехом: <...> раскачиваясь, он надул губы, засопел, и губы, соединяясь с носом, образовали на лице его смешную шишку* (М.Горький); *... хлюпающим от смеха голосом ото-*

звался кто-то (В. Рыбаков).

Образы, созданные на базе таких метафор, кроме семантики нечеткости, актуализируют и акустический признак степени громкости: *булькающий смех* – это смех не только нечеткий, но и негромкий. Кроме того, в данных метафорах реализуется и процессуальная семантика дискретности, прерывистости смехового действия.

Таким образом, диффузная семантика метафоры выражается в том, что в пределах одного аспекта смеховая ситуация моделируется комплексно, в совокупности многих аспектов. Например, практически все метафоры, задействованные в образном осмыслении различных акустических характеристик одновременно акцентируют и процессуальные признаки дискретности – недискретности (*смех зазвенел / полился / забулькал*), иногда – фазовости (*залиться/ взорваться смехом*). Часть метафор, наряду с характеристикой звуковой стороны смеха, образно характеризует поведение и физическое состояние смеющегося (*лошадиный хохот, каркающий / лающий смех*).

Список литературы

1. Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре // Проблемы комизма и смеха. — М.: Лабиринт, 1999.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
3. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. — М., 1980.
4. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.
5. Кириллова Н. О. Метафорическое моделирование речевой ситуации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2008.

В. В. Волков
(Тверь, Тверской государственный университет)

Грамматическая и поэтическая антиномия детерминизма и провиденциализма

«Бег времени» наивным сознанием воспринимается как линейное причинно-следственное движение, когда настоящее определяется прошлым и обусловленными этим прошлым планами на будущее.

Детерминизм как представление о закономерной и необходимой зависимости явлений от порождающих их факторов коренится в наивном темпорально-каузальном параллелизме – понятийно фиксирует зависимость настоящего от прошлого, что отражено и во внутренней форме этимона, основывающегося на пространственной метафоре: *детерминировать* ‘определять, обуславливать, быть причиной, основанием чего-л.’ < из лат. *determinare* ‘отграничивать, отделять; расчленять’ < *de...* ‘из; от; с’ + *terminare* ‘размежевывать, отмежевывать; ограничивать, замыкать > завершать, оканчивать’ < *terminus* ‘пограничный камень, межевой знак > окончание, конец’.

Взгляд прямолинейного детерминизма слеп, поскольку обращен в прошлое; это взгляд идущего задом наперед и взирающего только на пройденное. Семантический ассонант *детерминизма* – сущ. *эволюция*, этимологическая внутренняя форма которого также связана с разверткой наличного состояния – как сложившегося к настоящему моменту в прошлом: лат. *evolutio* ‘развёртывание (свитка), раскрытие (книги) > чтение’ – от *evolvere* ‘разворачивать, раскатывать, развертывать > излагать, изъяснять > развивать; обдумывать’ < *e-/ex-* ‘из’ + *volvere* ‘катать, катить; вращать > разворачивать (для чтения) > читать’.

Привычное для секуляризованного слуха *эволюция*, насыщенное в обиходе мелиоративными коннотациями, имеет мало общего с мистикой поэтического восприятия времени как цепи причин и следствий; у Ахматовой поступательное движение

времени эмоционально ассонирует с *ужасом*: «Что войны, что чума? – конец им виден скорый, / Им приговор почти произнесен. / Но кто нас защитит от ужаса, который / Был бегом времени когда-то наречен?».

Истоки ужаса – в поэтической «памяти о будущем», в прозрениях грядущих катастроф, предощущаемых в настоящем. «Русская литература, – писал Н.А. Бердяев, осмысляя в 30-е годы прошлого века истоки наших исторических катастроф, – самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что Россия поставлена перед бездной и летит в бездну» [2, с. 63]. Четырнадцатилетний Лермонтов пишет потрясающее «Предсказание» («Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет; / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь...»); тогда же провидит и черты собственной смерти: «Настанет день – и миром осужденный, / Чужой в родном краю, / На месте казни – гордый, хоть презренный – / Я кончу жизнь мою...». Где первоисточник этого мотива – в предощущении общей катастрофы или личной трагедии? Ответ, скорее всего, является конъюнктивным – как и в цитированном выше четверостишии Ахматовой – с местоимением *нас*, репрезентирующим лирического героя как «глас народа».

Хрестоматийно цветаевское предощущение смерти как личной безысходной катастрофы – с самых первых лирических опытов: «Настанет день, – печальный, говорят! – / Отцарствуют, отплачут, отгорят, – / Остужены чужими пятаками, – / Мои глаза, подвижные, как пламя». Перед лицом завтрашнего небытия не только личное, но и общее существование воспринимается как бессмысленное: «Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь. / *О чем* – поэты, любовники, полководцы?».

Ахматова в двадцать с небольшим лет пишет поэтическое «Завещание», в противовес пушкинскому «Памятнику» – не людям, а Музе: «Моей наследницею полноправной будь, / Живи в моем доме, пой песнь, что я сложила. / Как медленно еще скудеет сила, / Как хочет воздуха замученная грудь. // Моих друзей любовь, врагов моих вражду, / И розы желтые в моем

густом саду, / И нежность жгучую любовника – все это / Я отдаю тебе, предвестница рассвета».

Осмысление времени как движения к катастрофе личного и общего небытия – следствие его переживания в жестко детерминистском ключе – временном и причинно-следственном. Такое мироощущение внеаксиологично, поскольку катастрофа – не ценность, но «антиценность». Представлению о причинной обусловленности настоящего прошлым противостоят аксиологические и телеологические воззрения, суть которых – в продиктованности настоящего образом будущего не как призрака, но как бытийной реальности, что фиксируется семантикой и этимологической внутренней формой сущ. *провидение* (как *прові́дение* и как *провиде́ние*) – из лат. *providentia* ‘предвидение; предусмотрительность; заботливость’ < *providens, providentis* ‘предусмотрительный, осторожный’ < *providere* ‘раньше увидеть, издали завидеть’ > предвидеть; заранее заботиться’ < *pro...* ‘вперед’ + *videre* ‘видеть, смотреть’.

Семантический ассонант *прові́дения / провиде́ния – прогресс* ‘переход на более высокую ступень развития’, с той же приставкой *pro-* и исходным глаголом *gradi* ‘шагать, продвигаться’. Рассматривая взаимосвязь этих понятий, С.Н. Булгаков итожил: «Рядом с понятием эволюции, бесцельного и бессмысленного развития, создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления...» [3, с. 54].

В качестве «провиденциального регулятора» личной и общенародной истории, обоснования осмысленности существования как «бытия-к-жизни» выступают **ценности завтрашнего дня**, которые определяются в аксиологии как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам» [1, с. 25]. Эти ценности живут в «памяти о будущем». Радостное житнетворчество возможно лишь при условии, что воображение не ограничено прошлым и настоящим.

Возможность творческого провиденциализма в повседневном мироощущении заложена в семантико-синтаксических категориях причины и цели как зеркальных взаимоотражениях, как синтаксических квазиконверсивах – «семантических перевертышах». С одной стороны, можно сказать *Я пришел дать вам волю* или, с формальной акцентировкой целевого значения – *Я пришел, чтобы дать вам волю*; с другой стороны – *Я пришел из-за воли* или *Я пришел, потому что хочу дать вам волю* (*вы нуждаетесь, вам необходима воля*).

Детерминизм и провиденциализм как способы мировосприятия – и обыденного, и поэтического – отчетливо просматриваются уже в простейших семантико-синтаксических образованиях. Взаимотрансформируемость причинных и целевых конструкций – и отражение, и способ лингвистического программирования наших бессознательных представлений о каузально-телеологической антиномии бытия: то, что делается сейчас, с одной стороны, происходит *потому что*, с другой – *для того чтобы*, – смысл происходящего зависит от направления взгляда.

В каждом из этих случаев наблюдатель – вне настоящего. «Настоящего нет, ибо я не умею быть вечно счастливым...» – пишет современный поэт-метареалист Иван Жданов, развивая фаустовскую тему «неостановимого мгновенья». Настоящее – лишь «место встречи» прошлого с будущим, оно детерминировано прошлым и предугадывается из будущего. Цветаевское предощущение смерти – и желание смерти – коренится именно в привязанности к настоящему, как в написанной на заре жизни «Молитве»: «Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь, сейчас, в начале дня! / О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня».

Преодоление смертного ужаса – в непосредственно поэтическом ощущении вечности. Первая строка первой поэтической тетради Ахматовой – именно о жизни в вечности: «Молюсь оконному лучу – / Он бледен, тонок, прям»; одно из последних ее стихотворений – о том же самом – бытие принадлежит не настоящему, прошлому или будущему, а вечности: «На дне песок белее мела, / А воздух пьяный, как вино, / И со-

сен розовое тело / В закатный час обнажено. // А сам закат в волнах эфира / Такой, что мне не разобрать, / Конец ли дня, конец ли мира, / Иль тайна тайн во мне опять».

Жизнетворческий провиденциализм, черпающий силы в «памяти о будущем» – как у Пушкина («...И ведаю, мне будут наслажденья...»), или в «памяти о вечности» – как у Ахматовой, в поэтическом кредо продолжившего их традицию Арсения Тарковского обретает статус абсолютной ценности – личной и общей – как в цикле со знаменательным названием «Жизнь, жизнь»:

Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.

«Память о будущем» раскрывается в том провиденциальном ощущении, которое в психологии религии [4] и в русской религиозной философии трактуется как «путь к очевидности» [5]. Как видим, это очевидность не только Православия, но и русской грамматики, и русской поэзии.

Список литературы

1. Абушенко В. Л. Аксиология // Новейший философский словарь: 2-е изд. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. — М.: Наука, 1993. С. 54.
4. См., например: Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Элементы православной психологии. — СПб., 2005.
5. См.: Ильин И. А. Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993.

О. А. Усачёва
(Самара, Самарский государственный университет)

Сравнения как средство выражения количества в детской литературе

Наше исследование направлено на выявление и детальное изучение образной составляющей функционально-семантического поля количества в детской литературе – особом типе дискурса, где автор пытается воссоздать картину детского видения мира. Изучение детской языковой картины мира в последнее десятилетие вызывает большой интерес лингвистов. Как отмечает Н. Л. Тухарели, «образ мира, запечатлённый в языке детей, во многом отличается от картины мира взрослых носителей языкового сознания. Ребёнок – особый тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире» [2, с. 5].

Образное поле количества преимущественно представлено в детской речи микрополями «величина» и «интенсивность». Как показало исследование, основным способом образной характеристики количества в детской литературе являются сравнения, позволяющие передать информацию с наибольшей наглядностью, что соответствует особенностям ассоциативного мышления ребёнка.

Круг сравнений в детской литературе, как правило, ограничен теми, которые имеют опору на предметные слова, отражающие картину ближайшего для ребёнка пространства. По словам Н. М. Голевой, «выразительность, экспрессия детских сравнений во многом основана на том, что образы их черпаются из наиболее близких ребёнку актуальных сфер жизни и деятельности. Образ представляется ярким, если он является общепонятным, зримым» [1, с. 119].

В качестве компаративного компонента сравнений, выражающих количественные значения, обычно выступают образы сферы «человек» (*большой, как дядя Боря; красивая, как мама;*

самовар ростом с Чука; птички величиной с полпальца), наименования бытовых предметов (колёса не больше блюдечка для варенья; кусочек величиной со спичечную коробку; худой, как гвоздик; горячий, как утюг), игрушек (дети походили на кукол; маленький домик вроде игрушечного кубика), транспорта (огромный, как самосвал; голосище, как у электрички; вздыхает, как паровоз), животных (маленький, как муравей; длинный, как удав, прыгал, как кошка; храпит, как медведь).

Выражение количества предусматривает ориентацию на понятие нормы, предполагает сравнение значения определённого параметра с каким-либо стандартом. По определению Ю. Д. Апресяна, «норма обозначает такое положение вещей, которое представляется большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [Цит. по: 3, с. 478]. Но ребёнок не обладает ещё достаточным опытом взрослого: не имеет представления о норме. Эталон формируется в когнитивном плане в результате бесчисленного множества восприятий и сопоставлений. В процессе познания ребёнок выстраивает особые взаимосвязи и взаимоотношения реалий в окружающем его мире.

Специфическая особенность детской картины мира – осмысление количественных значений детьми в проекции на себя и на своих родственников.

Особенно ярко эта особенность проявляется в области характеристики размера. Как отмечает Е. В. Урысон, «в семантической системе русского языка имеется представление о двух эталонах размера – абсолютном, антропоцентричном (размер человека), и относительном (размер объектов, однотипных с данным)» [3, с. 492]. Антропоцентричные характеристики размера, используемые в детской литературе, во многом отличаются от характеристик, свойственных взрослым носителям языка. Если для взрослого антропоцентричным эталоном является так называемый «средний» человек, то универсальной абсолютной точкой отсчёта для ребёнка является он сам. В детской литературе в качестве антропоцентричного эталона обычно выступает воспринимающий персонаж. Например: *С противоположного берега верхом без седла спускался совсем ма-*

*ленький – меньше Серёжи, – весь чёрный от загара белоголо-
вый мальчишка* (Е. Лазарев). *Собака Петушок была совсем
маленькая. Она была гораздо меньше девочки Маши*
(А. Введенский). *Дядя Петя с Димой поздоровался, как со
взрослым, за руку. Рука у дяди Пети была огромная. Димина
ладошка потерялась в ней* (В. Ситников). *А какие высокие
дома! Какая маленькая-маленькая перед ними Марьяша!*
(А. Кардашова).

Нередко исследователи отмечают, что дети в своём разви-
тии проходят примерно те же стадии, что и человечество в це-
лом. Первые единицы длины были связаны с размерами чело-
веческой руки. В детской литературе огромное количество
примеров измерения предметов с помощью руки, причём, как
правило, конкретной руки воспринимающего персонажа. На-
пример: *Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг от-
куда-то взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не
больше как с Алёшин маленький пальчик* (А. Погорельский).
*А чуть поодаль росли цветы. Стебли их были чуть выше Вари-
ного роста, жёлтые колокольчики на них – побольше Вари-
ной ладони* (И. Токмакова).

По свидетельству многих исследователей, в системе карти-
ны мира ребёнка доминирует семья. Как известно, детям свой-
ственно наделять своих близких исключительными способно-
стями. Приведём примеры выражения интенсивности призна-
ка: *красивая, как мама; сильный, как папа; молодой-молодой,
как мама и папа; добрая, как бабушка* и др.

В сфере размерных характеристик данный факт находит от-
ражение, в частности, в том, что детским эталоном высокого
роста человека является папа. Типичны примеры: *большой, как
папа; высокий, как папа*. Для выражения очень большого раз-
мера используются конструкции со сравнительной степенью,
указывающие на превышение величины, которую имеет эталон
– папа. Например: *Справа вода, слева берег высокий – выше
папиного роста* (С. Иванов). *Я лично всегда побаиваюсь Игоря
Александровича [директора], потому что он очень большой.
Ростом он с моего папу, только ещё повыше...* (Н. Носов).

Наша ёлка велика, / наша ёлка высока. / Выше папы, выше мамы – / Достает до потолка (З. Петрова).

Характеризуя предмет или явление в количественном отношении, ребёнок часто ориентируется на конкретный практический образ-ситуацию. В детской литературе нередко отмечаются примеры конкретизации общезыковых сравнений: эталонным выразителем большой / малой величины или интенсивности в этом случае является не предмет как представитель определённого класса, а предмет, известный говорящему из его собственного познавательного опыта. Например: *Если ты будешь столько есть, то станешь жирным, как поросёнок тётки Марыси* (В. Бадальска). *Миша тихонечко запел: «Как на тоненький ледок Выпал беленький снежок»... Ну и смешно же пищал Мишка! Так пищит наш котёнок Мурзик, когда я его засовываю в чайник. Разве ж так поют? Почти ничего не слышно* (В. Драгунский). *Было тихо. Моё сердце стучало, как Наташкин бубен во время танца* (В. Медведев).

Кроме того, в речи детей встречаются ситуативные, нередко неожиданные сравнения. В таких случаях проявляет себя творческое осмысление мира ребёнком, образность его мышления, фантазия. Стремясь приблизить язык произведения к детской речи, а также вызвать интерес у читателей, авторы нередко создают яркие, нестандартные сравнения. Например: *Но пойми ты, – мама даже покраснела – это действительно вредно. Ведь ты знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь! Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но всё-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади, и даже самой худой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно* (В. Драгунский). – *Здесь волков нет, – сказала девочка довольно громко. Потом помолчала и спросила шёпотом: – А какой волк, большой? – Громадный! Большие рояля! – сказал Травка и уже представил себе, как прямо на них ковыляет на трёх ногах волк больше рояля ростом, открывает широкий рот, и зубы у него, как клавиши рояля, чёрные и белые* (Розанов).

Детские эталоны количества отличаются изменчивостью. Как уже было отмечено, представление о норме формируется в сознании ребёнка по мере приобретения им практического опыта. Первоначальные эталоны, созданные на базе перцептивного образа, сменяются вновь приобретёнными. Процесс освоения ребёнком нового эталона величины / интенсивности также получает отражение в детской литературе. Например: *Так высоко [на вышке] он никогда не бывал. Даже пятый этаж, где живёт Костя, намного ниже* (И. Фомин). *Никогда в жизни не встречал он такой темнотищи. Даже когда однажды в Худяках в клубе погас свет на фильме «Карлсон, который живёт на крыше», так в зале какое-то всё-таки было мерцание света от человеческих рук и лиц. А тут – ну ничего, ничегошеньки не видно вокруг, точно совершенно ослеп* (И. Токмакова). – *Да-а, а сколько ещё интересных книг! – Маши широко развела руками. – Вон их сколько. А может, там самые интересные, ещё интереснее «Незнайки»!* (С. Сахарова).

Таким образом, сравнения являются наиболее органичным средством выражения количественных значений в детской литературе. С помощью сравнений, предполагающих установление связей и отношений между предметами и явлениями действительности, автору удаётся наиболее точно передать особенности освоения ребёнком категории количества.

Список литературы

1. Голева Н. М. Сравнения в детской речи: конец XX в. [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Голева. — Белгород, 1997.
2. Тухарели Н. Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения [Текст] / Н. Л. Тухарели // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. научн. ст. — Вып. 17. — М., 2001. — С. 5–10.
3. Урысон Е. В. Большой и маленький: шкала размера в русском языке [Текст] / Е. В. Урысон // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2005. — С. 477 – 494.

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик
(Тверь, Тверской государственный университет)

Языковая репрезентация категории отчуждения в русской литературе XIX века

Понятие раздвоенной действительности, зафиксированное соответствующим концептом в русской литературе, прежде всего, связано с проблемой отчуждения. Данная философская категория впервые четко оформляется в трудах Ф. Шиллера и Ф. Ницше, получает свое развитие в работах Н. Бердяева, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра.

Объективно категория отчуждения выражает превращение результатов деятельности человека в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Она лишает человека активности действия, и страх перед НИЧТО сковывает его.

Художественный концепт «раздвоенная реальность» маркирует в сознании автора и читателя параллельность двух форм жизни, которая и пронизывает все уровни текста.

Если обращаться к конкретному материалу, то наиболее репрезентативными в этом аспекте являются повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» и сказочный цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина. В этих произведениях параллельность «миров» маркируется универсальными семантическими оппозициями *истина – ложь; настоящее – ненастоящее; жизнь – смерть; добро – зло*.

Так, многие исследователи поэтики Н.В. Гоголя отмечают, что он создает колоссальный подтекст, уводящий читателя в какой-то запредельный для обыденного сознания мир философских категорий, главная из которых – **жизнь** и **смерть**, их взаимоотношение. Эта двойственность является доминирующей чертой организации гоголевского текста (от отдельных лексических единиц до композиции) и восходит к мифологическому в своей основе мышлению писателя [1].

Переходя непосредственно к тексту «Старосветских помещиков», приведем высказывание М. Н. Виролайнен: «В повести обрисован не единый мир с приложенной к нему единой мерой, но несколько миров, несколько мер – несогласованных, спорящих друг с другом» [2, с. 135].

Причина подобной двойственности, согласно мировоззрению Гоголя, коренится в двойной природе самого зла: социальной и онтологической. Социальное зло людьми создается или же может быть искоренено, а «зло онтологическое присуще той глубинной сущности мира, переустроить которую человек не властен. Четко отграничить одно от другого оказывается почти невозможным» [3, с. 140]. Онтологическое (мифологическое) зло абсолютно неконтролируемо человеком, оно архаично, неожиданно и необъяснимо, вечно и всепроникающее. Это не зло со значением «дьявол» и христианским возможным духовным совершенствованием и спасением, это зло мистическое и мифологическое, изначально заданное и непостижимое. Это – НЕ ЧТО.

В связи с этим повествование в «Старосветских помещиках» может быть условно разделено на два уровня, два плана:

– первый – «низший», собственно контекстный, сюжетный, эксплицитный, бытовой, **физический**.

– второй – «высший», философский, мистический, **мифологический**. Он выходит за рамки данного произведения, охватывает все творчество писателя, выходит и за его пределы, и уровень, смысловые категории которого имеют вселенское значение. Естественно, первый уровень связан со вторым отношением включения.

Каждый из уровней характеризуется своими ключевыми единицами или теми же единицами, но с другой семантической наполненностью и значимостью в структуре языковой личности.

При анализе ключевых единиц на физическом уровне идеологически значимыми оказываются ключевые слова ПРИВЫЧКА, ДОМИК, СМЕРТЬ и СОН. В семантическое поле ДОМИК входят ключевые слова *скромный, уединение, спо-*

койствие и восстановленный дескриптор *УЮТ*: «Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень...» [4, с. 768] (195); «Все эти давние необыкновенные происшествия заменились спокойною и уединенною жизнью...» (197); «После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке». ДОМИК на физическом уровне, будучи символом «владельцев», обозначает ЖИЗНЬ. Соответственно, антонимом будет СМЕРТЬ, которая наступает в результате случая («Событие... произошло от самого маловажного случая») (206), поэтому появляются ключевые слова *жальность, пустота* (увидел, что пусто в его комнате, страшная сердечная пустыня), *беспорядок* (после смерти Пульхерии Ивановны в доме воцарился «странный беспорядок» (210) и дескриптор СТРАННО (странный устроитель вещей, странный беспорядок, странные чувства).

Таким образом, на физическом уровне выстраивается контекстная оппозиция ПРИВЫЧКА – СТРАСТЬ: «– Боже! – думал я, глядя на него [Афанасия Ивановича], – пять лет всеистребляющего времени, – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей – есть только следствие нашего яркого возраста и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?» Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки» (213).

Окончательное превосходство ПРИВЫЧКИ над СТРАСТЬЮ происходит на мифологическом уровне. В результате привлечения имплицитной информации, связанной с мифопоэтической традицией, кардинально изменяется смысловые доминанты текста. Центральная оппозиция физического уровня

СТРАСТЬ – ПРИВЫЧКА сменяется универсальными философскими категориями ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ. Последний член оппозиции репрезентируется дериватами прилагательного «пустой»: Вернувшись с похорон, Афанасий Иванович «увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна был вынесен – он рыдал...» (211).

С одной стороны, реализуется значение «пустое, ничем не заполненное пространство», с другой – нельзя не ощутить присутствия, фона другого значения: «состояние душевной опустошенности», что и объясняет дальнейшую реакцию героя. Особенно ярко это значение выступает в дискурсе повествователя в словосочетании «страшная сердечная пустыня».

Появляется еще одна семантическая доминанта текста – ПУСТОТА, которая тесно связана с другими доминантами – СЛОВО (голос, зов) и СТРАХ: «Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют тем, что одна душа стосковалась за человеком и призывает его, и после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил моё имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался её, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню» (213–214).

Таким образом, центральные ключевые единицы образуют цепочку:

СЛОВО > СТРАХ > СМЕРТЬ (ПУСТОТА)

Гоголевское понимание **смерти** как **пустоты** является семантически диффузным: это НЕЧТО и НИЧТО одновременно. И если НЕЧТО у Гоголя, прежде всего, пустота, порожденная онтологическим злом, то пустота у Щедрина – НИЧТО – результат зла социального.

Основной темой своего творчества М. Е. Салтыков-Щедрин считал разоблачение зла и лжи. Для понимания семантики текста «Сказок» важны следующие высказывания, принадлежащие автору: «На свете существует множество всяких слов, но самые опасные из них – это слова прямые, настоящие. Никогда не нужно настоящих слов говорить, потому что из-за них изъязыны выглядывают. А ты пустопорожнее слово возьми и начинай им кружить... Тогда изъязыны стушуются сами собой, а останется одна воблушкина правда» (16; 67).

Таким образом, слова, с точки зрения автора, делятся на «прямые, настоящие», т. е. слова правды, и слова «пустопорожние», пустомысленные, ложные, формируя в тексте оппозицию *настоящего - ненастоящего*.

К ней примыкает аппозитивное сочетание обманщик-газетчик. Появление данного образа связано, прежде всего, с идейным заданием сказки - разоблачение беспринципности буржуазной коммерческой печати. Газетчик, журналист – тот, кто произносит слово. СЛОВО в концепции М. Е. Салтыкова-Щедрина, как и Н. В. Гоголя, занимает позицию доминанты, оно служит характеристикой определенного способа жизни. Поэтому слово газетчика вписывается в систему отношений «настоящее – ненастоящее» (ложное слово как выражение особой жизненной позиции). Роль второго компонента аппозитивного сочетания не только в том, чтобы охарактеризовать буржуазного журналиста как человека, торгующего истиной «распивочно и на вынос», но семантика этой лексемы позволяет нам сделать более глубокий вывод относительно идейного содержания и данной сказки, и всего цикла. Он фиксирует слож-

ный смысловой комплекс ОБМАН. Его содержание с точки зрения логики можно продемонстрировать классическим семиотическим квадратом, иллюстрирующим двойственную природу явления:

Быть	Казаться
Т	О
А	Б
Й	М
Н	А
А	Н
Не казаться	Не быть

В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина обман – это не только некая отрицательная деятельность, но и существенная характеристика бытия. Об этом он пишет в «Помпадурях и помпадуршах»: «... гоняясь за действительностью обыденною, осязаемою, он (читатель – И.Г., Е.У.) теряет из вида другую, столь же реальную действительность, которая, хотя и редко, выбивается наружу, но имеет не меньше прав на признание, как и самая грубая, бьющая в глаза конкретность. Я пользуюсь всяким темным намеком, всяким минутным изливанием и с помощью ряда усилий вступаю твердой ногой в храмину той другой, не обыденной, а скрытой действительности, которая одна и представляет верное для всесторонней оценки человека» (8;189).

Так в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина появляется раздвоенная реальность: с одной стороны - обыденность обывательского существования, отличающаяся полным отсутствием всех

нравственных ориентиров: «То ли дело обман! Знай пиши, да обманывай. Пять копеек со строчки.. Но что всего замечательнее – печатает газетчик только истину, а за строчку все пять копеек платит. ...Выходит, что истина, что обман – все равно, цена грош» (16; 61); с другой стороны - вторая реальность, как воплощение идеала писателя, в которой добро и истина являются высшими ценностями. Параллельность этих форм жизни пронизывает все уровни сказочного цикла. Следовательно, обманщик-газетчик – носитель ценностей ложной действительности. Дальнейший семантический анализ компонента обманщик позволяет конкретизировать предварительные выводы. В словаре В. И. Даля зафиксировано следующее речение: «обманщико́во слово – протухлое». Протухание – гниение, порча» [6, Т. 3, с. 552] Гниение, гнилое – «последняя степень разложения. Хвастливое слово гнило. Похвальное слово гнило. Что лживо, то и гнило» [7, Т. 1, с. 361].

Таким образом, компонент обманщик анализируемого аппозитивного сочетания характеризует не только героя, являющегося проводником идеалов осязаемой, обыденной, или ложной, действительности, но и сама она получает крайне отрицательную характеристику. Поэтому одной из своих задач как писателя М. Е. Салтыков-Щедрин считал разоблачение этой реальности, «... которая любит прятаться за обыденным фактом», «без этого разоблачения невозможно воспроизведение всего человека, невозможен правдивый суд над ним» (8; 191).

Добро и зло в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина воплощаются в разнообразных художественных образах, например в аллегорическом образе животного-хищника – гиены, который олицетворяет собой определенный социально-психологический тип деградированного человека. Поэтому гиенское, гиенство – характеристики не животного, а человека, низведенного до уровня зверя, обесчеловеченного человека: «И, очевидно, эта спутанность происходит именно оттого, что тип гиены-оборотня как будто ускользнул от него» (16; 194).

Структура лексического значения данных единиц сложна. Его основу составляют процессы приглушения узуальной де-

нотации - соотносённость со свойствами реального животного - и формирования окказиональной референции, выступающей как общая денотативная отнесённость (зло – лексема с отвлечённым значением), а признаками денотата являются текстуальные характеристики зла – жестокость, античеловечность, агрессивность.

Семантическая структура окказионализмов сопровождается следующими преобразованиями: контекстом «погашается» архисема «животное» и одновременно на первый план выходит и становится ядерной сема «человек», которая, если принять во внимание пропозицию опыта «отнесённость человека и животного к определенным биологическим видам» и аллегорический план сказки, является периферийной в структуре значения лексемы животное.

Поэтому образ гиены-оборотня можно рассматривать как воплощение зла. Писатель переносит такие свойства гиены, как ехидство, трусость, уже на конкретного человека или, вернее сказать, на определенный тип поведения людей: «Знаю-де, я гиену, которая днем в человеческом виде дорогих гостей принимает, а чуть смеркнется, берется за перо и начинает – в гиенском образе – газету писать...» (16; 195).

В сказке возникает образ оборотня, что неизбежно влечет за собой появление мотива раздвоенной реальности.

Если понятие оборотничества рассмотреть с точки зрения его логического содержания, то оно совпадает со значением смыслового комплекса ОБМАН: не быть, но казаться.

Таким образом, лексема оборотень находится на пересечении двух семантических полей «зло» и «ложь». Они, являясь репрезентантами одной из форм реальности – обыденной, представляют собой способ существования отчужденного человека. «Перевернутый мир» навязывает свои правила жизни, свою мораль, а «потерянный» человек не может ей ничего противопоставить. Чтобы как-то выжить, он начинает приспосабливаться к создавшемуся положению, ловчить, лгать, что ведет к подмене основных нравственных ценностей сиюминутной выгодой. «С расширением горизонтов явления самые общеиз-

вестные и бесспорные утрачивают свою резкость и даже изменяют свои первоначальные названия. Глупость начинает называться благодушием, коварство – дипломатией, мошенничество – искусством жить на свете» (10;54-55), «добро», «красота», «истина» – все это только слова, которые непременно нужно наполнить содержанием, чтобы они получили значение.

Ничего нет в действительности, на что бы можно было опереться человеку. Все зыбко, все неопределенно. На уровне поэтической системы писателя это передает образ человека – пустой бутылки, которую всегда можно наполнить каким угодно, подходящим для данного момента содержанием: «Как бы то ни было, но я живу, а если живу, то стало быть имею право отстаивать и свое существование. Но отстаивать его я не могу иначе, как продолжая быть той самой пустой бутылкой, какою сделали меня обстоятельства. Иначе я буду исключен из жизни. Покуда порожняя посуда имеет возможность дребезжать и звенеть, моя обязанность - дребезжать и звенеть, и время от времени наполняться той жидкостью, которая наиболее подходит вкусам минуты. Какая это жидкость – до этого мне нет дела, ибо я не просто бутылка, а бутылка, относящаяся с полным равнодушием к тому, что ее наполняет» (10; 49). Образ человека-пустой бутылки закрепляет в художественной системе автора самую жестокую форму ostranenia – отчуждение человека от самого себя. Фактически социальное зло **опустошает** человека, приводит его **к смерти**.

При всей разности поэтических систем Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, при всем несовпадении понимания природы зла очевидно, что в текстах обоих авторов возникает семантическое тождество. Первоначально заданная оппозиция НЕЧТО и НИЧТО (как онтологический и социально мотивированный феномен) образует синонимическую пару, контекстуальная «позиция нейтрализации» которой маркируется одними и теми же ключевыми словами – ПУСТОТА и СМЕРТЬ.

Список литературы

1. См., напр.: Мильдон В. И. Эстетика Гоголя. — М.: ВГИК, 1998.
2. Виролайнен М. Н. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя) // Вопросы литературы. — 1979. — № 4. — С. 135.
3. Виролайнен М. Н. Указ. соч. С. 140.
4. Цит. по: Гоголь Н. В. Избранная проза. — СПб., 1996.
5. Цит. по: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1974.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. — М., 1980. — С. 552.
7. Даль В. И. Указ. соч. — Т. 1. — С. 361.

И. А. Долгова
(Самара, Самарский филиал
Университета Российской академии образования)

Пространственная метафора как ключевой компонент русской языковой картины мира

Языковая картина мира – это зафиксированные в языке специфические для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности [14, с. 9], отраженные в языке представления о мире, которые сложились исторически. Этот комплекс образов и представлений функционирует как нечто единое, как «сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [7, с. 334], который создавался в течение длительного времени, поэтому в нем причудливо совмещаются мифологические, фольклорные, религиозные и научные представления об окружающем мире.

«Категория пространства входит в число наиболее важных категорий, с помощью которых человек отбирает импульсы, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта» [9, с. 81]. Представления о пространстве являются первичным эмпирическим опытом человека: «для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п.» [3, с. 127].

Осознание пространства – это аналитическое членение окружающей действительности с целью ее познания. Пространственные представления некогда стали и остаются важным средством ориентации в окружающем мире. Необходимость ориентации изначально была обусловлена потребностью биологического выживания человека как вида, а впоследствии стала гарантом социального благополучия. То, что пространство организует социальное бытие человека, отмечает И. Л. Андреев, анализируя связь пространственных представлений с генезисом собственности и власти на материале культуры африканских народов. Порядок распределения пространства как внутри

дома, так и вне его является «слепком социальных отношений»: большая и лучшая часть пространства предназначается мужчинам старшего поколения, старейшины деревни всегда располагаются в центре, остальные – по сторонам от них. Тот, кто занимает неправильное место, может быть наказан вплоть до смерти [1, с. 60].

По мнению Ю. М. Лотмана, природное пространство (физические константы человеческого тела, географические координаты) выполняет двойную функцию: оказывает непосредственное влияние на то, как человек моделирует мир в своем сознании, и является одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека [7, с. 297]. О единстве материального и представляемого миров пишет также Г. В. Колшанский: «Объективный мир, отраженный в сознании, в итоге содержит те же закономерности, что и сам мир, и структурирован по тем же самым законам» [5, с. 12]. Так, пространственная модель мира организована структурой бинарных оппозиций «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», «право – лево», «этот – иной», каждая из которых выполняет определенную семиотическую функцию.

«Строя мир по образу и подобию своему, – пишет В. Г. Гак, – люди оценивают его зоны, исходя из соотнесенности со своим телом. Все, что находится выше – положительно, то, что находится ниже – презираемо и недостойно, впереди – положительно, позади – имеет отрицательную коннотацию. Ср. *сверхчеловек, унижаться, возвысить, быть во главе чего-либо, плестись в хвосте* и т.д.» [3, с. 132]. *Правый* и *левый* имеют также свои коннотации: *правый* – это исходно «хороший», а *левый* – «плохой». В определенный исторический период понятие *правый* даже синонимизировалось с *прямой* как в пространственном, так и в оценочном значениях. Как отмечает Т. В. Цивьян, набор этих «универсальных семиотических оппозиций как бы результирует классифицирующую деятельность человека, которая является основой его жизни» [13, с. 11].

Одним из способов создания языковой картины мира является метафора, играющая роль призмы, «через которую совер-

шается мировидение», «поскольку она способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное» [11, с. 179]. Метафора способна совмещать абстрактное и конкретное, синтезировать эти сведения в новые концепты, что позволяет рассматривать ее как механизм, приводящий во взаимодействие познавательные процессы, эмпирический опыт, культурное достояние народа. Этот механизм в языковой форме отображает чувственно невоспринимаемые, умозрительные объекты, делает картину мира наглядной.

Среди пространственных метафор большое значение имеет метафора пути. Многие религиозные и философские учения строятся как изложение пути, т.е. «в виде динамической модели последовательного движения, восхождения духа, т.е. пути, могущего содержать в себе такие отрезки, в отношении которых не существует готовых рекомендаций» [12, с. 85].

В русском языковом сознании модель пути, сформировавшаяся под влиянием языческих и христианских представлений о пространстве, приобретает статус мифологемы – мифологического мотива, ищущего в себе архаическую полноту знания о мире [2, с. 4]. Показательно, что первоначально метафора пути была специализирована для интерпретации нравственной сферы. «Движение в географическом пространстве принадлежит к одной из форм пространственного перемещения по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, – пишет Ю. М. Лотман, – верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя в аду» [7, с. 297]. Библейские пространственные представления легли в основу критериев оценки жизни человека в христианских культурах. Так, наименования нравственной сферы связаны с образом истинного и ложного, правого и левого направлений движения, ср.: *направлять на путь истинный – совращать с пути истинного, наше дело правое – левая работа*. Способность к подобной интерпретации у единиц лексико-семантического поля пространства формируется в ранний период развития языка [8; 14].

В библейской трактовке путь – «неразрывная цепь препятствий, сопряженных со страданиями, лишениями, дорога к

нравственному и духовному возвышению. Это всегда движение в двух плоскостях: горизонтальной - движение вперед, мученичество тела, и вертикальной – движение души вверх, которое облегчает страдания тела, делая эти страдания осознанными», – пишет Ю. Н. Кольцова [Цит. по: [8, с. 55]]. В Библии человек всегда находится в пути начиная с патриарха Авраама, отправляющегося со всей семьей по призыву Господа в путь, в Ханаан, и всегда стоит перед выбором. Путь праведный - следование пути слова Бога [2, с. 73].

Страшное наказание для грешников - лишение их какого бы то ни было пути, т.е. помещение в пустыню. Пустыня в религиозном сознании интерпретирует не только географическое пространство, но и состояние души, сердца. В духовных русских стихах *пустыней* называют *лес* [4, с. 289], который в исходном значении с пустыней не имеет ничего общего, а при переносном употреблении характеризует умозрительное пространство, лишенное дороги.

Путь и выбор дороги являются ключевыми образами в русской литературе, а тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто обсуждается в художественных и философских текстах, но и является общим местом всех представлений о России и русском национальном характере [6, с. 339]. Одной из констант русской культуры, по мнению Ю. С. Степанова, является мотив странничества – вечный образ русской жизни, так как «русские просторы как нельзя этому способствуют» [10, с. 183]. Герой художественного произведения всегда в дороге, в поиске, например: «тучки небесные, вечные странники», «дубовый листок», «оторвавшийся от ветки родимой» М. Ю. Лермонтова, «Алеко» А. С. Пушкина, стремление к путешествию в произведениях А. П. Чехова, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого и многие другие.

К концу XIX века в России мотив странничества из вынужденного становится целью – активным социальным действием, «скитальчество превращается в путь по родной земле» [10, с. 199]. Каждый стоит перед выбором: какой дорогой идти, в

ней совмещается выбор духовного и эмпирического путей. Например, у Н.А. Некрасова: *Средь мира дольного / Для сердца вольного / Есть два пути. <...> Каким идти? / Одна **просторная** — / Дорога торная, / Страстей раба, / По ней громадная, / К соблазну жадная / Идет толпа. <...> Другая — **тесная** / Дорога, честная...* (Некрасов). Ср. в Евангелии от Матфея слова Иисуса Христа о трудностях на пути праведника и о возможных ошибках: *«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»* (Мф., VII, 13, 14).

В начале XX века мотив странничества реализуется через искусство, в котором представлены две концепции: «искусство как жизнь» (творческий путь художника, который развивается и эволюционирует (А. Блок)) и «жизнь как искусство» (идея духовного скитальчества по различным ментальным мирам, зачастую без пути и цели (В. Брюсов, Б. Пастернак)). Для жизненного и творческого опыта поэтов, художников, композиторов, мыслителей и религиозных деятелей образ пути выполняет программирующую функцию: «будущий путь дает о себе знать художнику, не находящему ответа в эмпирической жизни, и ведет его вперед: *Не жди последнего ответа, / Его в сей жизни не найти. / Но ясно чует дух поэта / Далекий гул в своем пути* (Блок)» [12, с. 86].

Таким образом, пространственная метафора, в частности, метафора пути, является одним из ключевых средств интерпретации человеческого существования, формирующих русскую языковую картину мира.

Список литературы

1. Андреев И. Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти [Текст] / И. Л. Андреев // Вопросы философии. — 1999. — № 4. — С. 54-77.
2. Бетенькова Е. М. Трансформация библейской мифологии пути человека в культурфилософии экзистенциализма

[Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е. М. Бетенькова — Барнаул : РГБ, 2006 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).

3. Гак В. Г. Пространство вне пространства [Текст] / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 127-134.

4. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке [Текст] / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 289-298.

5. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в сознании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. — М.: КомКнига, 2006.

6. Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы [Текст] / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 338-347.

7. Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — С. 250-335.

8. Сабурова Н. А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) [Текст] / Н. А. Сабурова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 47-58.

9. Сабурова Н. А. Структура фразео-семантического поля пространства [Текст] / Н. А. Сабурова // Филологические науки. — 2002. — № 2. — С. 81-88.

10. Степанов Ю. С. Константы [Текст]: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академич. проект, 2004.

11. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого

фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. — М.: Наука, 1988. — С. 173-204.

12. Топоров В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 55-118.

13. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы [Текст] / Т. В. Цивьян. — Изд-е 3-е, испр. — М.: КомКнига, 2006.

14. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. — М.: Издательство «Гнозис», 1994.

А. А. Дударева, В. Н. Ерохин
(Тверь, Тверской государственный университет)

Два художественных приема и «душа» в «Поэме конца» М. Цветаевой

Одним из самых ярких художественных приемов, выделяющих слово в тексте у Цветаевой, является расчленение его структуры с помощью тире. Обычно этот прием связывают с поэтической этимологизацией. Суть ее заключается в следующем: «Сближая в тексте слова, давно утратившие ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже и вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным способом» [1, с. 392-393].

В «Поэме конца» хрестоматийный пример «Рас – стаемся. – Одна из ста?» [7] – не единственный случай расчленения структуры слова с помощью тире. Этот прием появляется в 7 главе и переходит в 8:

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо – койных глаз
Взлет. – Можно по дому?
В по – следний раз!
8
По – следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина (411) [8].

Расчленение слова *по* – *следний* очевидным образом сближает его со словом *след*. *След* в поэзии Цветаевой может иметь разные смыслы, но чаще всего он связан с идеей смерти. Третье стихотворение цикла «Стихи к Блоку» начинается так:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,

Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след (98).

Образ уходящего, исчезающего поэта связан с идеей смерти, поскольку зрительное исчезновение - первичный смысл в индоевропейских глаголах умирания [9], *исчезающий след* в данном случае подчеркивает и усиливает эту идею, как и «Запад Солнца», поскольку *запад, закат* – символ умирания: вход в Аид располагается на крайнем западе.

Можно отметить еще одну важную функцию расчленения слова *последний*. Оно объединяет последнюю строку 7 и первую строку 8 главы поэмы. При этом их общность распространяется и на вторые слова в строках (*раз – мост*), которые также семантически сближаются. Механизм этого сближения следующий. В южнославянских языках, в частности, в болгарском, одно слово *път* (*путь*) имеет значение и пути, и счета, а именно `раз`: два пъти – два раза. Этимологически же славянское слово *путь* – *път* восходит к индоевропейскому корню **pont-*, одно из значений которого – «мост» (лат. *pons, pontis*), в древнегреческом *πόντος* – «море, путь по морю»: ср. начало следующей строфы: «Во – да и твердь...» (412).

Мост в мифопоэтической традиции выступает, прежде всего, как образ связи между разными точками сакрального пространства. «В этом смысле мост изофункционален пути, точнее, - наиболее сложной его части. Мост мыслится как некая импровизация еще неизвестного, не гарантированного пути» [5, с. 176]. Мост строится на самом опасном участке пути, охраняемом злой силой. Наведение моста открывает путь из старого пространства и времени в новое, из одного цикла в другой, из одной жизни в другую. Кроме того, мост может соединять землю с нижним миром (царством мертвых), тогда у входа на него стоит страж, часто зооморфный.

Именно этот мотив обыгрывает далее Цветаева:

Во – да и твердь.
Выкладываю монеты.
День – га за смерть,
Харонова мзда за Лету

Мо – неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо – неты те.
Итак, в теневую руку –

Мо – неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо – неты тем.
С умерших довольно маков. (412)

Харон в греческой мифологии – перевозчик мертвых в Аиде. Он изображается мрачным старцем в рубище и перевозит мертвых по водам подземных рек, и в частности Леты. Харон получает плату в один обол, который кладут покойнику под язык.

Этот обол трансформируется в поэме в *мо - нету*, несколько раз нарочито повторяемую. В данном случае расчленение структуры слова рождает новые смыслы в выделенной второй части, которую можно прочесть как нет и палиндромно как *тьнь*, тем более что слово *тьнь* присутствует в одной строке с *монетой*: «Мо – неты тень». Появление слова *тьнь* (*теновой*) в этом контексте, конечно же, не случайно. Аид – царство теней, теней душ умерших.

Следует отметить также мотив беззвучия (*без звука, без звяка*), связанное с тенью отсутствие света (*без отсвета*). Невидимый, безвидный – буквальное значение Аида: Αἴδης. Идея смерти-исчезновения, согласно В. Н. Топорову, используется не только в визуальном коде. Она может мотивироваться как материальный распад или исчезновение голоса-слуха.

Появление слова *мак* в этом контексте также не случайно: «В мифопоэтической традиции мак связан со сном и смертью. В греческой мифологии мак - атрибут Гипноса, божества сна, брата-близнеца смерти (Танатоса), связанного со смертью; оба брата живут в подземном царстве <...> Гипнос с помощью мака усыпляет, приносит всем сладкое успокоение» [4, с. 90].

Таким образом, если учесть лексическое значение еще двух слов (*смерть, умерших*), связанное со смертью, весь анализи-

руемый контекст представляет собой обыгрывание на лексическом, этимологическом и мифопоэтическом уровнях одной идеи – идеи смерти.

В следующей части «Поэмы конца» центральной становится другая тема – близости с любимым. И вновь используется прием расчленения структуры слова:

Плю – щом впилась,
Клещом – вырывайте с корнем!
Как плющ! Как клещ! (413-414)

Такой близости противостоит расставание, разрыв с любимым, который всегда трагедия. О слове *рас – стаемся* в «Поэме конца» было написано выше. У Цветаевой есть еще одно стихотворение, где с помощью того же приема описывается разлука:

Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.
Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили – рассори'ли,
Расслоили... Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По трупобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж – ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт! (369-370)

Стихотворение было написано в 1925 году и адресовано Пастернаку, с которым у Цветаевой был долгий заочный роман, реализованный только в письмах и стихах. «В Пастернаке

главным был Поэт, «равнодушный» в «струнном ремесле», способный откликаться на любой ее звук. И потому ее монолог к нему ширился, видоизменялся, оборачивался то восторгом, то торжественной речью, то страстным признанием и призывом, то рыданием» [6, с. 362]. В этом стихотворении, конечно, рыдание от разлуки, невозможности встречи и страстной мечте о ней. Они встретятся через десять лет в Париже, и лучше бы этой встречи не было вообще. Но в 1925 году Цветаева любит.

В тексте нет слова *расставание*, но есть потрясающий ряд лексем с приставкой *рас-*: *рас* – *стояние*, *рас* – *ставили*, *рас* – *садили*, *расклеили*, *распаяли*, *развели*, *распаяв*, *рассорили*, *рассорили*, *расслоили*, *расселили*, *расстроили*, *растеряли*, *рассовали*, *разбили*. Он обрастает многочисленными смыслами, главным из которых является осознание мучительного разрыва, раздельности существования, альтернативой которому может быть только близость, такая, чтобы нельзя было оторвать.

Последняя идея реализуется в «Поэме конца». И это не только *плю* – *щом* – *клевцом*:

Та женщина – помнишь: мамой
Звал? – все и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те – бя нося,
Тебя не держала ближе. (413)

«Это специфическая особенность Цветаевой: понятие любви в конце концов выливается или сливается для нее с понятием материнства, ребенка. Если не ребенок *от* любимого – как в случае Родзевича или Пастернака, с которым она не встречалась и почти не надеялась на встречу, но о сыне от которого яростно мечтала – то ребенок *в самом* возлюбленном [6, с. 311–312]». Это уже о Родзевиче, которому посвящена поэма.

Отметим еще одно важное слово, появляющееся в этом контексте поэмы – *ребро*:

Гнезжусь: тепло,
Ребро – потому и льну так.
Ни *до*, ни *по*:
Прозрения промежутки!

Это достаточно сложный образ в текстах Цветаевой. Он возникает в «Стихах к Блоку»:

Не проломанное ребро –
Переломанное крыло. (106)

Здесь слово *ребро* рифмуется с более значимым для цикла словом – *крыло*. Образ поломанных крыл сквозной в «Стихах к Блоку», написанных уже после его смерти:

О, поглядите – как
Крылья его поломаны! (101)

Стихотворения 1921 года уже не только и не столько о смерти поэта, сколько о его Воскресении и Вознесении. Но сначала Цветаева должна назвать тех, кто виновен в его смерти:

Не проломленное ребро -
Переломанное крыло.
Не расстрельщиками навывлет
Грудь простреленная. Не вынуть
Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,
Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,
Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.
Лишь одно еще в нем жило:
Переломанное крыло. (106-107)

Здесь в первой части появляется ряд страдательных причастий: «проломанное», «переломанное», «простреленная», «изуродованный». Субъект их («те», «кто») будет назван во второй части. Это чернь, женская лесть (ряд можно продолжить, не случайно у Цветаевой многоточие), все те, кто противопоставлен и враждебен поэту, кто преподносит ему не лавровый венок, а «венец из терний», мимо которых он идет «одинок и

глух», уже почти мертвый среди мертвых (безглазость статуй - символ смерти) с еще живущим переломленным крылом.

Крыло это - крыло ангела или серафима. В одном из стихотворений Блок сравнивается с серафимом:

И вот, в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим... (103)

Сравнение показательное. Серафим очищает уста пророка горящим углем, готовя его к служению. Таково же и предназначение Блока. Он для Цветаевой (и не только для нее) символ, воплощение поэта, певца. Поэтому, кроме серафима, Блок еще и современный Орфей. Не случайно образный ряд «Стихов к Блоку» и «Орфея» во многом схож [6, с. 237-239]. И в этой роли Блок вечен, бессмертен. Отсюда возникает параллель с Христом, с его воскресением и возвращением. Отсюда и вопрос в пятнадцатом стихотворении цикла:

Без зова, без слова –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, в колыбели лежишь? (107)

Удел поэта – возвращение, возвращение в мир, который раз за разом оказывается для него враждебен. Таким поэтом был для Цветаевой Блок.

Ребро есть в третьем стихотворении цикла «Поэт»:

Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей!.. (310)

Эта строка заставляет предположить божественное происхождение поэта или его дара: обстоятельство значение творительного падежа может быть интерпретировано как причина появления голоса, что указывает на ребро Адама, из которого по воле божьей или промыслу [10] появляется Ева. «Сотворение женщины из ребра мужчины (Быт. 2, 22) – темное место в тексте Библии. Может показаться, что здесь имевшийся уже у виноградарей опыт размножения лозы от черенка. Однако вернее освещается мотив на основе шумерского мифологического текста (по интерпретации американского шумеролога

С. Н. Крамера). Согласно этому тексту, для исцеления больного ребра (на шумер. языке – «ти») бога Энки была создана богиня-исцелительница ребра, предположительно, по имени Нинти. Но шумерское слово «ти» означало не только «ребро», но и «давать жизнь». Благодаря этому литературному каламбуру и могла возникнуть библейская версия о Еве не только как о «дающей жизнь» (этимология имени Ева в Быт. 3, 18), но и как «женщине от ребра» [2, с. 41].

Все эти поэтические и мифологические смыслы у слова *ребро* переносятся и в «Поэму конца». Тем более что в стихотворении из цикла «Поэт» упоминается в той же строфе *мост* («По наважденьям своим – как по мосту» (310)), ключевой образ в анализируемом контексте поэмы.

Навязчиво постулируемая близость, до *ребра* между мужчиной и женщиной, *ребенка* во чреве матери, *плюща* на дереве и *клеща* в теле, все равно заканчивается мучительным разрывом: лирическая героиня оказывается брошенной:

Безбожно! Бесчеловечно!
Бро – сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи
Не читившей в сем
Вещественном мире дутым! (414)

И тут же в «Поэме конца» возникает образ *улетающей души*:

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа. (415)

Здесь, конечно, *душа* символизирует не смерть, а любовь, но и любовь конечна. Цветаевской поэтическое понимание *души* наиболее полно выражено в одноименном стихотворении 1923 года:

Выше! Выше! Лови – летчицу!
Не спросившись лозы – отческой
Нереидою по – лощется,

Нереидою в ла – зурь!
Ли́ра! Ли́ра! Хвалы́нь – синяя!
Полыхание крыл – в скинии!
Над мотыгами – и – спинами
Полыхание двух бурь!
Муза! Муза! Да как – смеешь ты?
Только узел фаты – веющей!
Или ветер страниц – шелестом
О страницы – и смыв, взмыл...
И покамест – счета – кипами,
И покамест – сердца – хрипами,
Двух вспененных – крепись – крыл.
Так, над вашей игрой – крупною,
(Между трупами - и - куклами!)
Не общупана, не куплена,
Полыхая и пля – ша –
Шестикрылая, Ра – душная,
Между мнимыми – ниц! – сущая,
Не задушена вашими тушами
Ду – ша! (307-308)

Здесь вновь как один из основных реализуется рассматриваемый художественный прием расчленения структуры слова с помощью тире. *Душа* в этом тексте абсолютно свободна. Она летящая (*летчица*), как в цикле «Стол», изменчивая и непостоянная: нереиды символизируют непостоянство, изменчивость, стремительность моря. Она *крылата* (в мифах психея представляется как летящая птица), и это связывает ее и с циклом «Стол», и со «Стихами к Блоку». Она *шестикрылая*, как серафим Пушкина и Блока. Это *душа* поэта: не случайно в тексте нарочито повторяются слова *лира* и *муза*, а *ветер* как один из основных атрибутов души в мифах, наряду с дыханием, связывается со страницами, с их шелестом. И если это *душа* поэта, то она естественно противопоставлена обыденному вещному миру, который ее не *задушит*.

В «Поэме конца» и «Поэме горы», адресованных Родзевичу, вещественный мир оказывается сильнее любви. Очень точно об

этом пишет Швейцер, поразительно угадывая некоторые описанные нами формально лексические связи разных текстов Цветаевой: «Конфликт этих любовных поэм выходит за пределы «она» и «он» и оказывается все тем же постоянным у Цветаевой конфликтом поэта с миром. Приступая к работе, она определила: «Он просит *дома*, а она может дать только *душу*». Эта мысль движет поэмы, хотя внешне их можно истолковать как конфликт между возлюбленными и жизнью, не дающей осуществиться их любви. В реальности это, очевидно, был конфликт между Родзевичем – обычным человеком, ищущим дома, налаженного быта, комфорта, и Цветаевой – Поэтом, «голой Душой». Потому что – какой же может быть дом у души, лишь на мгновение ощутившей себя телом? Неистовство ее чувств, неистовство, с которым она пересоздала его образ, на его глазах превращая его самого в миф, способно было лишь отпугнуть. Принять душу Поэта и существовать с нею было для него не по силам и не входило в его планы» [6, с. 313].

Эта неготовность к принятию души поэта ведет в «Поэме конца» к неизбежному трагическому разрыву:

Про – гал глубок
Последнею кровью [11] грею.
Про – слушай бок!
Ведь это куда вернее
Сти – хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска – жи, что бред!
Что нет и не будет мосту
Кон – ца...
– Конец. (414)

Список литературы

1. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 392-393.
2. Пиотровский М. Б. Адам // Мифы народов мира. — Т. 1. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — С. 41.

3. Стихотворные цитаты с указанием страницы даны по: Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003..

4. Соколов М. Н. Мак // Мифы народов мира. — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1982. — С. 90.

5. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира. — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1982. — С. 176.

6. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. — М.: СП Интерпринт, 1992. — С. 362.

Примечания

[7] Подобный художественный прием лексического синкретизма, заключающегося в совмещении русского и иноязычного значения слова, в поэзии Цветаевой если не широко, но представлен. Об этом пишет Л. В. Зубова при анализе стихотворения «Германии» из цикла «Стихи к Чехии». См.: Зубова Л. В. Указ. соч. — С. 75-76.

[8] См. его подробный анализ в: Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. — Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. С. 44–45.

[9] Этот смысл у индоевропейских глаголов с корнем **mer-* / **mor-* реконструируется и на основе русских слов с тем же корнем, имеющих значения уменьшения света и его интенсивности: *меркнуть*, *сумерки*. См.: Топоров В.Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). — М.: Наука, 1990. Ср.: «Смерть и умирание как исчезновение, оказываются при более конкретном рассмотрении потемнением-поирачением, выпадением из взгляда, из зрения»: там же, с. 80.

[10] Отметим фонетическую близость *ребром* — *промыслом* (*n* — *б* парные по глухости — звонкости согласные).

[11] В мифах с кровью человека отождествляется душа.

И. Б. Хоменко
(Тверь, Тверской государственный университет)

Ключевые слова в структуре идиотезауруса языковой личности

Интерпретация художественного текста на основе анализа лексического уровня его организации позволяет реконструировать языковую личность автора или персонажа данного произведения. В качестве текста для анализа избрана повесть И. С. Соколова-Микитова «Чижикова лавра» (1926 г.), привлекавшая наше внимание, в первую очередь, потому, что она во многом является автобиографичной. Упоминание о работе над текстом повести и одновременно формулировка авторской установки встречается в письме И.С. Соколова-Микитова К. А. Федину (1925 г.): «Будет все по старинке, но из сердца, и ни единым словом не поглумлюсь над человеком» [5; с. 303].

Это повесть о мытарствах русского человека, оказавшегося после первой мировой войны в эмиграции. Герой вписан в исторический и бытовой контекст эпохи. Повествование ведется под углом его зрения, нет прямо высказанных авторских оценок. Объективная нарративная манера, как отмечает И.В. Гладилина, «облегчая “доступ” к языковой личности персонажа, одновременно чрезвычайно усложняет возможность анализа языковой личности самого автора» [3; с. 19]. Однако, учитывая автобиографичность повести, можно говорить о приближении оценки, данной героем, к авторской позиции. Как отмечал В. В. Виноградов, «лишь в общей системе словесной организации и в приемах “изображения” художественно-индивидуального мира проступает внешне скрытый лик писателя» [4; с. 17].

Героя повести нельзя отнести ни к определенному социальному типу, ни к психологическому в отличие от второстепенных персонажей произведения, у каждого из которых можно выявить приоритет определенных черт характера («И все-то

тут – один почуднее другого» (1, 202)). Это не персонаж-тип. Соколова-Микитова волнует природа внутреннего «я». Индивидуальность языковой личности проявляется в особенностях картины мира героя. Анализ построен на выделении ключевых слов и выявлении их внутритекстовых связей в дискурсе персонажа.

Систему координат, в которой формируется картина мира героя, задают, прежде всего, пространственные параметры, которые «благодаря свойственным им универсальности и всеобъемлющему характеру формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство» [6; с. 12].

Идиотезаурис персонажа структурируют две дескрипторные статьи – РОССИЯ и ЗАГРАНИЦА. Картина мира героя оказывается вписанной в эту систему пространственных координат. Ключевыми словами, относящимися к дескриптору РОССИЯ, являются *монастырь (лавра), родители, невеста, сон*. Дескрипторную статью ЗАГРАНИЦА составляют слова *туман, болезнь, холод, чужой, игра*. Ключевые слова выделены на основе их частотности и роли в организации текста. Эти лексемы, не имея сходства их семантики в языковой системе, группируются по смежности создаваемых ими смыслов в художественном тексте. Их смысловое содержание структурирует идеологические уровни произведения и отражает идеологическую платформу мировоззрения И. С. Соколова-Микитова.

По мнению И. В. Гладилиной, «...только заглавие текста оказывается непосредственным образом связанным с интенциями языковой личности автора: в нем заключена авторская оценка текста, продуцированного языковой личностью героя-повествователя» [3; с. 89].

Название повести, формально объясненное тем, что «сами обитатели прозвали наш дом Чижиковой лаврой, по названию местности и по горькому нашему горю» (1, 187) (это общежитие при посольской церкви в местечке Чизик), имеет разветвленные текстовые связи, обусловленные, в первую очередь,

почти оксюморонным сочетанием, наделенным заголовочной функцией. Лексема *чижик* встречается в повести при описании событий, предшествующих жизни героя в Чижиковой лавре: *Научил их <дочерей английского рабочего, у которого герой вместе с товарищем снимает комнату> Южаков нашему «Чижику»*: «*Чижик, чижик, где ты был?..*» (1, 165). «Чижик» - это песенка-считалка. Считалка применяется в игре для распределения ролей между ее участниками. При этом роли распределяются случайно (один «вышел», т.е. оказался в более выигрышном положении, другой «остался», от него требуется выполнение определенных функций, более трудных, чем у остальных участников игры). Игра – это феномен человеческой деятельности. Игра, по словам Гадамера, - «это самопрезентация, которая, однако, является универсальным аспектом бытия природы» [2; с. 154]. . М.М. Бахтин понимал игру как «тот мировой слой, в котором происходят встреча, столкновение, наконец, переворачивание и взаимопревращение противоположных начал, в котором происходят самые напряженные экзистенциальные процессы жизни и в котором осмысляются и борются между собой ценности разного порядка» [1; с. 10-11].

Тема игры, которую продуцирует песенка, получает свое дальнейшее развитие, выходит на новый уровень: «...как только не играет человеком судьба...» (1, 173). Правила, по которым ведется игра, могут быть абсурдными – «увертками», как характеризует их герой (например, игра на бесструнной балалаике, «чтобы было не меньше пятидесяти <человек>, для заполнения сцены», которые «так старались, что даже можно было подумать, будто они-то и есть главные музыканты» (1, 199)), но им должно подчиняться. Не случайно герой упоминает о многих правилах чужеземной жизни, которые, не будучи своими, освоенными, тоже воспринимаются как элемент навязанной кем-то игры: *Тут у них точное правило: закрывают кабаки в десять, а за пять минут хозяин подает свисток, и тогда, кто как бы ни был, спешат допивать свое* (1, 169); *По вечерам всегда там шумно и толкотно, и ходит публика взад-вперед левою стороною* (1, 175); *А тут насчет женской чести*

и некасаемости закон самый строжайший, и до того даже, что всякая, ежели пожелает, может загубить нашего брата: стоит ей только заявить где надо, что, мол, покушался такой-то на ее женскую честь (1, 203).

По аналогии с игрой, где распределение ролей диктует случай, складывается и жизнь героя на чужбине. Это постоянное изменение условий его существования – от «было же нам по первому времени даже прекрасно» (1, 157) до «выкинули нас со двора, как худую скотинку» (1, 159) и «пропадаю» (1, 185). Мотив игры находится в непосредственной связи со смыслами, передаваемыми ключевым словом *сон* на основе значения ирреальности происходящего. Игра, как утверждал Й. Хейзинга, позволяет человеку переместиться в инобытие, в котором нет сословных, меркантильных и прочих ограничений [7; с. 170]. С одной стороны, это действие или занятие, совершаемое по «абсолютно обязательным правилам», с другой стороны – это осознание «иного бытия», нежели «обыденная жизнь» [7; с. 41]. Так, герой вместе с оркестром балалаечников приглашен играть в королевский дворец, где «сидели с нами принцы и принцессы» (1, 201). Но, как и сон, игра может неожиданно закончиться, причем без видимых причин. В частности, герой просто констатирует, что он давно уже не играл в оркестре. Не случайно рефреном в повести звучит вопрос: «За что, за какую вину?», поскольку все происходящее с героем необъяснимо, это игра судьбы.

Одним из концептуально значимых в тексте повести является ключевое слово *сон*: *А Россия мне – как сон* (1, 137); *И думалось в иную минуту: да есть ли, существует ли такое Заречье, течет ли где-нибудь речка Глушица, и есть ли наш сад, зареченские огороды, не приснилось ли мне все это во сне?..* (1, 208).

Сопряженность нереальности и сна – самая продуктивная связь в языке. Сон отождествляется с временным пребыванием в ином мире. Сон – это особое физиологическое состояние, при котором полностью или частично прекращается работа сознания. Человек в нем утрачивает способность активно вмеши-

ваться в происходящее, влиять на ход событий. Мир сна, сновидений – это мир, альтернативный действительному. Кроме того, это единственный доступный человеку способ общения с сакральным миром. Нереальность (не-явность) выступает во сне как зеркальное отражение реальности. Реальность определенным образом трансформируется в инобытие. Ключевое слово *сон* выступает в роли связующего между дескрипторами **РОССИЯ** и **ЗАГРАНИЦА**: *...и даже показалось мне, не сон ли все это, мое горькое горе, и вдруг проснусь и увижу Соню, родных и Россию!..* (1, 162).

Развитие данной темы находит свою репрезентацию через слово *ночь*: *А теперь Россия – что темная ночь* (1, 138). Значение нереальности, передаваемое в тексте лексемами *сон* и *ночь*, на содержательном уровне поддерживается тем фактом, что Россия находится в информационной блокаде: *А тут никому никакого дела, точно и нету России, и в газетах о России на самом последнем месте, мелкими буквами* (1, 214); *Потом сказал о войне, разумеется, оправдал всех, кроме Германии, о мире, о воевавших народах, каждому отдал свою честь, только ни слова не обмолвился о России, точно и не бывало* (1, 162).

Мысль о России освобождается от конкретности и приобретает наиболее обобщенное выражение. Этому способствует также осмысление пространственных координат. Несмотря на употребление в тексте топонимов, пространство минимально конкретизировано. Только «Чижикова лавра» получает дискретное воплощение. В остальных случаях преобладает дейктическая номинация пространственных координат. Нельзя не отметить, что подобный способ пространственной «неконкретности» характерен для всей системы пространственных координат, заданной оппозицией «Россия – граница». Например: *одна большая иностранная держава* (1, 150); *город Г.* (1, 162); *главный город* (1, 179); *жил на юге, в большом городе* (1, 189); *в каком-то городишке под Москвою* (1, 201); *где-то в Тульской, под Епифанью* (1, 202). Россия одновременно становится и квазипространством и пространством инобытия. Специфика ху-

дожественного образа пространства задает его концептуально-психологическую значимость.

Чижикова лавра оказывается приютом для людей, покинувших свой привычный мир, разорвавших старые родственные и социальные связи, что характерно для общины монахов. Лексема *монастырь* впервые возникает в тексте повести в детских воспоминаниях повествователя: *И вот побежал я, ни слова никому, за реку в Святодуховский монастырь отмаливать грех и просить о чуде* (1, 142). В письме М.М. Шкапской (1923 г.) Соколов-Микитов пишет: «Вся Россия, как монастырь» (4, 290). Но обитатели Чижиковой лавры уходят из мира насильственно, а не добровольно. Кроме того, они вынуждены принимать не единые правила жизни, как в монастыре, а правила игры, поскольку эти правила оказываются чуждыми и непонятными. Текстовая синонимичность значений лексем *правило* и *игра* наиболее отчетливо проявляется в ситуации, когда герой повествует об английских нищих – «развеселые люди гремят в барабаны» (1, 157), то есть соблюдение правил («обязаны иметь вид веселый и бодрый, чтобы не оскорблять всеобщего благообразия») оборачивается притворством, игрой в благополучие. Жизнь по чужим правилам оборачивается игрой по чужим правилам.

Концептуально значимым в тексте повести является тот факт, что события в ней происходят на острове. Остров – часть суши, окруженная со всех сторон водой, т.е. на географическом уровне он характеризуется выделенностью и ограниченностью от остального пространства. Специфика пространственных характеристик способствует метафоризации и семиотизации данной лексемы. В. Айрапетян отмечает, что идея острова есть инакость. Обособленное положение делает остров «идеальным местом чудес и приключений, спасения, но и ссылки, рая или ада» [8; с. 236]. Остров объединяется с такой лексемой семиотического словаря, как дом, на основе идеи закрытости, изолированности от внешнего мира [8; с. 237]. Необходимо отметить, что и монастырь (лавра) осознается в русской культуре

как разновидность дома, которому приписывается функция организующего мир центра.

Представляется важным указать на то, что, основываясь на фактах своей биографии, автор изменяет «траекторию движения» героя повести. Как известно, сам Соколов-Микитов сначала оказывается в Англии, а затем перебирается в Германию. Персонаж же повести преодолевает путь в обратном направлении: Германия – Англия. Таким образом, можно говорить о том, что «островная тема», репрезентированная в тексте словами «кругом море», оказывается концептуально значимой для автора. Географическое пространство становится психологическим. Кроме того, это остров в тумане. Туман из атмосферного явления перерастает в символический образ: герою ничего неизвестно о том, что происходит на родине (известно только, что там голод), и перспектива возвращения его в Россию оказывается крайне туманной, для этого надо добиться визы во Францию, то есть преодолеть путь с острова на материк.

Семиотичность острова в тексте произведения поддерживается фактологически. Герой приводит рассказ «видалого человека» об эмигрантах в Турцию: *А потом, вместо снисхождения, выгнали их французы на острова, куда вывозили раньше турки бездомных собак, поставили часовых, солдат с ружьями, обнесли проволокой* (1, 193).

Таким образом, ключевые слова *сон, монастырь, игра, остров, туман* приобретают метафорический и семиотический смысл. Концептуальный анализ позволяет, кроме того, выявить метафоризацию значения лексемы *мать*. Так, если в начале скитаний героя Россия для него – это, в первую очередь, родители и невеста, то в конце повести он узнает о том, что отец уже несколько лет как умер, а Соня вышла замуж. А значит, единственным близким человеком на родине остается мать. Нельзя не отметить, что мать – это наименее индивидуализированный персонаж повести, за счет чего достигается его обобщение и, как следствие этого, метафоризация. Таким образом, устойчивая метафора *родина – мать*, отсутствующая на поверхностном уровне организации текста, выявляется при по-

гружении в его глубинные слои, доступ к которым открывает анализ ключевых слов и слов, парадигматически и синтагматически сопрягаемых с ними.

Проведенный анализ, базирующийся на описании лексической структуры текста, позволил выделить дескрипторы идиотезауруса языковой личности. Ключевые слова, входя в одну дескрипторную статью, не будучи непосредственно связанными с дескриптором в общеязыковом тезаурусе, представляют отдельный фрагмент художественного мира писателя, подвергаясь синтагматическому развертыванию в пространстве текста.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990. — С. 10-11.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М., 1998. — С. 154.
3. Гладилина И. В. Языковая личность автора и персонажа художественного текста (на материале повести А. П. Чехова «Скучная история»). — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. — С. 19.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — С. 17.
5. Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: В 4-х т. — Т. 4. — Л.: Худож. лит., 1985-1987. — С. 303.
6. Топорова Т. В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. — 1996. — № 6. — С. 12.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992. — С. 170.
8. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. — М., 2005. — С. 236.

А. Р. Попова
(*Орёл, Орловский государственный университет*)

**«Записки охотника» И. С. Тургенева
как свидетельство перемен в социальном устройстве,
материальной и духовной культуре общества**

Лингвистический анализ средств лексического уровня в художественном тексте предполагает, наряду с целым рядом различных аспектов, исследование определенных лексических пластов. В тексте, который отделяет от современного читателя более чем полтора столетия, немаловажным оказывается привлечение внимания к составу историзмов, к их семантике, которая может быть неизвестна широкому кругу читателей. Эти лексические и фразеологические единицы являются агнонимами – словами (или фразеологизмами) родного языка, «неизвестными, малопонятными или непонятными многим его носителям» [2, с. 2]. Под историзмами понимаются «слова, обозначающие предметы и явления, которые вышли из повседневного употребления и уже не используются носителем русского языка как реальная часть его повседневной жизни» [1, с. 3]. Общественная и культурная значимость историзмов не вызывает сомнений; изучение историзмов в «Записках охотника» И. С. Тургенева воссоздает бытовые, социальные, экономические реалии первой половины XIX века.

Состав историзмов богат в количественном отношении, что неудивительно ввиду произошедших за почти два столетия с момента создания произведения перемен в социальном устройстве и особенностях быта. Немаловажным представляется выявить семантические группы историзмов для обнаружения того, какие именно реалии, утраченные в наше время, автор счел необходимым упомянуть в произведении. Поскольку быстрее всего устаревают, выходят из употребления какие-либо предметы вещного мира, а со сменой политического устройства меняются и сословия, должности, в целом среди историзмов в ис-

следуемом тексте выделяются две большие группы: а) наименования людей по тем параметрам, которые на сегодняшний день неактуальны (упраздненные должностные, сословные характеристики, род занятий), и б) наименования многообразных неодушевленных предметов. Можно отметить, что, к примеру, общечеловеческие нравственные, эстетические и т.п. ценности остались неизменными, во всяком случае, историзмов с такими значениями в тексте не наблюдается.

Как было отмечено выше, среди историзмов в «Записках охотника» представлены многочисленные именованья людей по различным признакам (ввиду невозможности охватить в рамках статьи весь пласт историзмов в тексте ограничимся лишь некоторыми примерами).

1. Наименования лиц по сословному признаку: *б'арин* «лицо привилегированного класса, владелец земель и поместий в царской России; дворянин, помещик» [3, с. 58], *хол'он* «крепостной слуга» [4, т. 4, с. 617], *дв'орня* «прислуга при барском доме, дворе; дворовые люди (в отличие от крестьян, живших в деревне и занятых земледелием)» [3, с. 184] и др.

2. Наименования лиц по занимаемой должности:

а) военной: *гус'арчик* «солдат или офицер кавалерийского полка, носящего форму венгерского образца» [5, т. 3, с. 492]; *пор'учик* «офицерский чин, следовавший за подпоручиком; лицо в этом чине» [3, с. 531], *р'отмистр* «офицерский чин в кавалерии и в жандармерии, соответствовавший чину капитана в пехоте; офицер в таком чине» [3:594] и др.;

б) гражданской: *бурм'истр* «при крепостном праве – управляющий имением и крестьянами помещика [5, т. 1, с. 700]; *испр'авник* «в дореволюционной России: начальник уездной полиции [3, с. 269]; *камерд'инер* «в буржуазно-дворянском быту – комнатный слуга, лакей [5, т. 5, с. 729] *коф'ушеник* – ср. *кофеш'енк* «должность смотрителя за приготовлением кофе, чая, шоколада и т.п. при дворе или помещичьем доме; лицо, занимающее эту должность» [5, т. 5, с. 1546], *колл'ежский советник* «гражданский чин 6-го класса. Лица, имевшие его, могли занимать средние руководящие должности: начальника

отделения, делопроизводителя» [3, с. 639], *уездный предводитель* «в царской России: выборное должностное лицо – представитель дворянства от уезда» [3, с. 444] и мн. др.

3. Наименования лиц по роду деятельности: *откупщик* «лицо, приобретшее откуп в России XIX в. право на взыскание с населения налогов, а также на монопольное ведение торговли или на эксплуатацию предприятия, предоставляемое государством частному лицу за денежный взнос (5, т. 8, с. 1434) *пр'асол* «в дореволюционной России – оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи [5, т. 11, с. 61]; *фал'етор* «верховой, сидевший на передней лошади при запряжке цугом и криком освобождавший путь экипажу. Часто эту должность исполняли мальчики или лилипуты» – ср. *форейтор* [3, с. 726]; *целов'альник* «в дореформенной России при откупной системе продажи вина торговец («сиделец») в винной лавке; кабатчик [5, т. 17, с. 599].

4. Наименования (и характеристики) лиц как субъектов социально-экономических отношений: *бест'ягольный* «свободный от тягла, т.е. от обложения налогом внутри помещичьего хозяйства» [3, с. 70], *вольноотп'ущенный* «освобожденный от рабства, от крепостной зависимости крестьянин» [5, т. 2, с. 632].

К семантической группе «наименования лиц» примыкают наименования списков людей: *рев'изия* «в России XVIII и 1-й половины XIX в.: Список лиц мужского пола, подлежавших обложению подушной податью» [5, т. 12, с. 1083]; *ск'азка* «список лиц, подлежавших обложению подушной податью, составлявшийся при ревизии, ревизская сказка» [5, т. 12, с. 875].

Многочисленны и разнообразны историзмы – неодушевленные существительные – наименования предметов, относящихся к различным сторонам жизни, сферам деятельности человека.

1. Наименования одежды (более двадцати): например, *архал'ук* «мужская стеганая куртка без пуговиц, из плотной шелковой или шерстяной ткани, как правило с орнаментом в виде разноцветных полос, обычно застегивалась на крючки» [3,

с. 47], *казак'ин* «мужская верхняя одежда до колен, тесно облегающая грудь, с присборенной на талии спиной и воротником-стойкой; застегивалась на крючки» [3, с. 277]; *ф'ерязь* «старинная верхняя мужская и женская одежда, распашная, без перехвата в поясе, с длинными рукавами, бытовавшая на Руси в XV–XVII вв. [3, с. 720] и мн. др., а также наименования головных уборов: *конфедер'атка* «польская национальная шапка с четырехугольным верхом, которую носили сначала конфедераты, то есть участники конфедерации – временного союза шляхты, создававшегося в феодально-крепостническом Польском государстве для достижения определенных политических целей [5, т. 5, с. 1349] и др.

В «Записках охотника» встречаются и историзмы и других семантических групп, обозначающие неодушевленные предметы.

2. Наименования помещений: *д'евичья* «комната в помещичьих домах, где жили и работали крепостные дворовые девушки» [5, т. 3, с. 633], *посто'ялый дв'ор* (*дв'орик*) «в дореволюционное время – помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей, обычно с трактиром» [5, т. 10, с. 1547], *черп'альня* «помещение на бумажной фабрике (до изобретения бумагоделательной машины), где находились чаны, из которых вычерпывали бумажную массу»; ср. *черпальная* [5, т. 17, с. 935] и др.

3. Наименования официальных документов: *кр'епость* «в дореволюционной России – документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью [5, т. 5, с. 1630]; *отпускн'ая* «документ об освобождении крестьянина от крепостной зависимости; вольная [5, т. 8, с. 1550].

4. Наименования недвижимого имущества, собственности: *в'отчина* «при крепостном праве – родовое имение, владение помещиков, переходившее по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам [5, т. 2, с. 748], *д'ача* «точно обмеренный земельный участок, являвшийся собственностью отдельного землевладельца – помещика [3, с. 181].

5. Наименования денежных знаков разного достоинства: *б'еленькая* «ассигнация белого цвета достоинством в 25 рублей» [3, с. 622], *гр'ивенник* «серебряная монета достоинством в десять копеек, появилась при Петре I в 1701 году. Название «гривенникъ» было на монетах до 1796 года, позднее – «10 копеек» [3, с. 172], *целк'овый* «серебряная монета достоинством в один рубль» [3, с. 748] и др.

6. Наименования социально-экономических реалий: *б'арицина* «основная форма феодальной эксплуатации крестьян – повинность, по которой крепостной должен был безвозмездно работать в хозяйстве помещика, барина» [5, т. 1, с. 287], *т'ягло* «крепостная повинность (барщина или оброк), взимавшаяся с трудоспособных членов крестьянской семьи» [5, т. 15, с. 1229].

Среди историзмов доминируют имена существительные, реже отмечаются субстантивированные прилагательные и составные наименования субстантивного типа. Несубстантивированные прилагательные-историзмы являются относительными и образованы от существительных-историзмов: *мухо'яровый* «сделанный, сшитый из мухояра – старинной бумажной ткани с примесью шерсти или шелка» [5, т. 6, с. 1396], *обр'очный* «состоящий на оброке» [5, т. 8, с. 405] и т.п. Отмечаются две фразеологические единицы, связанные с утраченными традициями, ритуалами в связи с изменившимся социальным устройством: *подойти к руке (ручке)* 'поцеловать руку барину (барыне), выразив тем самым почтение, благоговение', *попросить руки* 'попросить барина (барыню) позволить поцеловать руку, выразив тем самым почтение, благоговение'. Данные ФЕ обрисовывают особенности духовной культуры и дают представления о ныне утраченных социальных отношениях.

Без учета семантики историзмов, часть которых неизвестна читателю, исследуемые тексты были бы обеднены в смысловом отношении. Состав историзмов в целом антропоцентричен: не говоря о многочисленных наименованиях лиц по разным признакам, предметы и явления, обозначенные словами-историзмами, также связаны с человеком – одежда, использу-

мые предметы быта, помещения, транспорт и т.п. Историзмы в произведении выступают как свидетельство изменений бытовых реалий, социальной структуры и духовной культуры общества.

Список литературы

1. Аркадьева Т. Г., Василева М. И. и др. Словарь русских историзмов: Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 2005.
2. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. — М.: «Астра семь», «Русские словари», 1997.
3. Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. — М.: Дрофа, 2005.
4. Словарь русского языка. — Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1981.
5. Словарь современного русского литературного языка. — Т. 1–17. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950-1965.

*Р. В. Алимпиева, И. В. Островерхая
(Калининград, Российский государственный
университет им. И. Канта)*

**Лексические модальные экспликатеры «мысли семейной» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»
(на примере сюжетной линии
«Кити – Константин Левины») [1]**

В числе приоритетных направлений современного языкознания, «ознаменованных» последовательным вниманием к человеческому фактору как «важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований» [3, с. 11], находится исследование проблем когнитивной лингвистики. Весьма актуальным с этой точки зрения является установление роли средств выражения оценочных значений и ценностных категорий, среди которых, безусловно, важную роль играют различные модальные значения. В первую очередь, речь идет о значениях так называемой ситуативной модальности (возможность, желательность, необходимость) [2, с. 413], выражающих соответствующие аксиологические категории [5] и выполняющих поэтому важную оценочную функцию.

В плане сказанного несомненный научный интерес представляют индивидуальные художественные системы, концентрирующие в себе «ценностную мысль писателя о его мире, его чувства, оценки» [6, с. 69]. «В любом художественном произведении большого писателя важно и что он хочет выразить, и как он хочет выразить» [1, с. 334].

В плане выявления ценностных представлений писателя весьма показательным является роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», суть идейно-нравственного замысла которого раскрывается в словах самого автора: «Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так, в “Анне Карениной” я люблю мысль *семейную* (курсив Толстого. – Р.А., И.О.)» [4, с. 40] – и в ставшей знаменитой начальной

фразе романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (5) [2].

Взгляды Толстого на семью раскрываются в романе «Анна Каренина» с помощью различных языковых средств, среди которых ключевое место принадлежит модальным лексическим модификаторам, способным выразить такие важные ценностные представления героев, как «могу», «хочу», «должен». Рассмотрим на примере анализа сюжетной линии «Кити – Константин Левины», как посредством экспликаторов модальной семантики возможности – глаголов и предикативов – выявляется толстовское видение идеала семейной жизни.

Собственно модальный глагол *мочь* передает значимость для Левина брака по любви: «Любовь к женщине *он* не только *не мог* себе *представить* без брака (= был не в состоянии представить – Р.А., И.О.), но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью» (108).

Насыщенная модальными средствами речь Кити в разговоре с Долли, приехавшей утешить сестру, переживающую чувство стыда отказа Левину в первых главах романа, показательна в плане выяснения отношения Кити к браку и любви. Глагол *мочь*, глагольно-именное сочетание *позволять себе*, а также глаголы *сделать* и *понимать*, имплицитно актуализирующие семантику возможности, подчеркивают неприемлемость для Кити брака без любви, измены в браке: «Я настолько горда, что никогда *не позволю себе любить* человека, который меня не любит» (140); «... Я горда и никогда, никогда *я не сделаю* того, что ты (Долли. – Р.А., И.О.) делаешь, – чтобы вернуться к человеку, который тебе изменил ... *Я не понимаю, не понимаю* этого! *Ты можешь, а я не могу!*» (140).

Использование параллельных и дистантных повторов экспликаторов интрасубъектной возможности *мочь понять* и *понять* в сцене счастливого объяснения героев позволяют Толстому показать исключительное свойство Левина и Кити понимать любимого человека и быть понятым им: «“Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и,

т?” Не было никакой вероятности, чтоб *она могла понять* эту сложную фразу ... – “Я поняла”, – сказала она, покраснев. ... Она написала: т, я, н, м, и, о. ... Он вдруг просиял: *он понял*. ... Он написал начальные буквы следующего: “мне нечего забывать и прощать, я не переставал любить вас”. ... – “Я поняла”, – шепотом сказала она. Он сел и написал длинную фразу. *Она* все *поняла* и, не спрашивая его: так ли? взяла мел и тотчас же ответила. *Он* долго *не мог понять* того, что она записала, и часто взглядывал в ее глаза. На него нашло затмение от счастья. *Он* никак *не мог подставить* те слова, какие она разуме-ла; но в прелестных сияющих счастьем глазах ее *он понял* все, что ему нужно было знать» (439 – 440).

Показательным в плане выявления жизненных ценностей героев является разговор Кити и Левина перед свадьбой. Ощущая, что у него нет морального права жениться на Кити, Левин просит Кити подумать и отменить свадьбу, на что испугавшаяся, но быстро разобравшаяся в психологическом состоянии Левина Кити отвечает твердой уверенностью в своем чувстве любви к нему, которая раскрывается с помощью глаголов *уверить*, *объяснить*, *понимать*, имплицитно реализующих модальное значение интрасубъектной возможности: «*Кити* не только *уверила* его, что она его любит, но даже, отвечая на его вопрос, за что она любит его, *объяснила* ему, за что. Она сказала ему, что она любит его за то, что *она понимает* его всего, за то, что она знает, что он должен любить, и что все, что он любит, все хорошо. И это показалось ему вполне ясно» (491).

Посредством модального предикатива *должен*, эксплицирующего совмещенное значение ‘возможность + желательность + необходимость’, подчеркивается, что обязательным условием семейного союза Левин и Кити считают абсолютную правдивость. Герои должны многое сказать друг другу: Кити – о вине увлечения Вронским, Левин – о своем религиозном неверии и невинности: «“Я любила всегда вас одного, но я была увлечена. *Я должна сказать*... Вы можете забыть это?” – “Может быть, это к лучшему. Вы мне должны простить многое. *Я должен сказать* вам...”» (448).

Наблюдения над модальными экспликаторами демонстрируют различную степень сформированности у героев таких ценностных аспектов «мысли семейной», как роль мужа-отца и роль жены-матери. С помощью экспликаторов модального значения возможности Толстой показывает, что указанные ценностные представления Кити являются вполне устоявшимися, тогда как у Левина эти представления проходят сложный и мучительный путь формирования.

Параллельное употребление актуализатора интрасубъектной возможности *вить гнездо* и модального глагола *уметь*, репрезентирующего значение ‘иметь способность выполнить действие’, подчеркивает женское чутье и мудрость Кити, уверенно сочетающей роли любимой женщины, жены и хозяйки: «Она, инстинктивно чувствуя приближение весны и зная, что будут и ненастные дни, *вила*, как *умела*, *свое гнездо* и торопилась в одно время и *вить* его и *учиться*, как это делать» (530).

Используемые в авторской оценке модальные модификаторы *мочь* и *решишь*, эксплицирующие частное значение интрасубъектной возможности ‘быть в состоянии выполнить действие’, также указывают на ясность представлений Кити: «И он удивлялся, как *она*, эта поэтическая, прелестная Кити, *могла* в первые же не только недели, в первые дни семейной жизни *думать*, *помнить* и *хлопотать* о скатертях, о мебели, о тюфяках для приезжих, о подносе, о поваре, обеде и т. п. ... Он был поражен тою определенностью, с которою *она* отказалась от поездки за границу и *решила ехать* в деревню, как будто она знала что-то такое, что нужно, и, кроме своей любви, *могла еще думать* о постороннем» (529).

Введенные Толстым в речь Кити глагол *мочь* и существительное *долг* помогают раскрыть ее предназначение быть женой своего мужа и являются, на наш взгляд, ключевой характеристикой образа героини: «“Потому, что ехать бог знает куда, по каким дорогам, гостиницам. Ты стеснять меня будешь”, – говорил Левин ... – “Нисколько. Мне ничего не нужно. Где *ты можешь*, там и *я...*”» (537); «Я чувствую, что *мой долг быть с мужем*, когда он в горе, но ты хочешь нарочно сделать мне

больно, нарочно хочешь не понимать...» (537–538); «“Ты пойми, что мне видеть тебя и не видеть его (умирающего брата Левина. – Р.А., И.О.) тяжелее гораздо. Там я *могу быть*, может быть, *полезна* тебе и ему. Пожалуйста, позволь!” – умоляла она мужа, как будто счастье жизни ее зависело от этого» (542).

Использование писателем имплицитно актуализирующих значение интрасубъектной возможности глаголов *чувствовать*, *сознавать*, *узнать*, *знать*, *угадать*, осложненных в ряде случаев оценочными наречиями *совершенно*, *верно*, *ясно*, позволяет передать готовность Кити к рождению ребенка, ее осознанность своего предназначения быть матерью: «И доктор, и акушерка, и Долли, и мать, и в особенности Левин ... начинали испытывать нетерпение и беспокойство; одна Кити *чувствовала* себя совершенно *спокойною* и *счастливою*. Она теперь ясно *сознавала* зарождение в себе нового чувства любви к будущему, отчасти для нее уже настоящему ребенку и с наслаждением прислушивалась к этому чувству» (738–739); «Действительно, она не то что *угадала*, ... она верно *узнала* по приливу молока у себя недостаток пищи у него. Она *знала*, что он кричит, еще прежде, чем она подошла к детской. И действительно, он кричал» (5, 861).

Эволюция Левина от досвадебного ребячества к пониманию роли мужа-отца также во многом раскрывается с помощью экспликаторов модального значения возможности. Так, находящиеся в синонимической соотнесенности и эксплицирующие интрасубъектную возможность глагол *почувствовать* и трижды употребленный глагол *понять* указывают на осознанность Левиным чувства единения с женой, пришедшего к нему только через переживание мучительной боли первой ссоры с нею: «Но только что она открыла рот, как слова упреков бессмысленной ревности, всего, что мучало ее в эти полчаса, которые она неподвижно провела, сидя на окне, вырвались у ней. Тут только в первый раз он ясно *понял* то, чего он не понимал, когда после венца повел ее из церкви. Он *понял*, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он *понял* это по тому мучительному чувству раз-

двоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду *он почувствовал*, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам» (530–531).

Посредством модальных экспликаторов Толстой изображает и переоценку Левиным своих взглядов на роль жены в семейном союзе. Так, используемые в сценах, описывающих первые месяцы совместной жизни Кити и Левина, предикатив *необходимо*, глагол *(не) понимать* как репрезентатор интрасубъектной возможности, глагол *мочь*, реализующий совмещенное значение ‘возможность + необходимость’, показывают начало процесса переосмысления Левиным своего видения роли женщины в семейном союзе: «Несколько раз ее мелочные хлопоты и заботы оскорбляли его. Но он видел, что это *ей необходимо*. И *он*, любя ее, хотя и *не понимал* зачем, хотя и посмеивался над этими заботами, *не мог не любоваться* ими» (529); «Эта мелочная озабоченность Кити, столь противоположная идеалу Левина возвышенного счастья первого времени, было одно из разочарований; и эта милая озабоченность, которой смысла *он не понимал*, но *не мог не любить*, было одно из новых очарований» (530).

Приход Левина к пониманию величия превращения просто женщины в женщину-мать раскрывается с помощью модального глагола *мочь*, а также глаголов *понять*, *понимать*, актуализирующих интрасубъектную возможность: «Он уже выходил в гостиную, как вдруг жалостный, тотчас же затихший стон раздался из спальни. *Он* остановился и долго *не мог понять*» (780); «Весь мир женский, получивший для него новое, неизвестное ему значение после того, как он женился, теперь в его понятиях поднялся так высоко, что *он не мог воображением обнять* его» (789); «Только уж потом *он* вспомнил тишину ее дыханья и *понял* все, что происходило в ее дорогой, милой душе в то время как она, не шевелясь, в ожидании величайшего события в жизни женщины, лежала подле него» (778); «Кити была жива, страдания кончились. И он был невыразимо счастлив. Это *он понимал* и этим был вполне счастлив» (5, 788).

Мучительный для Левина процесс осознания важности бытовых приготовлений к родам также раскрывается посредством экспликаторов модального значения возможности. Так, фраза Левина, содержащая глагол *родиться* как актуализатор интра-экстрасубъектной комбинаторности и инвертированное сочетание *детей миллионы*, обозначающее субъект действия, подчеркивает его непонимание необходимости переезда беременной Кити в Москву для родов: «Я знаю, что *родятся детей миллионы* без Москвы и докторов...» (659). Легкомысленное утверждение Левина о «детей миллионах» контрастирует с выстроенным с помощью модальных экспликаторов изображением поведения и состояния Левина во время его поездки в аптеку за опиумом для Кити, во время приглашения врача и мучительных часов ожидания родов. Актуализирующие частное значение интра-субъектной возможности '(не) быть в состоянии выполнить действие' глаголы *мочь*, *понять*, *понимать*, *терпеть* и осложненный оценочным наречием *решительно* глагол *вырвать*, а также реализующие частное значение экстрасубъектной возможности '(не) иметь возможность выполнить действие' предикатив *нельзя*, отрицательное местоимение *ничего* передают глубокие душевные переживания Левина, раскрывая метаморфозу его отношения к происходящему и показывая страданность героем рождения одного ребенка – своего сына: «Эта внимательность лакея к стеклам и равнодушие к совершавшемуся у Левина сначала изумили его, но тотчас, одумавшись, *он понял*, что никто не знает и не обязан знать его чувств и что тем более надо действовать спокойно, обдуманно и решительно, *чтобы пробить эту стену равнодушия и достигнуть своей цели*» (781); «Провизор спросил по-немецки совета, отпустить ли, и, получив из-за перегородки согласие, достал пузырек, воронку, медленно отлил из большого в маленький, наклеил ярлычок, запечатал, несмотря на просьбы Левина не делать этого, и хотел еще завертывать. Этого *Левин уже не мог выдержать*; *он решительно вырвал* у него из рук пузырек и побежал в большие стеклянные двери» (781); «Левину слышно было за дверью, как кашлял, ходил, мылся и что-то говорил

доктор. Прошло минуты три; Левину казалось, что прошло больше часа. *Он не мог более дожидаться.* ... “Ну, так дайте кофею напьюсь”. Доктор взялся за кофей. Оба помолчали. “Однако турок-то бьют решительно. Вы читали вчерашнюю телеграмму?” – сказал доктор, пережевывая булку. – “Нет, *я не могу!*” – сказал Левин, вскакивая. “Так через четверть часа вы будете?”» (5, 782–783); «Но после этого часа прошел еще час, два, три, все пять часов ... и положение было все то же; и *он* все *терпел*, потому что больше *делать было нечего*, как терпеть, каждую минуту думая, что он дошел до последних пределов терпения» (783–784); «Но где, когда и зачем это все было, он не знал. *Он не понимал* тоже, почему княгиня брала его за руку и, жалостно глядя на него, просила успокоиться» (784–785); «Но, глядя на нее, он опять видел, что *помочь нельзя*, и приходил в ужас и говорил: “Господи, прости и помоги”» (785).

Важную роль модальные экспликатеры играют в раскрытии сложного процесса формирования у Левина чувства любви к сыну. Глагол *мочь* как актуализатор семантики интрасубъектной возможности изображает отсутствие у Левина отеческой любви к ребенку в первые месяцы его жизни. Ср.: «Но ребенок? Откуда, зачем, кто он?.. *Он никак не мог понять, не мог привыкнуть* к этой мысли. Это казалось ему чем-то излишним, избытком, к которому *он* долго *не мог привыкнуть*» (788). Имплицитно реализующая значение интрасубъектной возможности лексема *понять* подчеркивает чувство любви к сыну, пришедшее к Левину только после переживания страха за жизнь жены и сына, оставшихся в лесу во время грозы.: «Нынче после этого страха во время грозы *я понял*, как я люблю его (сына. – Р.А., И.О.). Кити просияла улыбкой» (895).

Показательным в плане выявления ценностных представлений Левина является употребленное Толстым в заключительной части романа краткое прилагательное *властен*, эксплицирующее совмещенную семантику трех значений ситуативной модальности (возможности, желательности, необходимости). Благодаря счастью любить жену и сына и самому быть люби-

мым Константин Левин обретает веру в добро, которую он *властен* вложить в свою жизнь и жизнь своих близких: «Но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее – не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я *властен вложить* в нее» (5, 898).

Итак, проведенный анализ показывает, что модальные модификаторы значения возможности, эксплицирующие аксиологические категории, помогают раскрыть высоконравственные взгляды на семью и брак героев романа «Анна Каренина» Кити и Константина Левиных, совпадающие со взглядами его автора – величайшего русского писателя и мыслителя Л. Н. Толстого. Прибегая к помощи модальных экспликаторов, Толстой показывает, что семья Левиных являет собой воплощение непреходящих общечеловеческих ценностей: любовь, брак по любви, верность, взаимопомощь, взаимопонимание, чувство долга, любовь к детям, – ценностей, понимание важности и неизбежности которых особенно актуально для современного общества.

Список литературы

1. Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. — М., 2001.
2. Ваулина С. С. Текстовая функция ситуативной модальности (на материале рассказов А.П. Чехова) // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения: материалы Международной науч. конф. — М.: Изд-во РУДН, 2006. — С. 413 – 415.
3. Ваулина С. С. Исследование модальности в РГУ им. И. Канта: некоторые результаты и перспективы // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению модальности: сб. науч. тр. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 8 – 16.
4. Дневник С. А. Толстой. 1860—1891. — М.: Изд. Сабашниковых, 1928.

5. Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006.

6. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. — СПб.: Лабиринт, 1995.

Примечания

1. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-00172-а.

2. Здесь и далее цит. по изданию: Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1960.

Н. А. Чернявская
(Самара, Самарский государственный университет)

Концептуализация городского пространства в русской прозе В. В. Набокова

Сравнительно недавно в русле когнитивной лингвистики возникло новое осмысление художественного текста – как формы фиксации знаний о мире и как источника исследования этих знаний. Художественный концепт как единица авторского сознания, вербализованная в тексте, аккумулирует универсальный и личный опыт писателя, его мировидение и систему ценностей, является основным элементом смысла и имеет эстетическую значимость.

Объектом нашего исследования является вербализация концепта «город» в русской прозе В. В. Набокова. Материалом для исследования послужили произведения, созданные в период 1920–30-х годов: рассказы «Возвращение Чорба», «Порт», «Звонок», «Письмо в Россию», «Бахман», «Путеводитель по Берлину» и др., романы «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Отчаяние», «Подвиг», «Дар». Эти произведения объединяются не только хронологически, но и тематически, поскольку в них в том или ином ключе воспроизводится ситуация изгнания. Тема города связана в них с темой утраченной Родины. Автобиографичность ранних набоковских текстов предопределила известную степень близости мировосприятия автора и его персонажей и дает возможность реконструировать определенный фрагмент авторской модели мира.

Основным репрезентантом концепта является базовая лексема-номинат *город*. Хотя Набоков нередко использует названия конкретных европейских городов (*Берлин, Париж, Лондон, Прага, Мюнхен, Вена, Афины* и др.), для писателя нет принципиальных отличий между ними. Топонимика важна постольку, поскольку в имени города присутствует компонент «чужой, принадлежащий другой стране». В набоковской картине мира

чужбина предстает как ряд безликих, похожих друг на друга иностранных городов, реальных или вымышленных, безымянных или имеющих название, – неважно.

Концепт *город* объективируют лексемы, обозначающие типичные для Набокова элементы городского пространства: «открытые» локусы – *вокзал, улица, переулок, площадь, бульвар, парк, сквер* и «закрытые» – *гостиница, кабак, кафе, театр, контора, фабрика, магазин, парикмахерская, аптека, уборная* и др. Нужно подчеркнуть, что подобные составляющие понятийного слоя концепта в художественном тексте сами по себе не являются эстетически значимыми. Вместе с тем в аспекте исследования авторского мировидения нельзя не сказать о выборе городских реалий в качестве объектов изображения. Писатель фиксирует взгляд на заведомо сниженных типах построек, настойчиво «перемещает» их из одного текста в другой, делая их сквозными образами и даже знаковыми для того или иного города или страны: *кабаки, пивные, уборные, бараки*. Особую значимость имеют в набоковской прозе лексемы *вокзал, поезд, станция, порт*, в семантике которых актуализируется компонент «дорога». Всякий чужой город и любая другая страна для В. Набокова и его персонажей – это временное пристанище, отправная точка в бесконечном пути, у которого есть начало (Россия), но нет конечного пункта.

Средствами репрезентации смысловых микроэлементов концепта являются текстовые синтагмы. В ранних произведениях Набокова регулярно воспроизводятся, повторяются синтагмы, отражающие своеобразие авторской модели мира: *спокойный германский город; тихий, целомудренный город; мертвые улицы* (Возвращение Чорба); *и вот опять – новый город; чужой город; другой город, другая страна; далекое изгнание* (Звонок); *скучный, чужой город* (Путеводитель по Берлину); *чужой, страшный, каменный город* (Нежить); *сонный городок* (Картофельный Эльф); *большой нерусский город; случайный город* (Ужас); *странствовать из города в город; чужой город; скучноватая улица; тоска по новой чужбине* (Машенька); *чужой город; безымянный город; многие другие города, которые*

все для него были одинаковы (Защита Лужина); чужой город; скучный город; незнакомый город; тихие, скучные улицы; один в чужом городе (Король, дама, валет); перебираясь из города в город (Случайность) и др.

Анализ ближайшего контекстуального окружения репрезентантов концепта позволил вычленить концептуальные признаки городского пространства в набоковской картине мира:

- Атрибут чужой страны и соответственно – иной культуры: *чужой, чужеземный, другой, иной, иностранный, нерусский, германский, берлинский, французский, швейцарский* и под.

- Временное прибежище, непостоянство пребывания в нем субъекта. Этот признак получает репрезентацию в лексемах *вокзал, порт, станция, поезд* и текстовых синтагмах: *странствовать из города в город, перебираться из города в город, и вот опять новый город, тоска по новой чужбине.*

- Немотивированность пребывания субъекта: *случайный город; застрять в скучном городе.*

- Неизвестность: *новый, незнакомый, безымянный город.*

- Враждебность – городское пространство вызывает страх, тревогу, беспокойство: *страшный город; темный, страшный квартал; опаснейший путь через незнакомый город; хищные призраки автомобилей.*

- Созданный из камня. Этот смысловой признак воплощается в неоднократно употребляемых, сквозных лексемах *панель, тротуар, асфальт, плита, стена, колонна*, а также сверхсловных единицах *каменные ступени, каменная лестница, каменный город, каменные скамьи, каменная ограда, каменный памятник (всадник, конь), каменная набережная, каменный бассейн, каменный коридор, каменный пол, кирпичные дома, кирпичная стена, гранитные пласты ступеней* и др. Общий семантический компонент – камень – актуализирует символический слой концепта. Камень символизирует, с одной стороны, прочность и постоянство. С другой стороны, он является символом безразличия, холодности, отчужденности. Многократные повторы лексем *камень, каменный* подчеркивают тяжелое, гнетущее чувство героя-изгнанника, вызванное осознанием не-

возможности изменить свою судьбу.

- Ограниченное или искривленное пространство. Концептуальный признак «ограниченность, теснота» получает вербализацию в словных и сверхсловных единицах: *узкие улочки, переулочек* («небольшая, обычно узкая улица»), *тупик, узкая панель, узкий тротуар, узкая дорожка, крохотные дома, низкие дома, приземистый домишко, тесная комнатка, низкая комната, низкий потолок, тесный коридор, глухая стена, глухой двор, туннель, паранет, стена, ограда, решетка, каморка, келья*. Признак «искривленное пространство» эксплицируют синтагмы: *сползающие улочки, покатый переулок, покатая площадь, кривая улица, кривой переулок, кривобокая площадка, плоский дом*. Город придавливает, сковывает, стесняет, затрудняет движение. Рождается идея несвободы, невозможности проявлять свою волю, действовать, согласно собственным желаниям. Город становится символом заточения, узничества, превращается в лабиринт, из которого нет выхода. Герой замкнут в его пространстве, как в каменном мешке.

- Синтагмы, описывающие нагромождение артефактов – *автомобилей, фонарей, витрин, вывесок*, скопления людей: *шаркали толпы* (Порт); *черные люди, приплюснутые сверху, шагали туда и сюда* (Машенька); *кишели мелкие, темные силуэты* (Возвращение Чорба); *толпы людей вываливаются на улицу* (Бахман) – поддерживают концептуальный смысл «теснота». Беспорядочное, хаотичное передвижение людских масс (*шаркали, кишели, шагали туда и сюда, вываливаются, блуждали, бродили, колыхались*) формирует концептуальный признак «бессмысленность существования».

- Показательно, что, наряду с изображением толпы, часто передается парадоксальное ощущение пустоты и тишины, символизирующих одиночество героя: *пустой двор, пустая площадь, пустынная улица, пустынный проспект, пустыня города, пустыня площади, пустырь, тихая, пустая улица, тихий, сонный город*. Посредством антропоморфных метонимических моделей: *спокойный, тихий, скучный, угрюмый, сонный, мертвый город; угрюмое предместье; тихая, темная, мертвая ули-*

ца; сонные домишки реализуется концептуальный признак «отсутствие деятельной активности, энергии, разобщенность жителей».

Атрибуты городского пространства в интерпретации Набокова обладают ярко выраженной отрицательной эмоциональной окраской. Нагнетание негативно-оценочных эпитетов наблюдаем при изображении жилища персонажей-изгнанников: *убогая гостиница* (Порт); *старая, гнусная, дурного пошиба, дрянная гостиница; черный, в географических облупах дом, с ободранной кисеей за мутными стеклами; черный, подслеповатый дом* (Возвращение Чорба); *затхлый номер дешевой гостиницы* (Звонок); *убогий отель; жалкий номер в этом жалком отеле* (Подлец); *скверная гостиница* (Пильграм); *дом мрачный и грязный* (Королек); *нищий старый квартал; мерзкая улица* (Лик). Гостиница как атрибут чужого мира, как антидом становится символом бездомности, бесприютности и одиночества эмигранта. Сниженная лексика с семантикой разрушения: *облупы, рухлядь, барак, затхлый, прелый, вонючий, ободранный, обвалившийся, полуразрушенный* передает ощущение нечистоты, нищеты, полной безысходности существования.

Отчетливо отрицательной коннотацией обладают описания жителей: *беззубая девочка, пузатый лавочник* (Порт); *туземные прохожие* (Звонок); *одиноким старичок, чмокая и посасывая, лакал с ложки борщ* (Порт); *нарумяненная девица с отвратительной золотой пломбой* (Король, дама, валет); *серые, в наростах и вздутых жилах, старческие ноги; розовое, как свиная, пузо; рыхлые, в голубых подтеках, ляжки, гусиная кожа, прыщавые лопатки кривоногих дев; безнадежная, безбожная тупость довольных лиц* (Дар).

Важное место в ценностной картине мира занимают цветообозначения. В изображении элементов городского пространства преобладают черные и серые тона, делается акцент на отсутствии цвета, недостатке света, блеклости тонов: *черный переулок, черная площадь, черная дверь, черные окна, черные платаны, черный асфальт, черный забор, темная лестница,*

темные дома, темная улица, темный фасад, серые дома, серые особняки, серые крыши, серая церковь, серый коридор, серый свет фонаря, туманный фасад, тусклый фасад, тускловатое стекло, тусклые окна, тусклый кабачок, смутный свет, смутные тополя, мутный сад, сизая улица, пепельная мгла площади.

Погружение в мир, созданный писателем, обеспечивается не только зрительными, но и звуковыми ассоциациями. Звуки, связанные с городской жизнью, громкие, неприятные, раздражающие: *стукнул ставень; взвизнула Ляля; шаркают толпы; жарко и тяжело жужжали мухи; трудные звуки шарманки (Порт); скрежет трамвая; трубный рев простуженных таксомоторов (Звонок); взрывы грубой музыки оглушали ее (Бахман); как руки, заламывались звуки скрипки (Порт).* Ассоциативный ряд *трудные, тяжело, скрежет, шаркали, трубный рев;* конструкция *как руки, заламывались звуки скрипки,* отсылающая к фразеологизму «заламывать руки»; многочисленные аллитерации (повторение звуков *ж, ш, з, с*) актуализируют смысл «делать или воспринимать что-либо с усилием, с напряжением, мучительно».

Выявленные парадигмы перцептивной лексики формируют представление о дисгармоничном начале, хаотичности городской жизни.

Специфику авторского видения мира составляют образные модели. Вербализация образного слоя концепта «город» в прозе Набокова связана с метафорами живого организма, огня, театра, кулинарии.

Город – живой организм, имеющий тело: *железные кишки улиц (Путеводитель по Берлину); горло дома (Письмо в Россию); спины домов; железные ребра моста; мертвые глаза старых гостиниц (Дар); способный двигаться, есть, говорить, совершать разнообразные физические действия, испытывать эмоции: невеселые окна (Пильграм); отвернувшиеся дома; старые дома, гревшие на утреннем солнце татуированные спины; растрепанный перекресток (Дар); реклама, проедающая темноту (Звонок); шепчущие улицы (Отчаяние); прошага-*

ла <...> огромная багровая фабрика, чей-то шоколад окликнул нас с пятисажженного объявления (Пассажир); лестница продолжала рожать людей (Защита Лужина). Часто город Набокова – больное, искалеченное существо: улочка на костылях (Весна в Фиальте); площадь, всегда искалеченная городскими работами; осунувшиеся и поседевшие улицы (Дар); слепые стены (Машенька); подслеповатый дом (Возвращение Чорба).

Метафорическая модель «город – театр», с одной стороны, подчеркивает искусственность, театральность городских построек, а с другой стороны, – неестественность поведения, неискренность, лицемерие городских жителей, которые не живут подлинной жизнью, а имитируют жизнь: *бутафорская рухлядь бедности (Лик); городские кулисы (Дар); чем дальше от моря, тем дешевле, – словно море – сцена, а ряды домов – ряды в театре, кресла, стулья, а там уж и стоячие места (Король, дама, валет); все эти платформы и лестницы, и чуть-чуть булафорские переулки были декорациями, оставшимися от каких-то других доигранных жизней (Весна в Фиальте).*

Посредством метафоры огня объективируются такие признаки элементов городского пространства, как искусственное освещение или способность отражать свет: *кабачки, ядовито пылавшие в тумане угрюмого предместья (Бахман); улица горела, прерывалась темнотой, снова горела (Сказка); окно пылает золотым закатным блеском (Король, дама, валет); гладким металлическим пожаром горели крыши под луной (Машенька); пылали круговые щиты уличных уборных; кабаки, горевшие желтым блеском; словно цветистый огонь застывшего фейерверка, пылало кафе (Порт).* При этом, как правило, актуализируется чрезмерная сила, интенсивность огненной стихии, возникают ассоциации с ослеплением и болью.

Концептуализация городского пространства осуществляется и посредством кулинарной метафоры, также несущей негативно-оценочный потенциал, актуализирующей смысл «нечто аморфное, липкое, жирное, неприятное на ощупь»: *сырой, смазанный черным салом, берлинский асфальт (Письмо в Россию); асфальт, запачканный в манной каше (Дар); внизу, по улице*

скользили люди, среди внезапно замершего автомобильного студня (Король, дама, валет); потом начался опять кусок города – постарше, да посерее (Король, дама, валет). Особенно отчетливо негативная коннотация просматривается в конструкции *В этом спокойном германском городе <...> музыкой накамливали до отвалу* (Возвращение Чорба), где эта метафорическая модель отождествляет духовную и физиологическую сферы человеческого существования.

Рассмотренные аспекты содержания концепта «город» оказываются значимыми с точки зрения экспликации внутреннего состояния субъекта-изгнанника – его тоски, одиночества, опустошенности, ощущения истощенности жизни. Для человека, пребывающего в духовной, культурной изоляции, пространственные ориентиры искажаются, утрачивают реальность. Город как вынужденное, временное место пребывания воспринимается как ограниченное, искривленное, враждебное, дисгармоничное пространство.

Как известно, интерпретация художественного текста не может быть однозначной. Тем не менее его концептуальный анализ представляется объективным, поскольку критерием интерпретации в этом случае выступает языковая система, взаимодействие парадигматики и синтагматики языковых единиц, и плодотворным, поскольку вербальное воплощение концепта в художественном произведении ведет к постижению личностного психологического восприятия, мироощущения его автора.

С. П. Яковлева
(Тверь, Тверской государственный университет)

Апеллятивная лексика как основная форма именования героя

В ряде произведений А. и Б. Стругацких апеллятивная лексика оказывается более информативной и семантически наполненной, нежели имена собственные. Подобная информативная насыщенность апеллятивов и информативная «бедность» имен собственных в произведениях прогрессорского цикла обусловлена тем фактом, что имена жителей других планет, действующих в этих произведениях, являются окказиональными и служат в основном для выполнения идентифицирующей функции.

Повесть А. и Б. Стругацких «Парень из преисподней» относится к циклу прогрессорских произведений, но главным героем здесь становится не прогрессор, а житель «подопытной» планеты, попадающий в мир землян. Поэтому использование имени собственного или того или иного апеллятива обусловлено не местом действия, а самой коммуникативной ситуацией.

Личное имя героя *Гаг* является собственно авторским, а не заимствовано из реального ономастикона. Оно несет в себе, в первую очередь, идентифицирующую, а не стилистическую функцию, так как не содержит глубинных пластов смысла. Это имя служит лишь для выделения данного персонажа из череды других. Имя *Гаг* является частью выдуманного авторами ономастикона другой планеты и содержит фонетический маркер принадлежности к нему. Практически все имена собственные описываемой планеты имеют в своем составе одну или две буквы *г*: *Ганг Гнук, барон Трэгг, Пигганская школа, озеро Заггута*. Двукратное использование этой буквы в имени персонажа подчеркивает его принадлежность к миру *Гиганды*. Следовательно, в имени *Гаг* задействован только фонетический уровень, который определяет героя как неотъемлемую часть вы-

думанного мира. Однако все остальные смысловые пласты создаваемого образа отражаются не в имени собственном, а в апеллятивной лексике, которая оказывается при именовании героя более частотной.

Наиболее часто употребляется прозвище *Кот* в различных вариациях (*Бойцовый Кот*, *Кот*, *Котенок*, *котяра*). Данное прозвище отличается от остальных, используемых в повести. Все сослуживцы Гага именуются именно по прозвищам (*Клещ*, *Носатый*, *Заяц* и т.п.), которые образованы по стандартным моделям, будь то внешний вид именуемого, черты его характера или поступки. Однако прозвище Гага имеет другое происхождение и может быть отнесено не только к нему. Бойцовые Коты – это название армейского подразделения, частью которого он является. Поэтому такое именование используется на страницах повести не только по отношению к главному герою, но и ко всем его сослуживцам: «Уж если Бойцовых Котов бросают затыкать прорыв, то всякому ясно: дело дрянь» [1, с. 12]. Наделение героя подобным прозвищем позволяет подчеркнуть его принадлежность к определенной группе и выделить его как типичного представителя этой группы. На Земле прозвище Бойцовый Кот приобретает ещё больший вес, так как в мире землян Гаг становится единственным представителем своей социальной группы, своего подразделения.

Прозвище *Кот* выступает в нескольких вариантах, позволяющих конкретизировать создаваемый образ. Вариант *Котенок* подчеркивает молодость и неопытность героя и звучит в речи более опытных товарищей или стоящих выше по социальной лестнице: «<...> но герцог произнес низким хриплым голосом: «Открой пасть, Котенок...» [1, с. 120], «– Котенок... – говорит. – Ты здесь развлекаться будешь, а Гепард там один?» [1, с. 18].

Сочетание *Бойцовый Кот* не только содержит отсылку к части, в которой служит главный герой, но и добавляет его образу официальности и делает его фигуру более значительной и весомой.

Вариант *Ком* встречается на страницах повести написанным как с заглавной буквы, так и со строчной. В первом случае такое именование выступает в роли прозвища и содержит в большей степени отсылку к названию боевой части. Обращение со строчной буквы – *кот* – больше соотносится с животным, что обыгрывается авторами текстуально: «– *Ком!* Ну кот и кот! Дикий...» [1, с. 155]; «– *Ком*, – сказал он. – Эх ты, *котяра*... гроза мышей!» [1, с. 196]. Подобное варьирование позволяет охватить сразу несколько сторон характера героя. С одной стороны, он смелый, сильный, преданный идеалам, как и любой из его боевых товарищей из части Боевых Котов. С другой – ему присущи черты, которыми обычно люди наделяют кошек: самолюбие, ловкость, хитрость.

Рождение образа происходит не только при выборе определенного апеллиатива, но и путем сопоставления значений. В монологе героя на основе именования *Ком* создаются два противопоставления: «Поганый *щенок*, а не *Кот!*» [1, с. 156]; «*Дикобраз* ты, а не *Кот!*» [1, с. 158].

В первом случае обыгрывается нарицательное существительное *кот*, ставшее прозвищем героя. Эффект контраста создается на основе существующего в культуре противопоставления образов кота и пса. В культуре эти образы могут иметь и положительную, и отрицательную оценку, поэтому для расстановки коннотативных акцентов авторы используют неравнонаполненные элементы. Лексически нейтральное *Ком* сравнивается с существительным *щенок*, которое несет в себе уничижительный оттенок, усиленный эпитетом *поганый*.

Второе противопоставление является окказиональным. Под существительным *дикобраз* подразумевается не конкретное животное, а образ трусливого, жалкого вояки, который создается Стругацкими с первых страниц повести. Со стороны Бойцового Кота, который испытывает к дикобразам только презрение, подобное сравнение звучит уничижительно и свидетельствует о сильнейшем эмоциональном потрясении героя. Создаваемый эффект закрепляется в этом монологе с помощью об-

ращения героя к самому себе – *сопляк*: «Угрожать вздумал, сопляк...» [1, с. 158].

Большая часть именовании героя содержит в себе негативный компонент значения, при этом в некоторых апеллиативах этот компонент выражает непосредственную оценку самого героя. Так, соотечественник главного героя Данг в порыве ненависти обдаёт Гага потоком ругательств: «– Сам ты барабанная шкура! – прошипел Данг сквозь зубы. – Палач недобитый, убийца» [1, с. 168]. Такие апеллиативы содержат отсылку к профессиональной деятельности персонажа, его военной специальности и выражают явную негативную оценку этой деятельности.

Однако в апеллиативы, имеющие в своем составе негативный компонент значения, говорящие могут и не вкладывать отрицательную оценку именуемого. Так, именование *убийца* в устах Корнея становится не ругательством, а лишь констатацией того факта, что военная профессия Гага оказывается неотделима от смерти: «– Он и есть убийца, – тихо ответил Корней. – Профессионал...» [1, с. 179]. Именование *сопляк*, обращенное Гагом к самому себе в порыве безысходной злости и чувства собственной бесполезности, звучит уничижительно и выступает в роли ругательства. То же самое слово в обращении герцога Алайского к выпуску Бойцовых Котов, среди которых находится и главный герой, приобретает совершенно противоположное значение, – значение похвалы. Негативный компонент, содержащийся в данном слове, нивелируется за счет соседствующих с ним эпитетов, несущих неоспоримо положительную оценку: «Это был личный его высочества жевательный табак пополам с известью и сушеной горчицей, а герцог хлопал меня по плечу и говорил растроганно: «О, эти сопляки! Мои верные, непобедимые сопляки!...» [1, с. 120].

Негативный компонент именовании может относиться не к именуемому герою непосредственно, а к той среде, в которой он находится. Например, обращение сослуживца Гага *брат-смертник* создает ощущение витающей в воздухе смерти и неизбежности: «– Ну, что скажешь, брат-смертник? – говорит он

мне» [1, с. 17], а также равенство всех перед ней. Созданный эффект усиливается, когда в речи Корнея возникает именование, вынесенное авторами в заглавие повести – *парень из преисподней*: «– Ну вот, познакомьтесь, – говорит Корней. – Это – Гаг, парень из преисподней» [1, с. 85]. Негативная составляющая подобного обращения нацелена на планету, уроженцем которой является Гаг, а не на него самого. Такая авторская оценка мира, в котором довелось жить герою, вносит элемент сочувствия его образу.

Апеллятивная лексика, используемая в повести, разнообразна по своему составу, происхождению и создаваемому эффекту. Апеллятивы используются наравне с личным именем героя, однако берут на себя существенно большую часть создаваемого образа. Большинство апеллятивов, используемых для именования главного героя, содержат в себе негативные компоненты значения, направленные непосредственно против как самого персонажа, так и той среды, в которой он обитает. Причина подобного эффекта содержится уже в заглавии повести, которое впоследствии становится именованием героя: *парень из преисподней*. Мир, который можно назвать преисподней, в котором смерть становится обыденностью, – именно такой мир может породить создаваемый авторами образ Гага, а следовательно, и все те негативные компоненты значения, которые прослеживаются в его именовании.

Список литературы

1. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Парень из преисподней. — Донецк: «Сталкер», 2005.

А. Ю. Кудина
(Тверь, Тверской государственный университет)

У каждого своя ПРАВДА

Лексика русского языка чрезвычайно разнообразна по своему составу. В ней есть слова, четко формирующие образ действительности, максимально конкретно и предметно называющие те или иные ее явления. Например, слова *табурет*, *стул*, *кресло* объединяет то, что все они называют предметы мебели, предназначенные для сидения, а не для лежания. В состав их лексического значения, конечно, входят дифференцирующие семы, позволяющие нам различать предметы действительности, называемые данными словами. Так, *стул* – это предмет мебели для сидения со спинкой, а *кресло* – со спинкой и подлокотниками. Но даже эти дополнения в толковании не рождают многозначности, поскольку лексическое значение остается предельно конкретным. С точки зрения морфологии, к таким словам, прежде всего, относятся конкретные существительные и качественные прилагательные.

Но наш язык также чрезвычайно богат словами, которые не обладают точным понятийно-логическим содержанием. Например, прилагательным *красный* можно назвать множество различных оттенков цвета, поэтому и существуют синонимы *алый*, *багряный*, а также описательные названия типа *цвета крови*, *цвета алого заката* и относительные прилагательные, называющие цвет через соотношение с предметом: *малиновый*, *клюквенный*, *вишневый*.

У большинства таких слов четко выражена положительная или отрицательная оценка. Например, слова *удача*, *успех*, *милый*, *правда*, *справедливость*, *честь*, *достоинство*, *красивый* имеют положительную коннотацию, а символические слова *позор*, *горе*, *беда* – отрицательную. Некоторые исследователи называют такие слова **символическими** [2].

Такие слова могут пониматься по-разному. Для кого-то *удачей* может быть отличная оценка на экзамене, а для другого – разрешение судебной тяжбы. Кому-то могут показаться *прогрессивными* картины художников авангардистов, а кто-то считает их *регрессом* в искусстве.

Отличительной особенностью символических слов является отсутствие точной предметно-понятийной отнесенности и, как следствие, нечеткое, неясное, размытое понятийно-логическое содержание. Отсутствие точной предметно-понятийной отнесенности несколько сближает символические слова с местоимениями. Но в отличие от местоимений, которые вообще не имеют номинативного значения, у символических слов номинативное значение есть, и даже фиксируется в словаре, но определяется недостаточно, неполно, размыто [2; с. 64].

Например, слово *правда* определяется как 1) «то, что соответствует действительности; истина», 2) «то, что исполнено истины; правдивость», 3) «справедливость, порядок, основанный на справедливости».

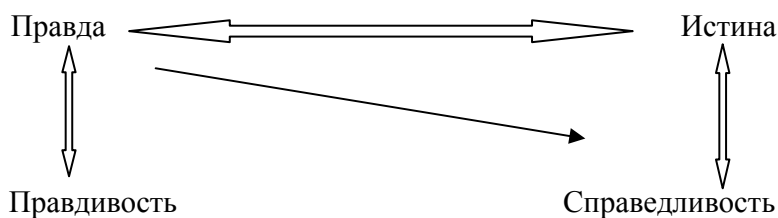
Во всех трех случаях лексическое значение толкуется с помощью языковых синонимов. *Правда 1* – это *истина*, *Правда 2* – *правдивость*, *Правда 3* – *справедливость*. Объяснение не через синонимы только у *правды 1* – «то, что соответствует действительности», и *правды 2* – «то, что исполнено истины», но эти толкования несколько неопределенны, неясны.

Обратившись к словарю, чтобы узнать толкование слов - синонимов *правды* - *истина*, *правдивость*, мы узнаем, что они в свою очередь объясняются через отсылку к слову *правда*.

Истина - это «то, что существует в действительности; правда». *Правдивость* – это свойство прилагательного *правдивый*, которое отсылает нас также к слову *правда*.

Слово *справедливость* отсылает не к *правде*, а к *истине*, но это не вносит ясности: *Справедливость* является свойством *справедливого*. *Справедливый* же – это 1) действующий беспристрастно, в соответствии с *истиной*.

Результаты попытки определить лексическое значения слова *правда* можно изобразить графически

Из данной схемы видно что, толкование слова *правда* идет по замкнутому кругу, в который попадают слова предельно близкие по значению, но этого значения не объясняющие. Все лексические значения называют *нечто*, соответствующее действительности. Никакой уточняющей информации словарь не предоставляет.

Порочный словарный круг из символических слов заставляет вспомнить о симулякрах. Можно предположить, что если с точки зрения философии «симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет» [1; р. 9], то с точки зрения лингвистики симулякр оказывается лексическим значением, скрывающим, что его нет [2; с. 65].

Семантическая «пустота» подобных слов, с одной стороны, дает возможность к образованию множества смыслов и интерпретаций. Слово *правда* 1,2,3 все понимают по-своему: не случайно русская пословица говорит нам о том, что у *каждого своя правда*. Каждый человек может назвать *правдой* то, что именно ему кажется таковым. Возможно, что все остальные люди будут считать иначе.

В реальной же жизни существует несколько тенденций в использовании таких слов. Например, народная мудрость пытается эту «пустоту» преодолеть. *Правда* 1 (в словаре синоним *истины*), в пословицах и поговорках *истине* противопоставлена: *У каждого своя правда, Всяк правду ищет, да не всяк ее творит, За правду-матку и умереть сладко, Варвара мне тетя, а правда сестра, Устами младенца глаголет истина, Дорога извилиста – истина пряма, Истина сияет собственным светом*. Из приведенных примеров видно, что *правда* употреб-

ляется в том случае, если говорят о соответствии действительности в конкретных бытовых ситуациях. Но поскольку степень соответствия действительности того или иного явления зависит от точки зрения конкретного человека, то и *правд* может быть столько, сколько и мнений. *Истина* же воспринимается как нечто абсолютное, данное свыше, то, с чем человек рождается, а не приобретает в течение жизни (*уста́ми младе́нца глаголет исти́на*).

Вторую тенденцию использования таких слов можно было бы обозначить как «эксплуатация пустоты». В сфере человеческой коммуникации бывают и такие случаи, когда семантическая «пустота» символических слов, порождающая множественность толкований, и оценочность оказывается чрезвычайно востребованной. Например, в сфере демагогического дискурса (политическая сфера, реклама, гороскопы).

Размытость значения позволяет каждому думать о чем-то своем, а наличие положительной или отрицательной коннотации формирует необходимое для адресанта текста отношение к тому или иному явлению действительности. Именно поэтому многие политики в своих лозунгах и публичных выступлениях часто обращаются к подобной лексике, а также рекламодатели и составители гороскопов.

В тех или иных контекстах, подобное слово выступает как своеобразный механизм, который как бы «включает» эмоции адресата. Например, политический лозунг выполняет функции призыва, побуждения к определенным действиям, а также функции знамени, символа, вокруг которого консолидируются определенные силы, а поэтому в нем обязательно присутствует эмоциональная составляющая. Авторы политических лозунгов очень часто используют слова, с предельно размытым значением. Поскольку словарное толкование не дает никаких разъяснений относительно значения слова, автор получает возможность использовать его в своих целях, формировать необходимый ему образ действительности. Именно коннотация (положительная или отрицательная) способствует тому, что избира-

тель или покупатель делает свой выбор в пользу той или иной политической силы или того или иного товара.

Слова подобного рода стали очень продуктивными в рекламе, в политике, в гороскопах и проч. Именно это заставляет многих исследователей заниматься глубоким изучением данного вопроса.

Список литературы

1. Baudrillard Jean. *Simulacres et simulation*. — Galilée, 1981.
2. Власова О. Б. Символические слова: реальность и перспективы // Стратегии исследования языковых единиц. Материалы Тверской международной научно практической конференции. — Тверь. 2010.

Содержание

С. А. КОПОРСКИЙ – УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК, ЧЕЛОВЕК

<i>Ю. А. Бельчиков.</i> Сергей Алексеевич Копорский (к 100-летию со дня рождения)	7
<i>П. С. Кузнецов.</i> Памяти профессора С. А. Копорского	17
<i>Р. В. Туркина.</i> С. А. Копорский – учитель, наставник, человек	27
<i>Р.В. Разумов.</i> Сергей Алексеевич Копорский: ярославские страницы	31
<i>О. В. Никитин.</i> Из истории лингвистической науки 1930–1960–х гг. (профессор С. А. Копорский в кругу языковедов его времени)	40

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

<i>Ю. Л. Воротников.</i> «Языковая картина мира» в ряду лингвистических терминов	89
<i>И. С. Улуханов.</i> О «Сборнике упражнений по русскому языку для дошкольников»	94
<i>Е. С. Копорская.</i> Семантическое взаимодействие лексических классов как один из основных факторов динамики лексической системы языка	115
<i>Ю. И. Чайкина.</i> Переписная именная книга г. Вологды последней четверти XVII века как особый вид деловой документации Московской Руси	136
<i>Т. В. Бахвалова.</i> Лично-индивидуальные образные и необразные прозвища	140
<i>Р. В. Разумов.</i> Названия кинотеатров в современном русском языке	147
<i>Л. Н. Новикова.</i> С. А. Копорский и тверские говоры	154
<i>Т.В. Габлина.</i> Типология вариантных явлений в говорах Тверской области (на материале имен существительных)	167
<i>О. Б. Власова.</i> Периферийная мотивация в словообразовательной паре	173
<i>Л. Г. Яцкевич.</i> Неизменяемые прилагательные в русских народных говорах	182

<i>Л. С. Головина.</i> Лингвокультурологическое комментирование онимов учебников русского языка для иностранцев	190
<i>А. М. Неволина.</i> Особенности именования посадских людей и крестьян в Писцовой книге Тотьмы начала XVII века	193

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКА

<i>В. Н. Виноградова.</i> Лексикографические записи	
<i>А. Н. Островского</i> и его работа над языком	203
<i>С. С. Ваулина.</i> «Строевая» роль модальной лексики в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова)	222
<i>В. В. Викулова.</i> Акустический аспект смеховой ситуации через призму метафорической образности	231
<i>В. В. Волков.</i> Грамматическая и поэтическая антиномия детерминизма и провиденциализма.....	239
<i>О. А. Усачёва.</i> Сравнения как средство выражения количества в детской литературе	244
<i>И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик.</i> Языковая репрезентация категории отчуждения в русской литературе XIX века.....	249
<i>И. А. Долгова.</i> Пространственная метафора как ключевой компонент русской языковой картины мира	259
<i>А. А. Дударева, В. Н. Ерохин.</i> Два художественных приема и «душа» в «Поэме конца» М. Цветаевой	266
<i>И. Б. Хоменко.</i> Ключевые слова в структуре идиотезауруса языковой личности	277
<i>А. Р. Попова.</i> «Записки охотника» И. С. Тургенева как свидетельство перемен в социальном устройстве, материальной и духовной культуре общества.....	285
<i>Р. В. Алимбиева, И. В. Островерхая.</i> Лексические модальные экспликатеры «мысли семейной» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (на примере сюжетной линии «Кити – Константин Левины»)	291
<i>Н. А. Чернявская.</i> Концептуализация городского пространства в русской прозе В.В. Набокова.....	301
<i>С. П. Яковлева.</i> Аппеллятивная лексика как основная форма именования героя.....	309
<i>А. Ю. Кудина.</i> У каждого своя ПРАВДА.....	314